

Санкт-Петербургское городское отделение Всероссийской
общественной организации «Всероссийское общество охраны
памятников истории и культуры» (ВООПИиК)

.....

ВТОРЫЕ ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы конференции
22 ноября 2013 года**

Отв. ред. А. И. Чепель

.....

Санкт-Петербург
Издательский дом «Коло»
2016

УДК 719
ББК 72
В87

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ООО «Научно-производственное и проектное объединение
„Союзстройреставрация“»

Организационный комитет конференции:
А. Е. Иванов (председатель), Б. М. Кириков, А. Д. Марголис,
М. С. Штиглиц, И. А. Мартыненко, Т. А. Цема, А. И. Чепель

В87 Вторые Тихоновские чтения : Материалы конференции 22 ноября 2013 года / Отв. ред. А. И. Чепель. — Санкт-Петербург : Коло, 2016. — 312 с. : ил.

ISBN 978-5-4462-0037-5

Сборник составлен по материалам очередной конференции, посвященной памяти Льва Павловича Тихонова (1929–2010) — заместителя председателя ЛГО (СПб ГО) ВООПИиК.

В статьях отражен широкий круг проблем: от зарождения государственных структур и общественных движений по охране памятников до современных задач сохранения культурного наследия.

Издание предназначено для специалистов в области охраны памятников, а также для всех, кто интересуется историей и архитектурой Петербурга.

УДК 719
ББК 72

978-5-4462-0037-5

© Коллектив авторов. Текст, фотографии, 2016

© Оформление. ООО «Издательский дом „Коло“», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Г. И. Маланичевой, Председателя Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры	9
Предисловие	11
<i>И. Л. Тихонов</i> Императорская археологическая комиссия и проблемы создания органов охраны памятников древности в России в последней четверти XIX — начале XX века	13
<i>Б. М. Кириков</i> Из истории формирования списков памятников Петербурга на рубеже XX–XXI веков (к 20-летию решения горсовета № 327).	22
<i>И. А. Золотинкина</i> Журнал «Старые годы» и церковная старина. А. А. Ростиславов	27
<i>В. И. Аксельрод</i> Краеведы в Аничковом дворце (к истории организации краеведческой работы со школьниками во Дворце пионеров — Санкт-Петербургском городском Дворце творчества юных. 1918–2013 годы)	41
<i>М. С. Штиглиц</i> Валериан Дмитриевич Кирхоглани (1913–1994). К 100-летию со дня рождения	56
<i>А. Д. Марголис</i> Грибоедов и декабристы в доме Вальха у Харламова моста.	67

Содержание

Т. И. Николаева

Созидатели, ревнители и подвижники. 73

А. М. Москалюк

Золотой век кишиневской архитектуры.
Постскриптум. 104

М. О. Логунова

Восстановление живописного панно
«Предстояние апостолов Петра и Павла
перед Иисусом Христом» на восточной стене
Петропавловского собора 118

А. И. Капитонова

Реконструкция исторических зданий в рамках
сохранения исторической городской среды
Санкт-Петербурга. 128

В. А. Коренцив

Сохраним ли исторические набережные Петербурга?. 132

Л. Ю. Сапрыкина

Шороховы — активные деятели на рынке
петербургской недвижимости 141

А. В. Князькина

Уникальная графика архитектора О. Р. Мунца.
Зарисовки с натуры 149

Н. Н. Гольцов

От «Старого Ташкента» к саду им. 9 Января 159

Н. Н. Гольцов

Ф. О. Тейхман — автор зданий Оранэлы 170

А. П. Векшин

Историческая плотина и каскад на реке Славянке
напротив дачи К. А. Манна в Павловск 176

<i>Е. В. Нестерук</i> По следам исчезающих улиц. Восточная часть Крестовского острова	186
<i>В. А. Черненко</i> Работа членов секции пропаганды памятников истории и культуры ЛГО (СПб ГО) ВООПИиК в 1978–1994 гг.: хроника событий (по материалам личного архива автора)	198
<i>М. В. Образцова, И. В. Руднева</i> Коллекции служат людям	219
<i>А. Н. Журавская</i> Опыт осуществления научно-просветительской, экскурсионной и музейной деятельности в непрофильной организации (на примере Государственного комплекса «Дворец конгрессов» Управления делами президента РФ)	223
<i>Э. Н. Корейгенко</i> Корпоративный музей. Мечты и реалии	232
<i>Ю. В. Стариков</i> Рассуждения о реставрации естественно-исторических предметов	239
<i>Х. Миганович</i> История дома на набережной Фонтанки, 22, в истории и культуре Санкт-Петербурга.	249
<i>О. И. Сакович</i> Вокруг дома на Павловском	253
<i>Ф. И. Ильин</i> Имение С. П. Боткина «Кутилла» — культурное гнездо «Русской Финляндии»	259

Содержание

З. Н. Ключвина

Поиск первичного захоронения Н. И. Путилова,
владельца Путиловского завода 267

А. И. Чепель

О гражданском инженере А. Ф. Сысоеве
(1876 — после 1928) 271

Ю. Л. Минутина-Лобанова

Общественное участие в охране наследия.
Возможность. Необходимость. Обязанность? 278

А. А. Савицкая, А. С. Чигигина

Нужны ли Петербургу висячие мосты? 287

Н. Н. Осокина

К биографии гражданского инженера
Л. М. Харламова (1872–1960?) 294

И. А. Измайлова

Журналист милостью Божией 297

А. И. Чепель

Инженер-архитектор С. Г. Гингер:
дата рождения установлена 304

Краткие сведения об авторах 307

Список сокращений 310

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры проводит значительную работу по сохранению и популяризации объектов культурного наследия. Городское отделение — активный борец за сохранение исторического, неповторимого облика Санкт-Петербурга. В. Г. Лисовский, М. С. Штиглиц, А. Д. Марголис, А. Е. Иванов — люди с активной жизненной позицией, любящие свой город и объединяющие сотни, тысячи людей этой живой любовью к родному Петербургу. Именно любовь к своему городу, уважение к его уникальной архитектуре, глубокое знание его истории всегда отличало и Льва Павловича Тихонова, одного из основателей ВООПИиК и ярчайшего представителя питерской интеллигенции. Лев Павлович всю жизнь служил своему славному городу, работая многие годы заместителем председателя Ленинградского, а затем Санкт-Петербургского отделения Общества. Благодаря ему отделение ВООПИиК в Санкт-Петербурге стало одним из лучших в России.

Л. П. Тихонов основал клуб знатоков города, ежегодно проводились фестивали любительских фильмов, посвященных историко-культурному наследию. Лев Павлович — автор нескольких монографий по истории города и серии книг, посвященных музеям Санкт-Петербурга. Многие из того, что делалось по популяризации памятников истории и культуры, сохранилось и в современной деятельности ВООПИиК.

Я благодарна Санкт-Петербургскому отделению Общества за добрую память о Льве Павловиче Тихонове, именно это доброе чувство памяти и признательности таким выдающимся деятелям культуры позволяет ВООПИиК оставаться уважаемой и востребованной организацией, сохраняющей и памятники, и добрую память об основателях ВООПИиК.

Г. И. Маланичева,
Председатель Центрального Совета
Всероссийского общества
охраны памятников истории
и культуры

ПРЕДИСЛОВИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ была посвящена памяти Льва Павловича Тихонова (1929–2010), который долгие годы был заместителем председателя Ленинградского (Санкт-Петербургского) городского отделения ВООПИиК.

В ходе конференции прозвучали доклады о различных проблемах сохранения и реставрации, изучения и пропаганды культурного наследия. Докладчики сравнивали нынешнюю ситуацию в области охраны памятников и их реставрации с тем, как обстояло дело в этой сфере в Российской империи и в СССР; вспоминали этапы деятельности ВООПИиК и тех энтузиастов, усилиями которых жило и живет благородное дело охраны памятников; открывали страницы биографий петербургских зодчих, домовладельцев, промышленников, писателей, политических деятелей; обращались к истории отдельных петербургских зданий, парков и целых «кусков города»; всматривались в лица защитников города в разные периоды его истории.

На этот раз в конференции впервые приняли участие юные петербуржцы, показавшие себя сложившимися квалифицированными исследователями.

В специальной выставке, развернутой в Доме архитектора одновременно с работой конференции, была отражена деятельность ВООПИиК и его дореволюционных предшественников.

Во время завершающей конференцию дискуссии было решено продолжить практику проведения Тихоновских чтений, сделать это мероприятие традиционным.

Оргкомитет конференции

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

До 1917 г. в Российской империи существовал только один государственный орган, в функции которого напрямую входили вопросы, связанные с охраной памятников старины, — это Императорская археологическая комиссия (далее — ИАК). Создание комиссии в 1859 г. ознаменовало собой завершение длительного процесса организации системы государственного патроната над только начинающей тогда свое становление отечественной археологией. Еще в 1830-е гг. президент Академии художеств А. Н. Оленин предлагал создать правительственный орган, который взял бы под свой контроль все вопросы, связанные с проведением археологических раскопок и охраной памятников древности. В дальнейшем руководство этим делом сосредоточилось в Министерстве внутренних дел и Кабинете Его Императорского Величества, где под руководством министра Л. А. Перовского возникла группа «чиновников по археологической части», членом которой был еще юный тогда граф А. С. Уваров. В 1856 г., после смерти Перовского, «заведывание археологическими разысканиями» было поручено С. Г. Строганову, который и разработал проект положения об ИАК, предполагая наделить ее всеми правами по контролю над раскопками и памятниками древности на территории всей империи. Но в окончательном варианте, утвержденном императором Александром II 2 февраля 1859 г., эти формулировки были изменены на очень расплывчатые и неопределенные, не дающие ИАК, созданной в ведомстве Министерства императорского двора, реальных полномочий для выполнения намеченных задач. Ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что сотрудник и племянник Перовского граф А. С. Уваров, руководствуясь мотивами личного характера, с самого начала

встал в резкую оппозицию Строганову*. Соответственно, созданное А. С. Уваровым в 1864 г. Московское археологическое общество (далее — МАО) изначально стояло в оппозиции к ИАК и постоянно пыталось перехватить инициативу в деле изучения и особенно охраны памятников древности в свои руки, выдвигая собственные проекты создания органов охраны памятников. Причем именно в этой сфере МАО разворачивало наиболее активную деятельность, в отличие от находившегося в Петербурге Русского археологического общества, которое ориентировалось больше на занятия чисто академической наукой**.

Так, в 1869 г. МАО выступило с проектом положения об охране памятников древности, по существу, игнорирующим сам факт существования ИАК. Суть этого первоначального и нескольких других, возникших на его основе проектов сводилась к разделению территории империи на несколько археологических округов и поручению охраны памятников имеющимся в данных регионах археологическим обществам. ИАК в этом проекте даже не упоминалась! После одобрения на I Археологическом съезде проект с некоторыми незначительными изменениями был утвержден на II Археологическом съезде, прошедшем в Санкт-Петербурге по случаю 25-летнего юбилея Русского археологического общества.

После II Археологического съезда граф А. С. Уваров обратился к министру народного просвещения Д. А. Толстому с предложением поддержать законопроект об охране памятников. Перед тем как собрать специальную комиссию по этому вопросу, министерство направило запросы в ведущие научные учреждения России, стремясь выявить их мнение. Отзывы от Академии наук были составлены Л. Э. Стефани, А. А. Шифером, А. А. Куником, поддерживая цели проекта, обратили особое внимание на отсутствие в нем упоминания об ИАК и указали на недопустимость за-

* Тихонов И.Л. «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским археологическим обществом) // *In situ*: К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 359.

** Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII — первая четверть XX вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. СПб., 2013. С. 23.

малчивания деятельности комиссии, «тогда как эта деятельность, блестящая по результатам, уже давно признана по всей Европе достойной подражания»*.

В итоге в 1876 г. при Министерстве народного просвещения была создана под председательством товарища министра князя А. Б. Лобанова-Ростовского «Комиссия для обсуждения мер к охранению памятников древности». Через год, в апреле 1877 г., ею был подготовлен «Проект правил о сохранении исторических памятников», который опять-таки игнорировал существование ИАК. Например, в предполагаемом Санкт-Петербургском археологическом округе среди ученых учреждений назывались Университет, Русское археологическое общество и Санкт-Петербургское общество архитекторов, а ИАК даже не упоминалась**. Полномочия создаваемого органа, который планировалось назвать «Императорской комиссией для охранения памятников», практически полностью перекрывали основные направления деятельности ИАК.

Естественно, сотрудники ИАК активно включились в полемику по поводу разработанного комиссией А. Б. Лобанова-Ростовского проекта. В своих рапортах они доказывали нецелесообразность создания нового бюрократического органа, особо отмечая, что «обе Российские академии (наук и художеств.— И. Т.) долгом сочли указать графу Толстому, что в России, у самого подножия престола, существует уже учреждение, призванное охранять и разыскивать остатки древности и которому по праву должна принадлежать полнейшая опека над отечественными памятниками. Учреждение это Императорская археологическая комиссия»***.

Сложно сказать, как дальше разворачивались бы события, если бы решающую роль не сыграли финансовые соображения. Дело в том, что проект бюджета нового государственного учреждения

* Медведева М. В. Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи Средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской археологической комиссии. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 53.

** Охрана памятников истории и культуры в России XVIII—XX вв. / ред. Л. Г. Бескровный. М., 1978. С. 108.

*** РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1882 г. Д. 52. Л. 5.

охраны памятников предусматривал ежегодно 36 900 руб., что значительно превышало бюджет уже существовавшей ИАК. Поэтому решение вопроса было отложено, поскольку в условиях начавшейся Русско-турецкой войны Министерство финансов отказалось выделять требуемую сумму.

В 1882 г. ИАК возглавил новый председатель — директор Императорского Эрмитажа А. А. Васильчиков. Под его руководством разрабатывается проект нового положения об ИАК, наделявший ее правом разрешать раскопки и возлагавший на нее «главное наблюдение за сохранением от разрушения и несоответствующих изменений и исправлений всех памятников в России, имеющих историческое, художественное или археологическое значение и составляющих правительственную, церковную или общественную собственность»*. Обращалось внимание и на то, что новые задачи требовали расширения штата комиссии и привлечения молодых исследователей, поскольку в начале 1880-х гг. весь ее коллектив состоял из пяти человек. Но решить эти проблемы в первой половине 1880-х гг. не удалось.

В ответ на попытки ИАК взять на себя права по охране памятников старины и «застопорившихся» предложений комиссии А. Б. Лобанова-Ростовского Министерство народного просвещения в 1884 г. выступило с новым проектом. На это раз предлагалось наделить Исторический музей в Москве всеми полномочиями по контролю над раскопками и охраной памятников древности. Как и в проекте МАО 1869 г., всю территорию Российской империи предлагалось разделить на 17 археологических округов, в которых действовали бы местные комиссии, подчиненные музею. Этот документ и был разработан МАО под руководством А. С. Уварова, который добился в 1872 г. учреждения, а в 1883 г. открытия в специально построенном здании на Красной площади Исторического музея. Музей и в дальнейшем был тесно связан с МАО: например, в начале XX в. его руководителем был князь Щербатов, родной брат графини Уваровой (урожденной княжны Щербатовой), после смерти супруга возглавившей Общество.

Реализация такого проекта требовала бы 130 850 руб. в год, что было в два раза больше, чем отпускалось на содержание

* РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1882 г. Д. 31. Л. 31.

Публичной библиотеки в Петербурге и Румянцевского музея в Москве вместе взятых. Естественно, что подобные предложения вызвали резкие возражения со стороны ИАК. В. Г. Тизенгаузен прямо писал, что реализация проекта сделает комиссию вообще ненужной, а учреждение округов будет самообманом, поскольку в провинциях не найдется достаточного числа квалифицированных специалистов для местных комиссий. А. А. Васильчиков указывал, что подобных столь широких полномочий не имеет ни один музей в мире и они выходят далеко за рамки основного предназначения музеев.

В ответном письме министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова министру народного просвещения И. Д. Делянову в феврале 1885 г. содержалось уже обратное предложение: «было бы желательно, чтобы особым постановлением состоялось правило, которым бы разрешалось как Музею, так и Археологическим обществам производить археологические исследования древностей не иначе, как при соглашении с Императорской Археологической комиссией, которая в таком случае и являлась бы прямою охранительницей памятников при таковых исследованиях»*. При окончательном решении этого спора Государственный совет, прислушавшись к мнению Эрмитажа и ИАК, 8 мая 1886 г. отклонил проект, предполагавший наделение такими широкими полномочиями Исторического музея, посчитав, что «включение в программу деятельности исторического музея тех широких задач, которые указаны в проекте его устава, едва ли может быть признано целесообразным и необходимым... одновременное существование ИАК и управления музея, т. е. двух независимых друг от друга учреждений с теми же правами и обязанностями могло бы повести к такой двойственности мероприятий и распоряжений в деле исследования и охранения древних памятников, которая создала бы весьма серьезные затруднения и для местных властей, и для тех учреждений и лиц, в ведении коих состоят означенные памятники»**.

Дальнейшую борьбу за превращение ИАК в центральный государственный орган археологии и охраны памятников стари-

* РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1884 г. Д. 53. Л. 32–33.

** Там же. Л. 64–67.

ны пришлось вести уже следующему председателю — А. А. Бобринскому, возглавившему комиссию в феврале 1886 г. Прежде всего А. А. Бобринскому пришлось включиться во всё более накаляющуюся борьбу вокруг права ИАК выдавать разрешения на раскопки, а по сути дела борьбу за превращение комиссии из «придворной конторы по добыванию древностей для Эрмитажа» в действительно центральное учреждение российской археологии. В итоге 27 ноября 1886 г. появляется циркуляр Министерства внутренних дел, предписывающий гражданским губернаторам воспрещать «кому бы то ни было предпринимать какие-либо археологические раскопки на казенных, церковных или общественных землях без специального разрешения на то Императорской археологической комиссии»*.

Эти в общем-то обоснованные притязания ИАК, вполне соответствующие практике, выработанной в ряде европейских государств, вызвали резкую критику и неприятие со стороны некоторых археологических обществ, особенно МАО, которое после смерти мужа возглавила графиня П. С. Уварова. Ее притязания на лидерство в российской археологии вызвали обострение конфликта между ИАК и МАО. Полемика выплеснулась и на страницы газет, которые в 1887—1888 гг. поместили целую серию статей по этому вопросу, причем «Новое время», как правило, озвучивало позицию ИАК, а «Русские ведомости» и «Московские ведомости» отстаивали взгляды МАО. Конец дискуссии положили решительные действия А. А. Бобринского, имевшего личные связи с императором.

17 ноября 1888 г. ИАК обратилась в Министерство императорского двора с просьбой о незамедлительном пересмотре устаревшего положения, напоминая, что еще в 1882 г. был разработан проект нового устава, включавший все необходимые изменения. В ответ появилось высочайшее повеление от 11 марта 1889 г., гласящее: «1) Исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок в Империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям, и общественных — предоставить Императорской археологической комиссии. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные

* Охрана памятников... С. 118.

раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которых состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Императорскою Археологическою комиссиею. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы на Высочайшее воззрение. 2) Реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорскою археологическою комиссиею и по сношению ее с Императорскою академиею художеств» *.

Этот документ наконец-то наделял ИАК необходимыми полномочиями для превращения ее в центральный государственный орган отечественной археологии. Но нас сейчас может больше интересовать второй пункт, который возлагал на комиссию функции центрального органа охраны памятников. То есть теперь ИАК предстояло осуществлять не менее четырех функций: добывание и изучение археологических древностей, надзор за раскопками и случайными находками, охрана и реставрация памятников архитектуры.

Для реализации последних задач в 1890-е гг. при ИАК был учрежден особый реставрационный отдел, сотрудники которого, архитекторы-реставраторы П. П. Покрышкин и К. К. Романов, ежегодно объезжали значительные территории по всей России, составляя чертежи и обмеры бесценных памятников архитектуры. Кроме штатных сотрудников комиссии в работе отдела постоянно участвовали академики архитектуры Преображенский, Котов, Суслов, Китнер, директор Института гражданских инженеров Султанов и другие известные архитекторы. Деятельность этого отдела детально описана в солидной коллективной монографии, выпущенной Институтом истории материальной культуры РАН к 150-летию юбилею ИАК **.

Бывало, что в борьбе за сохранение памятников старины председателю комиссии А. А. Бобринскому приходилось использовать весь свой авторитет и личные связи с царем. Очень показателен

* Охрана памятников... С. 134.

** Императорская археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009. С. 938–1064.

в этом отношении эпизод, когда ему понадобилось добиться аудиенции у императора Николая II, чтобы предотвратить возможное разрушение знаменитой церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода из-за проекта строительства там железной дороги. Граф пытался прекратить использование важнейшего памятника греческой культуры в Причерноморье — острова Березань в качестве стрельбища для кораблей Черноморского флота. Но спорить с военно-морским ведомством оказалось значительно сложнее, чем с Министерством путей сообщения*. В 1898 г. ИАК решительно отклонила предложение Псковской городской думы снести часть городских стен Пскова.

В том же 1898 г. ИАК выступила с инициативой создания при МВД новой комиссии для выработки положения об охране памятников старины и обосновывала необходимость создания при губернских статистических комитетах специальных отделений, которые могли бы заниматься составлением сводов древних памятников и вопросами их охраны**. В итоге в 1904 г. под председательством чиновника МВД, тайного советника Суходольского была сформирована комиссия по выработке законодательства об охране исторических памятников. В нее вошли представители министерств внутренних дел, императорского двора, военного ведомства. От Академии художеств — Н. П. Кондаков, от ИАК — Бобринской, от Петербургского археологического института — его директор Н. В. Покровский. К 1905 г. комиссия подготовила «Основные положения по пересмотру законодательства об охране исторических памятников», но ряд очень важных вопросов оставался нерешенным. МАО выступило с резкой критикой этого документа, а еще ранее, на рубеже 1901–1902 гг., обратилось к императору с просьбой предоставить МАО право самостоятельного решения вопросов по охране и реставрации памятников древности.

После длительных дискуссий и обсуждений в октябре 1911 г. проект «Положения об охране древностей» был представлен министром внутренних дел А. А. Макаровым в Государственную

* Бобринской А. А. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927). Сын об отце / подг. к публ., предисл. и прим. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 516–517.

** Охрана памятников... С. 143–150.

думу. Проект предусматривал создание Комитета по охране древностей, который взял бы на себя функции ИАК по охране памятников старины и связанные с этим вопросы их ремонта и реставрации, но в то же время расширял ее полномочия по собственному археологической части, распространяя права комиссии по разрешению раскопок на бывшие общинные земли, перешедшие в собственность крестьян в результате аграрной реформы П. А. Столыпина. Затрагивался и вопрос об археологических памятниках, находившихся на частных землях, исключительное право их раскопок предполагалось предоставить ИАК, а владельцы земли должны были обращаться в комиссию за разрешением на раскопки. Позиция ИАК по этой проблеме была четко обозначена еще в 1906 г. в газетной публикации ее старшего члена Н. И. Веселовского, который предлагал объявить все исторические и археологические памятники собственностью государства, а в случае их нахождения на частной земле обязать землевладельцев принимать должные меры к их охране*. Проект А. А. Макарова был возвращен Думой на доработку, вновь внесен в 1913 г., но начавшаяся в 1914 г. война приостановила его дальнейшее обсуждение. В 1916 г. при МВД опять было создано «Особое совещание для пересмотра законопроекта об охране памятников древности», на этот раз под руководством председателя ИАК графа А. А. Бобринского, но что-либо сделать до событий 1917 г. оно не успело.

Во всех сложных перипетиях деятельности по налаживанию системы охраны памятников старины в Российской империи отразились не только острая конкуренция между ИАК и МАО, но и столкновение интересов различных министерств, в том числе МВД, Министерства императорского двора, Министерства народного просвещения, Военного и Морского министерств, Синода и других ведомств. Особую роль играло противостояние ИАК и МАО. Оно стало одной из причин того, что в Российской империи так и не было создано ни надлежащих государственных органов по охране памятников старины, ни эффективного законодательства в этой области.

* Веселовский Н. И. В защиту русской археологии // Новое время. 1906. 20 сентября.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
СПИСКОВ ПАМЯТНИКОВ ПЕТЕРБУРГА
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ
(К 20-ЛЕТИЮ РЕШЕНИЯ ГОРСОВЕТА № 327)

Уже целое десятилетие списки охраняемых памятников Петербурга пребывают в глубоком застое. Пополнение их фактически приостановилось. Правда, выявленные объекты переводятся в памятники небольшими партиями, но эти шаги означают лишь формальное закрепление статуса, а не расширение списочного состава. К тому же эти действия ведутся совершенно бессистемно, выбор объектов определяется не их историко-культурной значимостью, а конъюнктурными соображениями. Системный подход, который составлял основу учетной деятельности в 1990 — начале 2000-х гг., сегодня забыт. Целенаправленная работа отодвинута на задний план шумными кампаниями иной направленности.

Нынешнее положение дел разительно отличается от ситуации конца прошлого века. Тогда в сфере изучения и учета наследия был период бури и натиска. Интенсивная и продуктивная деятельность групп специалистов привела к кардинальным сдвигам в формировании списков.

С 1986 по 2004 г. органами власти Ленинграда — Петербурга было издано 30 правовых актов с перечнями новых охраняемых объектов. В 1995 и 2001 гг. приняты сводные списки памятников федерального значения. И в 2001 г. утвержден откорректированный перечень выявленных объектов культурного наследия. В результате состав охраняемого наследия был расширен примерно вдвое. Особенно важно, что на равных правах, наконец, были представлены целые пласты петербургского зодчества относительно поздних, послеклассицистических времен.

Сегодня многим, наверное, трудно даже представить, что вплоть до 1990-х гг. архитектура историзма и модерна, за немногими исключениями, оставалась вне списков охраняемых памятников. Когда-то эти периоды считались временем упадка. Они не

изучались и не охранялись, оставаясь в тени великих стилей — барокко и классицизма.

Реабилитация модерна началась в 1970-х гг., затем пробудился интерес к историзму (эклектике). В конце 1980-х — начале 1990-х гг. удалось поставить под охрану отдельные группы построек этих периодов, в том числе особняки Каменного острова. И только в сентябре 1993 г. этот колоссальный пробел удалось восполнить в массовом порядке: горсовет принял решение № 327 об объявлении памятниками более 230 объектов, в подавляющем большинстве относящихся к середине XIX — началу XX в.

Обычно подобные списки воспринимаются как безличный документ, будто они являются некоей данностью, не имеющей авторов или родителей. Между тем креативная роль составителей здесь очень велика. Во-первых, от их позиции напрямую зависят выбор и, следовательно, перечень объектов. Во-вторых — объем и точность аннотаций (атрибуций). И, наконец (или прежде всего), кто-то из них выступает в качестве инициатора и идеолога работы.

Список 1993 г. — плод коллективного труда специалистов УГИОП (прежнее название КГИОП) и тех, кто сотрудничал с ними на общественных началах. Главными действующими лицами в этом начинании стали Александр Владимирович Позднухов, исполнявший обязанности начальника УГИОП, и Ксения Сергеевна Колодезникова, начальник отдела, ведавшего исторической застройкой (в этом качестве она стала преемницей Бориса Александровича Розадеева, начавшего систематическое выявление новых ценных объектов еще в 1960-х гг.). Мне выпало оказаться причастным к этому процессу на его начальной стадии в амплу неофициального эксперта. В то время я работал в Музее истории Санкт-Петербурга, но с Ксенией Сергеевной и Александром Владимировичем нас связывали тесные профессиональные и товарищеские отношения.

Насколько я помню, проект списка мы набросали за пару встреч в неформальной обстановке. Благо архитектурное наследие послеклассического Петербурга было нами достаточно подробно исследовано. Естественно, в дальнейшем список был выверен группой коллег.

Особо отмечу, что вся подготовка перечня обошлась без каких-либо финансовых затрат и тяжелых бюрократических процедур.

Продвижению документа немало способствовала постоянная комиссия горсовета по культуре и культурно-историческому наследию. Для принятия решения тогда не требовалось объемистых экспертиз. И, строго говоря, зачем они были нужны, если список составляли специалисты, а объекты говорят сведущему человеку сами за себя.

В государственный список памятников, утвержденный решением № 327 от 07.09.93 за подписью председателя горсовета А. Н. Беляева, вошло множество выдающихся зданий и комплексов. Назову выборочно лишь малую часть из них, и этого будет достаточно, чтобы напомнить, насколько существенный сдвиг произошел в сфере охранной деятельности двадцать лет назад.

От периода историзма в число памятников впервые были включены: Мариинский театр, здание Консерватории и Малый театр (ныне — БДТ), Апраксин двор и Пассаж, комплексы Военно-медицинской академии и Политехнического института, Европейская гостиница, дом А. Д. Мурузи, особняки на Английской набережной, в том числе нынешний Дворец бракосочетаний.

Среди построек модерна и неоклассицизма, получивших охранный статус, следует в первую очередь назвать Витебский вокзал; дом компании «Зингер» и Елисеевский магазин; универмаг Гвардейского экономического общества (ДЛТ) и Новый Пассаж на Литейном проспекте, 57; здания Русского географического общества и Германского посольства; дома Фаберже и Набоковых; дом Бубыря на Стремянной улице, 11, и дома Бассейного товарищества.

Важное место в списке заняли храмы и церковные ансамбли: Новодевичий монастырь и Киево-Печерское подворье (ныне подворье Оптиной пустыни); церковь Милующей Богоматери на Большом проспекте В. О., 100; храм Воскресения Христова у Варшавского вокзала и Федоровский собор в память 300-летия царствования дома Романовых. В этом же ряду — объекты других конфессий: Шведская церковь, Синагога, Молитвенный дом на Еврейском кладбище.

Кроме того, реестр пополнили памятники эпохи классицизма: церковь и дома Смоленского кладбища, здания Духовной академии и семинарии, дом Энгельгардта на Невском проспекте

те и другие. Советский период в этом списке был представлен очень скромно (Дворец культуры им. С.М. Кирова, Круглая баня, Выборгская фабрика-кухня, Дом ветеранов сцены). Это был и просчет составителей, и одновременно заявка на будущее.

Главное последствие решения № 327 заключалось в том, что в сферу охранной деятельности было бесповоротно введено архитектурное наследие середины XIX — начала XX в. Это был настоящий прорыв. Причем многие из этих объектов, объявленных «памятниками градостроительства и архитектуры», представляют значительную историко-культурную, мемориальную ценность, зачастую более высокую, чем их архитектурные качества.

Поскольку решение принималось на региональном уровне, то и весь состав списка получил категорию местного (по современной дефиниции — регионального) значения. Вскоре часть объектов обоснованно приобрела федеральный статус. Впрочем, разделение памятников по категориям охраны требует массы уточнений, но это отдельная тема.

Апробация списка 1993 г. явилась поворотной вехой. Однако это была, естественно, промежуточная стадия работы. В дальнейшем она велась под руководством нового председателя КГИОП Никиты Игоревича Явейна. По его приглашению я стал одним из заместителей председателя и с 1996 г. занимался всеми вопросами учета памятников, формирования и корректировки списков.

В 2001 г. был заново утвержден постановлением № 527 Правительства Российской Федерации «Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, находящихся в Санкт-Петербурге». Следует особо сказать об утвержденном в том же году приказом председателя КГИОП (№ 15 от 20.02.2001) «Списке вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». В том, что его удалось принять в пору засилья строительного лобби в правительстве Санкт-Петербурга, — безусловная заслуга Н. И. Явейна.

Этим списком, насчитывавшим около 2200 позиций, были охвачены разные слои архитектурного наследия, что сделало петербургский реестр охраняемых объектов более полным и сбалансированным. В нем впервые были представлены археологические памятники, многочисленные образцы промышленной

архитектуры и советского авангарда. Список 2001 г. разрабатывался большой группой сотрудников КГИОП, основными его составителями выступили К. С. Колодезникова, Е. Е. Глухова, И. А. Путилова и автор этих строк.

Вскоре после этого оборвался креативный цикл приема в охраняемые объекты. Между тем многие проблемы остались нерешенными. В силу ряда причин не удалось откорректировать состав памятников истории, доставшийся в наследство от советского времени. Это большая и актуальная задача. Кроме того, установленный законом 40-летний временной ценз сегодня уже позволяет поставить под охрану интересные постройки 1960-х — 1970-х гг. Разумеется, корректировку списков следует вести и в других направлениях.

**ЖУРНАЛ «СТАРЫЕ ГОДЫ» И ЦЕРКОВНАЯ СТАРИНА.
А. А. РОСТИСЛАВОВ**

Надо ли говорить, что самое достоинство религии тесно связано с художественным благообразием?

*А. А. Ростиславов**

ОХРАНА памятников русской церковной старины, взаимоотношение специалистов и служителей культа — острая и актуальная проблема в современном отечественном культурном пространстве последних двух десятилетий. Проблема эта была так же злободневна и остра сто лет назад, в 1910-е гг., о чем свидетельствует художественная публицистика. В привлечении внимания общественности к указанной проблеме огромную роль сыграл журнал «Старые годы», тесно связанный с Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

В эпоху Серебряного века как никогда близко соприкасались и переплетались творческие и научно-исследовательские интересы и религиозная тема занимала особое место в духовной и художественной культуре. Древнерусская иконопись и церковная архитектура преломлялись в творчестве современных художников, как ориентированных на историческую традицию, так и пионеров авангарда. В отечественном искусствознании активно развивалось изучение древнерусского искусства. Внимание акцентировалось не только на исторической значимости христианских древностей, но на их художественной ценности. Среди коллекционеров начался настоящий «иконный бум». В 1913 г. в Петербурге было основано Общество изучения древнерусской иконописи, стараниями С. К. Маковского при нем был затеян выпуск журнала «Русская икона». В 1914 г. в Русском музее было торжественно

* Ростиславов А. Церкви, обер-прокурор Св. Синода и Академия художеств // Аполлон. 1909. № 2. С. 17.

открыто Древлехранилище, реорганизованное из Отделения христианских древностей, в основу которого легла богатейшая коллекция икон Н. П. Лихачева.

Журнал «Старые годы», издававшийся в Петербурге с 1907 г., ассоциировался прежде всего с художественным наследием России, реформированной и европеизированной Петром Великим. Но в журнале печатались и научные материалы, посвященные искусству допетровской Руси. Это, в первую очередь, летний тематический выпуск журнала 1909 г.: «Очерки по искусству Московской Руси в семнадцатом веке»; статьи А. И. Успенского*, Н. К. Рериха**, П. П. Муратова и В. Т. Георгиевского; материалы Е. Ф. Корша и В. К. Трутовского о произведениях Государственного исторического музея, Оружейной палаты и других***.

Памятники церковной старины — здания храмов и монастырей, иконы и иконостасы, церковная утварь постоянно встречались в «Хронике» журнала. Именно «Хроника» делала «Старые годы» не альманахом по истории старинного искусства, но активным участником современной художественной жизни, претендующим на формирование общественного мнения. Изначально, с основания «Старых годов», этим отделом заведовал один из создателей журнала — С. К. Маковский. После охлаждения отношений Маковского с другими членами редакционного ко-

* Публиковался в журнале в первый год его выпуска. В дальнейшем сотрудничество прекратилось по инициативе редакционного комитета «Старых годов».

** Заметим, что стилистика текстов Н. К. Рериха не встречала одобрения у большинства членов редакционного комитета. Характерная выписка из протокола заседания комитета от 26.02.1908 г. при обсуждении статьи Н. К. Рериха «Древнейшие финские храмы» (1908. Февраль. С. 75–86): «П. П. Вейнер советует воздержаться по возможности от археологии, и помещать статьи вроде Рериховской не более 1 раза в год. Принято единогласно» (цит. по автографу: РГИА. Ф. 788 (редакции «Старые годы»). Оп. 1. Д. 159. Л. 2).

*** См., напр.: Успенский А. И. Ризница Чудова монастыря в Москве (1907. Январь. С. 14–17); Георгиевский В. Т. Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале (1910. Ноябрь. С. 3–21); Муратов П. Иконопись при первом царе из Дома Романовых (1913. Июль–сентябрь. С. 25–33); Трутовский В. К. Романовская церковно-археологическая выставка в Москве (1913. Июнь. С. 36–43) и др. Полную информацию о содержании журнала см.: Старые годы: хронологическая роспись содержания. 1907–1916 / сост. Ф. М. Лурье. СПб., 2007.

митета «Хроника» осталась без руководства. Летом 1908 г. раздел временно вел И. А. Фомин, затем, вероятно, его курировал В. К. Лукомский, но подбор материала признавался «случайным»*. На редакционном заседании 5 октября 1910 г.** А. Н. Бенуа предложил попробовать в роли заведующего А. А. Ростиславова, который сотрудничал в журнале с первого же выпуска.

Материалы «Хроники» читать не менее интересно, чем научные статьи по истории искусства и обзоры частных коллекций. О церковных памятниках говорили в связи с учеными собраниями и съездами, музейными экспозициями и выставками. Впрочем, в практике журнала были обстоятельные статьи о выставках, выходящие за рамки хроникальных обзоров. Таковой была и статья П. П. Муратова о выставке древнерусского искусства в Москве, приуроченной к 300-летию династии Романовых; ее «главным значением» автор видел силу «того художественного впечатления, которое производят собранные на ней образцы старой русской иконописи. <...> Так внезапно перед нами открылась огромная новая область искусства, вернее сказать — открылось целое новое искусство»***. Освещая поступление в Русский музей коллекции Лихачева, А. Ростиславов подчеркивал: «Несомненно, сейчас самое крупное и грандиозное в области русского искусства и старины — собрание, систематизирование и изучение древнерусской иконописи, как чистого самобытного художества. Целая область искусства, до сих пор — достояние отдельных коллекционеров и любителей, выдвигается на мировую арену, является крупным открытием для европейской науки об искусстве...»4*.

Однако часто церковные памятники упоминались в связи с проблемой охраны художественного наследия или, по терминологии тех лет, «с вандализмами». Как писал И. Грабарь: «„Вандалы“, „вандализм“, „еще о вандализме“, „разрушение памятников искусства“, „невежественное отношение к остаткам старины“, — этими словечками, быть может несколько докучливыми своим упорным,

* РГИА. Ф. 788 (редакции «Старые годы»). Оп. 1. Л. 159. Л. 39.

** Там же.

*** Муратов П. П. Эпохи древнерусской иконописи // Старые годы. 1913. Апрель. С. 31–38.

4* Ростиславов А. А. Иконоведение // Старые годы. 1913. Октябрь. С. 44–45.

но слишком часто вынужденным постоянством, пестрит вся хроника журнала»*.

Авторы раздела регулярно сообщали об очередных «вандализмах» представителей отдельных епархий: перестройках церквей, поновлениях икон, дарениях «вышедшей из употребления» старинной церковной утвари, невежестве и глупости некоторых провинциальных священников, а также поверхностном подходе надзорных органов к вопросам охраны и реставрации. Например, в статье про церкви Борисоглебска говорилось об угрозе потери выдающихся фресок XVII в. вследствие работы «современных богомазов», не заботящихся о сохранении художественного стиля**. В одной из заметок Г. К. Лукомского отмечалась служебная недобросовестность при подготовке реставрационных работ в Ипатьевском монастыре к юбилею дома Романовых: «Епархиальный начальник утвердил схему ремонта монастыря в последний день областного археологического съезда в Костроме, когда большая часть деятелей съезда уже уехала»***. Е. Кузьмин, периодически сообщавший о событиях в Малороссии, описывал сцену уничтожения колокола XVIII в. из Киевского Софийского собора «за негодностью»^{4*} или рассказывал о запрещении в одном из монастырей фотосъемки для научного издания^{5*} (нередки были случаи, когда местное церковное руководство под разными предлогами отказывалось выдавать предметы на художественные выставки).

О непростой ситуации с церковным искусством много говорилось в январе 1911 г. на IV Съезде русских зодчих в Петербурге, на котором обсуждался проект закона об охране памятников. В «Старых годах» упоминались, в частности, страстный доклад А. В. Прахова о «прямо невероятном вандализме: в сплошь расписанной древними фресками галерее знаменитой Ильинской церкви в Ярославле отсел целый угол»; сообщение исследователя

* Грабарь И. О пределах вандализма // Старые годы. 1911. Январь. С. 49.

** Ростиславов А. Провинциальный вандализм. Романово-Борисоглебские соборы // Старые годы. 1909. Апрель. С. 205–206.

*** Лукомский Г. К. Вандализмы // Старые годы. 1911. Январь. С. 56.

^{4*} Кузьмин Е. Все то же // Старые годы. 1910. Май–июнь. С. 78.

^{5*} Кузьмин Е. Чем объяснить // Старые годы. 1909. Июль–сентябрь. С. 490–491.

храмов Абхазии и Сванетии А. П. Эйспера про изуродованные монахами монастыри XI в.: «повсюду в провинции в церквях и монастырях идет такое хозяйничанье, при котором вполне возможны аналогичные факты». Участники съезда подчеркивали, что «представитель Св. Синода уже высказался о неприемлемости проекта, о том, что не дело частных лиц охранять церковные памятники», и, в свою очередь, даже назвали церковное ведомство «одним из злейших врагов старины»*. Впрочем, в «епархиальных» новостях сообщалось не только о фактах вандализма. Летом 1914 г. журнал писал: «дворец в Ляличах приобретен местным епархиальным ведомством... Можно радоваться, что Ляличский дворец попал в руки Преосвященного Василия, епископа Черниговского и Нежинского, который относится к остаткам старины с любовью и бережно хочет его реставрировать, для чего и вошел в соглашение с Обществом защиты»**. В отчете Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины было специально отмечено, что священник с. Державино Самарской губернии о. Николай Никольский «на собственный счет реставрировал рамы икон»***.

Конечно, во многих заметках журнальной хроники присутствует полемика заостренность и воистину вопиющие случаи разрушений соседствуют с забавными курьезами. Профессиональный историк архитектуры найдет в них «перегибы» и «умалчивания», тенденциозность и одностороннее освещение событий. Заметки в журнале, доклады и выступления Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, обращения и запросы в епархиальные управления, безусловно, влияли на критичное отношение просвещенного общества к церковным властям. Такова была вся политика «Старых годов»: критика «безликого» ведомства, являющегося частью бюрократического государственного аппарата, и при этом активное сотрудничество с отдельными его представителями. Программным в деятельности журнала и Общества было противопоставление частной, гражданской инициативы рутинной бездушной работе

* Охрана старины и съезд зодчих // Старые годы. 1911. Февраль. С. 59.

** Р-ов А. Вести за месяц // Старые годы. 1914. Июнь. С. 37–38.

*** Отчет о деятельности Общества защиты... по 1 января 1912. СПб., 1912. С. 19.

госструктур. «Старые годы» сыграли, пожалуй, решающую роль в утверждении общественного взгляда на культовые сооружения и предметы как на произведения искусства, которые надо охранять порою даже от их владельцев. «Давно уже стало общеизвестной и печальной истиной, что нет более невежественных врагов наших памятников старины и искусства, чем большая часть нашего духовенства. Истина тем более печальная, что как раз оно является главным собственником этих памятников», — констатировал А. Ростиславов в 1914 г.*

Значение «Старых годов» в деле охраны церковных памятников нельзя ограничивать собственно форматом журнальных публикаций. Практическая и «публичная» работа деятелей редакции проходила в Обществе защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. По итогам целого ряда докладов, посвященных состоянию церквей и монастырских комплексов, были созданы комиссии по их реставрации**.

* Ростиславов А. Духовенство и старина // Старые годы. 1914. Июнь. С. 37–38.

** 1910: И. А. Рязановский «О реставрации в Ипатьевском монастыре»; А. П. Аплаксин «О Ямбургском соборе». В марте 1911 г., после доклада А. П. Аплаксина, была создана комиссия по Ямбургскому собору. Председателем стал Д. М. Резвой, в состав вошли сам Аплаксин, а также П. П. Вейнер и Н. Е. Лансере. Факт об образовании комиссии отмечен в 1-м Отчете Общества защиты; но в дальнейших отчетах сведений о конкретной работе комиссии не содержится. (Возможно, после смерти Д. М. Резвого в 1912 г. особых действий и не предпринималось.)

1911: К. К. Романов «О соборе Ферапонтова монастыря»; В. Т. Георгиевский «О фресках Ферапонтова монастыря». Доклады Романова и Георгиевского были сделаны на основе экспедиции в монастырь; именно с исследования Георгиевского связаны открытие имени автора фресок — Дионисия и начало изучения его творчества (в том же году вышла книга Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря»). Была создана комиссия по реставрации Ферапонтова монастыря, которую возглавил кн. А. В. Оболенский, в состав входили П. И. Нерадовский, Д. С. Стеллецкий, Н. К. Рерих, В. Т. Георгиевский. Реставрация этого крупнейшего памятника Русского Севера продолжалась все годы существования Общества.

1912: А. П. Аплаксин «1812 год в памятниках церковного зодчества в Петербургской епархии»; В. В. Сулов «Просветительные задачи охраны памятников древнего русского искусства» и «Церковь Василия Блаженного в Москве». После доклада В. В. Сулова на государственном уровне в 1912 г. была создана комиссия по реставрации храма Василия Блаженного в Москве.

В начале 1910-х гг. в России отчетливо обрисовались разные приоритеты «профессиональной» художественной интеллигенции и представителей духовенства в подходе к судьбе памятников церковной старины. Один можно условно назвать «эстетическим», другой «практическим» (то есть что важнее при ремонте древней церкви: удобство паствы или художественный стиль?). Художественные критики проецировали ситуацию и на современное церковное зодчество. Так, в одной из заметок А. Ростиславова в журнале «Аполлон» речь шла о постройке современных культовых зданий, обеспокоенности архитекторов низким художественным уровнем ряда проектов и полном равнодушии Синода к данному аспекту*.

Автор большинства материалов о проблемах охраны русской старины, Александр Александрович Ростиславов — один из наиболее глубоких и разносторонних художественных критиков

Ее возглавил председатель Общества защиты вел. кн. Николай Михайлович. Вице-председателем был назначен бывший московский губернатор генерал-майор Джунковский. В комиссию были включены: от Общества защиты — В. А. Покровский, Н. К. Рерих, А. В. Щусев, от Императорской археологической комиссии — П. П. Покрышкин и К. К. Романов (одновременно являющиеся и членами Общества защиты), а также представители Академии художеств и духовного ведомства. Однако в Отчете за 1913 г. сообщалось, что ход работ был приостановлен «вследствие ряда существенных перемен в ее [комиссии] личном составе»: вел. кн. Николай Михайлович сложил с себя полномочия председателя.

1913: А. П. Аплаксин «Современное состояние Богородицкой церкви в городе Нарве, построенной Иоанном Грозным».

В мае 1914 г. Обществом защиты был затеян следующий проект: «...пожертвовано 3000 р. для обследования древних памятников архитектуры и иконописи Севера. Организуется специальная экспедиция под руководством Б. Н. фон-Эдинга для ознакомления с древними памятниками Кириллова, Белозерска, Вологды, Великого Устюга, Сольвычегодска, Тотмы, Архангельска, Кемь, Соловецка и других северных монастырей. Нельзя не отметить, что при огромности материала едва ли достаточно средств для подробного обследования и предполагаемого опубликования добытых сведений». (Вести за месяц // Старые годы. 1914. Май. С. 52.) Книга Б. Н. фон Эдинга, молодого профессора историко-филологического факультета Московского университета, «Ростов Великий. Углич» была издана, но не под эгидой Общества.

* Ростиславов А. Церкви, обер-прокурор Св. Синода и Академия художеств // Аполлон. 1909. № 2. С. 17–18.

начала XX столетия, «золотого века» этой гуманитарной дисциплины в России, хотя имя его часто остается в тени ярких, афористичных коллег, прежде всего А. Н. Бенуа и С. К. Маковского. В отличие от многих современников, он не был организатором громких издательских, выставочных и прочих художественных проектов, не совершал публичных эпатажных поступков, но методично и четко отзывался практически на все из них. И сегодняшний исследователь, изучая художественно-культурную хронику 1900-х — 1910-х гг., почти непременно встретит подпись «А. Ростиславов», монограммы «А. Р.», «Арс», «А. Р-ов» под газетной или журнальной статьей. В нашу задачу не входит подробное жизнеописание искусствоведа*, но мы обратим внимание на некоторые его статьи, поскольку фигура А. Ростиславова в определенной степени является знаковой для понимания темы: интеллигенция, церковь и художественное наследие.

Проблемы церкви в самых разных аспектах — от религиозного искусства до быта священнослужителей — были прекрасно знакомы ему с детства. Александр Александрович родился 9 марта 1860 г. в Калуге, в семье священнослужителей. Отец, Александр Иванович Ростиславов, был протоиереем (с 1875 г.), настоятелем Градо-Калужской Воскресенской церкви, представителем образованного, просвещенного духовенства, с 1883 г. получил право на потомственное дворянство. Яркой личностью и широко известным деятелем был один из его братьев, Дмитрий Иванович Ростиславов, профессор физико-математических наук в Петербургской духовной академии, писатель, подвижник и просветитель, автор исследований, «рельефно рисующих быт тогдаш-

* Материалы к биографии А. А. Ростиславова много лет собирал калужский исследователь М. М. Днепровский. (См.: ОР ГРМ. Ф. 100. Д. 467.) Днепровский М. М. Художники Калужского края. Биобиблиографический словарь. Калуга, 1977. С. 68–69. Также см.: Личенко С. И., Чичкова Е. В. Зарождение и развитие художественной критики в культурной жизни Калуги. XIX–XX вв.: региональные аспекты исследования // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга, 2005. С. 246–262; Шемшурин Л. Д. Удивительный, трогательный служитель Аполлона (О А. А. Ростиславова — художнике и журналисте) // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петерб. чтения — 2004. СПб., 2005. С. 47–52.

А. А. Ростиславов.
Гостиный двор
в Калуге

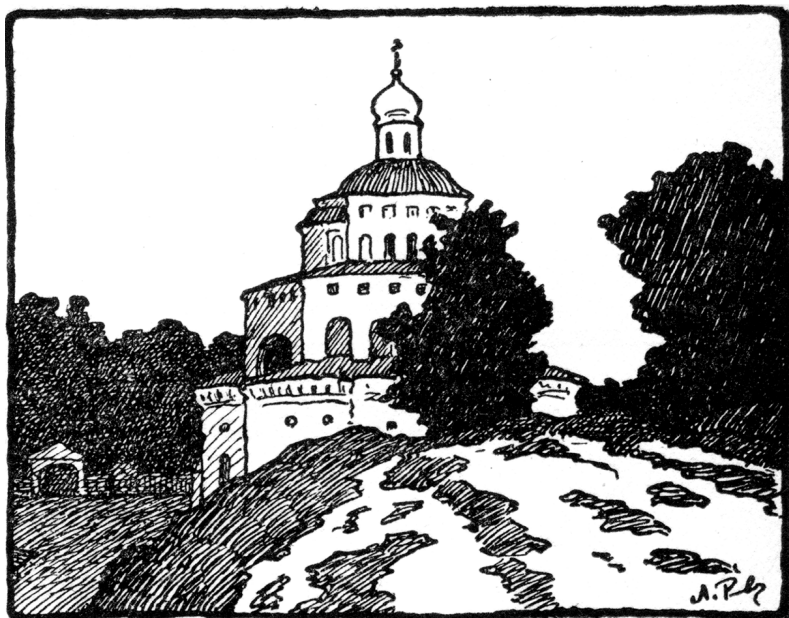

него духовенства и состояние духовного просвещения)*, сторонник реформ духовных училищ.

У протоиерея А. И. Ростиславова было семеро детей. Старший, Дмитрий, избрал карьеру военного врача; другие братья стали юристами: Петр закончил военно-юридическое училище; Владимир и Сергей получили дипломы Санкт-Петербургского и Московского университетов. Александр после окончания Калужской гимназии с серебряной медалью (1879 г.), вероятно, по примеру дяди поступил на физико-математический факультет Московского университета и, показывая «отличные успехи»**, закончил его в 1883 г. и сразу поступил в Московское училище

* Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз — И. А. Эфрон. Т. 27. СПб., 1899. С. 128.

** РГИА. Ф. 789 (Академии художеств). Оп. 11. 1885 г. Д. 111.

А. А. Ростиславов. Золотые ворота во Владимире

живописи, ваяния и зодчества. Прочувшись там два года, переехал в Петербург и перевелся в Академию художеств, закончив ее в 1891 г. со званием классного художника 3-й степени. Сначала А. Ростиславов занимался жанровой живописью, в 1900-е гг. увлекся акварельным пейзажем. В 1907 г. вступил в Новое общество художников, ориентированное на развитие неоклассицизма. Ростиславов регулярно участвовал в выставках Общества, экспонируя архитектурные пейзажи с видами старых русских церквей*. В искусстве начала XX в. архитектурный пейзаж был одним из популярнейших жанров, сочетавшим лирическую составляющую с историческими реминисценциями. Многие художники путешествовали по России, изучая и зарисовывая памятники древнего зодчества. Наиболее известны серии И. Я. Билибина

* Участвовал в выставках объединения в 1907, 1909, 1910, 1912/1913, 1914/1915 гг.

и И. Э. Грабаря, посвященные архитектуре Русского Севера; работы Н. К. Рериха, посвященные Угличу, Романово-Борисоглебску и другим древнерусским городам; малороссийские и польские акварели Г. К. Лукомского. Подобные путешествия почти каждый год совершал и Ростиславов (по оценке биографов, желая «почувствовать впечатления», он предпочитал пешие переходы «с котомкой за плечами» «в брезентовых сапогах»^{*}). Камерные пейзажи художника были непритязательно поэтичны и полны настроения.

Настоящим призванием А. Ростиславова стала художественная критика. Именно в писательстве об искусстве он сумел наиболее отчетливо выразить свою натуру, сочетающую эстетизм, творческий порыв и трезвый ум аналитика. С 1897 г. он начал регулярно писать для хроники журнала «Театр и искусство» и продолжал сотрудничество до февраля 1913 г. На страницах этого журнала, как и впоследствии в «Старых годах», Ростиславов помещал и свои рисунки, иллюстрирующие тексты. С 1902 г. он публиковался в знаменитом «Мире искусства», после закрытия которого, как и другие критики мирискуснического круга, стал печататься в изданиях, «наследовавших» журналу в пропаганде художественного наследия и развитии ретроспективного течения в современной культуре. Помимо «Старых годов», наиболее плодотворным и регулярным было сотрудничество с созданным С. К. Маковским осенью 1909 г. журналом «Аполлон» и с наиболее авторитетной среди либеральной интеллигенции газетой «Речь» (издавалась с 1906 г.).

Имя Ростиславова как знатока русской старины связано с проектом организации Музея допетровского искусства и быта. Доклад Н. К. Рериха, инициирующий организацию музея, состоялся в октябре 1909 г.; он же стал директором будущего предприятия, а Ростиславов и Н. Е. Макаренко — его помощниками. Музей допетровского искусства, как и Музей Старого Петербурга, был учрежден под эгидой Общества архитекторов-художников (ОАХ). В начале 1910 г. председатель ОАХ П. Ю. Сюзор объявил о создании музея, весной следующего года был утвержден устав, но подходящего здания для будущей коллекции так и не нашлось.

^{*} Фрагменты из рукописи М. М. Днепровского, составленной по материалу воспоминаний современника Ростиславова М. И. Малинина (см.: ОР ГРМ. Ф. 100. Д. 467).

Были некие надежды на «место в этнографическом отделе Музея Александра III»*. В итоге коллекции, собранные во время археологических раскопок, руководимых Рерихом и Макаренко, временно хранились в любезно предоставленных проф. В. В. Радловым помещениях Академии наук, затем — в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, где директорствовал Рерих.

Многогранность А. Ростиславова в наибольшей степени раскрылась на страницах газеты «Речь», описывавшей самые разные события насыщенной художественной жизни столицы, от салона до футуристических диспутов. Одной из главных черт критика можно назвать пылкий интерес ко всем новациям и событиям культурной жизни. Он одинаково хорошо работал во всех жанрах: от информационных хроникальных заметок до эссеистических, лирических статей и монографий, умел быть сдержан и ироничен. Обстоятельно писал и про «вандализм», и про современные театральные постановки, и про художественные искания авангардистов.

Старое церковное зодчество было для Ростиславова неким символом русской красоты. Не случайно в небольшой заметке «Красота и синематограф» он писал об «отвратительно-оскорбительном» соседстве «нахально и грубо» краснеющих и синееющих электролампочками провинциальных кинотеатров и поэтичных старинных монастырей в русской провинции**. Эстетические пристрастия Ростиславова в отношении современных мастеров концентрировались в мирискусническом кругу. Если произведения академистов и передвижников чаще всего удостаивались довольно ехидных эпитетов («маргариновой», «подносной» живописи), а творчеству мастеров Союза русских художников и «Мира искусства» посвящались обстоятельные, серьезные рассказы, то работы авангардистов пылливо анализировались с целью донести до читателей всю значимость новаторского понимания формы. Оценки А. Ростиславова во многом совпадали с мнением А. Н. Бенуа, и в ряде статей он повторял определения, данные своим авторитетнейшим коллегой в «Художественных письмах», регулярно появлявшихся на страницах той же «Речи». Но он умел

* Ростиславов А. А. Вести за месяц // Старые годы. 1911. Май. С. 47.

** Ростиславов А. А. Красота и кинематограф // Театр и искусство. 1910. № 41. С. 760–762.

А. А. Ростиславов. Скит Ниловой пустыни

быть объективным к мастерам других направлений (черта, свойственная далеко не всем критикам той поры, как правило, соблюдавшим «клановые» интересы). Не случайно «отец» русского авангарда Н. И. Кульбин писал: «...как опасен кубизм, какое счастье, что в России издается Аполлон! Существуют исключения из общего правила, — к таким исключениям относится А. Ростиславов, не боящийся произведений Picasso»*. В «Аполлоне», посвященном поискам современного русского искусства, Ростиславов подготовил обстоятельные очерки о творчестве Е. Е. Лансере, К. С. Петрова-Водкина, С. Т. Конёнкова**, а также опубликовал статью «Ренессанс русской церковной архитектуры». В ракурсе нашей темы она, безусловно, интересна как призыв к тонкому прочувствованию «далекой музыкальной красоты» древнего зодчества, культивированию «чувства старины». Однако, читая ее, вспоминаешь про оксюморонность — характернейшую черту

* Кульбин Н. Кубизм // Стрелец. 1915. № 1. Пг., 1915.

** См.: Ростиславов А. С. Т. Конёнков // Аполлон. 1912. № 2. С. 5–10; Он же. Живопись Петрова-Водкина // Там же. 1915. № 3. С. 1–12; Он же. Декоративный дар Е. Е. Лансере // Там же. 1915. № 10. С. 1–10.

эстетской культуры Серебряного века: защитник памятников размышляет и сомневается в пользу «сухой» научной реставрации, «дерзновенно» стирающей «неуловимый оттенок дальней одухотворенности, налет времени» *. Статья хороша не только как образец изящной эссеистики, она показательна в контексте развития неорусского стиля в архитектуре, который, опираясь на старые национальные традиции, противопоставляя себя детальному копированию русской узорчатой старины в постройках «псевдорусского» стиля мастеров предшествующего поколения.

Ростиславов был автором монографий: «И. И. Левитан» (СПб.: изд. Н. И. Бутковской, 1911), «А. П. Рябушкин» (М.: изд. И. Кнебель, 1913), «А. И. Куинджи» (СПб.: изд. Н. И. Бутковской, 1914), «Н. К. Рерих» (Пг.: изд. Н. И. Бутковской, 1918). Последняя книга была напечатана уже после революции 1917 г. Грандиозный политический катаклизм оказался беспощаден к судьбе критика: он бедствовал, с конца 1918 г. постоянно жил в Калуге и работал учителем рисования в реальном училище, пробовал читать лекции по истории искусства в Учительском институте, серьезно болел и умер в 1920 г.

* Ростиславов А. А. Ренессанс русской церковной архитектуры // Аполлон. 1910. № 9. С. 20.

КРАЕВЕДЫ В АНИЧКОВОМ ДВОРЦЕ
(К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ
РАБОТЫ СО ШКОЛЬНИКАМИ ВО ДВОРЦЕ
ПИОНЕРОВ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОРОДСКОМ
ДВОРЦЕ ТВОРЧЕСТВА ЮНЫХ. 1918–2013 ГОДЫ)

ОДНОЙ из актуальных проблем современного краеведения является создание как можно более полной истории краеведческого движения. Санкт-Петербургский Союз краеведов работает над составлением библиографического словаря историков города. В словник будущего словаря вошли уже более 1000 имен. В данной статье предпринята попытка рассказать о некоторых из них, о краеведах, деятельность которых прямо или косвенно связана с Аничковым дворцом — Ленинградским (затем петербургским) Дворцом творчества юных за 95 лет, с 1918 по 2013 г.

В истории бывшей императорской резиденции можно выделить три периода, оставивших заметный след в краеведческом движении нашего города. Первый из них начался 4 октября 1918 г., когда декретом, подписанным А. В. Луначарским, в Аничковом дворце был открыт Музей города*. Этот музей, задуманный как культурно-просветительное и научно-исследовательское учреждение по изучению городской среды, ее значения в развитии человеческой цивилизации, связан с именами многих выдающихся петербурговедов. Первые 10 лет музей возглавлял известный архитектор и коллекционер Л. А. Ильин, которому принадлежит значительная роль в разработке концепции музея, формировании его богатейших коллекций, организации многих тематических выставок, ставших событием в культурной жизни Петрограда. Л. А. Ильин привлек к работе в музее многих известных краеведов, среди которых были П. Н. Столпянский и В. Я. Курбатов, авторы известных, ставших классикой петербурговедения книг по истории и культуре Петербурга; П. П. Вейнер, действительный член Императорской академии художеств, издатель-редактор

* Летопись музея города. Ч. 1. Пг., 1919.

журнала «Старые годы», один из основателей Музея Старого Петербурга, и др.*

Не случайно именно в Аничковом дворце при Музее города 1 января 1920 г. была организована Центральная станция гуманитарных экскурсий. Отсюда после знакомства с экспозициями Музея города экскурсанты направлялись в другие музеи — в Эрмитаж, Русский музей. Учащиеся окраинных школ Петрограда и приезжающие из области получали бесплатное питание. Для облегчения пребывания в Петрограде провинциальных групп при станции оборудовали общежитие на 60 мест, которое сотрудники станции между собой называли «штаб-квартирой». Первой заведующей Центральной станции стала художница П. В. Ильина-Ковальская, жена директора Музея города Л. А. Ильина.

Центральная станция принимала не только школьников. С 15 по 30 октября 1920 г. были организованы курсы с целью ознакомления петроградских педагогов «с имеющимся в Петрограде экскурсионным материалом гуманитарного характера». Со слушателями проводились экскурсии. Руководителями экскурсий и лекторами на курсах выступали профессора В. Я. Курбатов, И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, П. П. Вейнер и многие другие замечательные ученые, знатоки истории и культуры Петербурга.

В Аничковом дворце размещалась и экскурсионная секция социального воспитания, которой руководил профессор И. И. Полянский. В середине мая 1921 г. петроградская секция совместно с Политпросветом и музейным отделом созвали Первую конференцию по экскурсионному делу. В конференции приняли участие около 180 человек. Занятия проходили в Аничковом дворце. Выступали И. И. Полянский, И. М. Гревс, Л. А. Ильин, Н. П. Анциферов, Б. Е. Райков, Д. Н. Кайгородов и другие ученые. Непосредственным продолжением этой научно-практической конференции стало открытие в Петрограде осенью 1922 г. Экскурсионного института. С этого момента станция работала с ним в тесном контакте. С 1 мая 1922 г. к руководству станцией была

* Попова Г. А. Аничков дворец — Музей города (судьбы людей, судьбы коллекций) // Аничков дворец — памятник российской истории: материалы конференции. СПб., 1997. С. 63–67.

приглашена К. В. Ползикова-Рубец. При ней на станции с помощью сотрудников Экскурсионного института было организовано 9 кружков и семинаров. Так, И. М. Гревс вел кружок по изучению Фонтанки, а Л. А. Ильин проводил семинары в Музее города. Н. П. Анциферовым была разработана и проводилась для приезжих экскурсия «Аничковская усадьба». Центральная станция, как и Дворец творчества юных сегодня, выступала и организатором массовых мероприятий, посвященных истории и культуре города. В последний период своей деятельности станция была преобразована из школьной в инструкторскую, причем работа со школами отнюдь не исключалась из программы ее деятельности: в течение года была проведена 181 экскурсия, в которых участвовало 34 430 человек. Это были взрослые и школьники.

Станция располагалась на территории Аничковой усадьбы до сентября 1924 г. Музей города в 1928 г. был реорганизован в музей коммунального хозяйства. Л. А. Ильин и многие его сотрудники были уволены из-за дворянского происхождения, а богатейшие коллекции музея расформированы и частично распроданы на международных аукционах*. Так драматично закончилась первая страница, связанная с организацией краеведческой работы в Аничковом дворце. 1930-е гг. стали временем разгрома краеведческого движения в СССР.

В 1934 г. Ленинградский городской комитет ВКП (б) и Ленсовет приняли решение о создании в помещениях бывшей царской Аничковой усадьбы Ленинградского дворца пионеров (далее — ЛДП). Он был торжественно открыт 12 февраля 1937 г. ** В условиях гонения на краеведов тогда не могло быть и речи о создании здесь специального отдела или даже краеведческих кружков. Традиции краеведческой работы со школьниками были на многие годы прерваны в связи с усилением политизации культурной и просветительской жизни города.

* Усыскин Г. С. Центральная станция гуманитарных экскурсий в Аничковой усадьбе // Аничков дворец — памятник российской истории... СПб., 1997. С. 69–72; Он же. Очерки истории российского туризма. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.; СПб., 2007. С. 85–87.

** Аксельрод В. И., Буланкова Л. П. Аничков дворец — легенды и были. СПб., 1996.

Краеведческая тематика отсутствовала и на первой городской научной конференции учащихся Ленинграда, прошедшей в ЛДП в апреле 1941 г. Отметим лишь один любопытный факт: среди участников конференции в исторической секции мы находим имя тогда еще юного москвича, приехавшего на конференцию в Ленинград, ученика 9-го класса Густава Богуславского, ныне известного краеведа, лауреата Анциферовской премии. Организатором исторической секции на конференции была заведующая сектором истории ЛДП Ю. М. Лазуркина, а среди членов научного комитета секции было немало выдающихся ученых-историков, в их числе В. В. Мавродин, в будущем — автор классической монографии «Основание Петербурга»*.

Оживление туристско-краеведческой работы со школьниками в ЛДП приходится лишь на 1950-е гг., когда на основании решения Ленгорисполкома № 58—48-б от 04.06.1952 г. и приказа Ленгорона № 424 от 01.12.1952 г. 16 декабря 1952 г. произошло объединение Городской детской экскурсионно-туристской станции и ЛДП**. С этого времени начинается второй период в истории краеведческой деятельности в Аничковом дворце.

Тогда на базе отдела науки был создан отдел туризма и краеведения. Первым его заведующим был назначен Григорий Борисович Вильскер. Вся его жизнь была посвящена воспитанию молодежи. Еще в Одессе, где прошла его юность, он был одним из первых пионерских вожатых. В первые же дни Великой Отечественной войны Г. Б. Вильскер уходит добровольцем в ряды народного ополчения, был несколько раз ранен, награжден медалями и орденами. С фронта пришел в ЛДП, в 1946 г. возглавил воссозданную тогда Городскую станцию юных туристов, а после ее объединения с ЛДП — новый отдел. С его именем связана организация первых водных и пеших походов по родному краю, большой выставки в отделе по итогам II Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников. В 1958 г. по его инициативе были изданы первые брошюры с описанием туристских и экскурсионных краеведческих объектов пригородов Ленинграда, авторами кото-

* Музей Аничкова дворца. Ф. 1. Оп. 13. Программа первой городской научной конференции учащихся Ленинграда. Май 1941 г.

** Летопись отдела туризма и краеведения // Ракурс: педагогический журнал. № 17: Краеведение и туризм. СПб., 2002. С. 4.

рых были сотрудники отдела В. Н. Козлова, Б. Б. Иппо, Б. Е. Пох, Л. М. Яшина и др.*

В 1959 г. заведующим отдела туризма и краеведения начал работать Григорий Самойлович Усыскин. С ним связана целая эпоха в развитии туризма и краеведения в Ленинграде. Действительный член Президиума Национальной Академии туризма, заслуженный путешественник России, один из активных участников и руководителей туристского движения на невских берегах, Григорий Самойлович еще до прихода в ЛДП возглавил центральный клуб туристов Ленинграде. Во главе отдела туризма и краеведения Г. С. Усыскин проработал 25 лет. Он сразу объединил сотрудников отдела большим и полезным делом — созданием книги-путеводителя для школьников. Вместе с кружковцами педагоги сначала прошли, а потом описали по несколько маршрутов, отметив наиболее интересные краеведческие объекты. Так в 1963 г. в Лениздате вышла книга «Туристы, в поход»**.

Классикой туристско-краеведческой работы стали организованные и проведенные самим Г. С. Усыскиным по заданию Географического общества комплексные экспедиции на Тянь-Шань по дорогам юного Фрунзе (1977 г.) и экспедиция 700 километров на байдарках «по пути Ермака», посвященная 400-летию покорения Сибири (1991 г.). Эти экспедиции отмечены дипломами, медалями и премиями на Всесоюзных слетах. Большой резонанс в городе получили инициированные Г. С. Усыскиным в конце 1960-х — начале 1970-х гг. массовые краеведческие операции для старших школьников «Пулковский меридиан», «Красная звезда», «По местам обороны Красного Петрограда», «Ленинский маяк» и др., а в начале 1990-х — «Колокола свободы»***.

В результате архивных разысканий и краеведческого поиска кандидата, а позже доктора исторических наук Г. С. Усыскина и его кружковцев на Карельском перешейке были открыты многие ленинские места. О экспедиционной и туристско-краеведческой деятельности рассказывается в книгах «Поиск доверен юным» и «В былое — для грядущих лет» (1987 г.), а результаты собственного краеведческого поиска Г. С. Усыскин представил

* Усыскин Г. С. Полвека на службе детского туризма // Ракурс. С. 11.

** Там же. С. 12.

*** Летопись отдела туризма и краеведения... С. 5–7.

в книгах «Революционные памятные места Карельского перешейка» и «Зеленогорск». Одним из первых Григорий Самойлович обратился к истории отечественного туризма, итогом чего стала монография «Очерки истории российского туризма», она рекомендована в качестве учебника для профильных вузов*.

Нельзя не вспомнить и о других педагогах-краеведах, оставивших заметный след в истории отдела в 1960–1970-е гг. В первую очередь, это Бэла Ефимовна Пох, которая со дня основания отдела пятнадцать лет была заведующей методическим сектором, разрабатывала и осуществляла организацию смотров, конкурсов и выставок; в 1960 г. она стала инициатором замечательного начинания — «Похода дружбы». В течение 10 лет в весенние каникулы сотни детских отрядов отправлялись в сельские школы Ленинградской области, а школьники области приезжали в гости к своим друзьям. Эти походы помогли ленинградским школьникам приобщиться к изучению истории родного края. Благодаря усилиям Б. Е. Пох в 1962 г. под ее редакцией была подготовлена и издана брошюра заслуженного учителя РСФСР К. И. Гордцевой «Краеведение и туризм в школе», где едва ли не впервые давалась система этой работы с 1-го по 11-й класс. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. с отделом сотрудничали один из старейших краеведов города Н. С. Поляхин, его дочь Е. Н. Поляхина, Б. Б. Иппо, супруги О. Н. и М. Г. Гринвальды**.

Следует отметить, что в 1970–1980 гг. не было разделения на туризм и краеведение. Каждый педагог, занимаясь с кружковцами, ходил в походы и обязательно интересовался краеведческой тематикой, как, например, ветераны отдела Семен Абрамович Рубанов и Марк Владимирович Гаазе. С. А. Рубанов долгие годы возглавлял в ЛДП созданный им Совет юных искровцев. Он автор монографии «Крупская в Петербурге — Ленинграде» и нескольких книг из серии «Пламенные революционеры». М. В. Гаазе в 1960–1970-х гг. был инициатором многих походов по местам боевой и партизанской славы. По его инициативе и при его личном участии был создан мемориал у Красногорского озера, в районе реки Луги, который был посвящен героическим действиям испанских

* Усыскин Г. С. Полвека на службе детского туризма... С. 11.

** Летопись отдела туризма и краеведения... С. 5–6.

и российских партизан в годы войны*. Особую роль С. А. Рубанов и М. В. Гаазе вместе с Г. С. Усыскиным сыграли в организации массового поискового движения «красных следопытов», рупором которого была газета «Ленинские искры». Итогом движения стало создание в Ленинграде десятков школьных музеев. В 1976 г. был выпущен первый путеводитель «Музеи славы боевой», составителем которого был М. В. Гаазе. Путеводитель содержал справочные материалы и методические рекомендации по школьным музеям и залам боевой славы. Это издание было первым методическим пособием, призванным помочь краеведческим коллективам школ в организации поисковой деятельности. В те годы в Ленинграде была впервые разработана и осуществлена в полном объеме система научно-методической и практической помощи государственных музеев школьным музеям. Координировал работу с руководителями школьных музеев, проводил массовую работу с «красными следопытами» школ города сектор героико-патриотического воспитания, которым в 1965–1981 гг. руководил С. А. Рубанов, а в 1981–2011 гг. — Э. И. Архипова. По ее инициативе в 1984 г. была проведена первая переаттестация школьных музеев, в ходе которой паспорта музеев получили более 100 школьных экспозиций**. Эльвире Ильиничне принадлежит исключительно важная роль в создании системы работы со школьными музеями. В 1980–1990-е гг. Ленинград, по ее образному определению, «шел впереди планеты всей», являясь пионером многих инноваций в музейном деле. Примером для подражания и заимствования опыта для десятков регионов России петербургская модель организации работы с музеями общеобразовательных учреждений остается и сегодня. Их деятельность координирует старейшее и самое массовое Городское методическое объединение руководителей школьных музеев. Уже более 15 лет его возглавляет опытейший педагог-организатор Дворца творчества юных (бывший ЛДП) Ольга Ивановна Савельева. Она составитель двух последних путеводителей по школьным музеям***.

* Савельева О. И. Традиции патриотического воспитания // Ракурс. С. 22–23; Летопись отдела туризма и краеведения... С. 6.

** Савельева О. И. Традиции патриотического воспитания...

*** Архипова Э. И. Город в наследство // Ракурс. С. 15–18; Летопись отдела туризма и краеведения... С. 8–10.

Следует особо сказать о непосредственно связанных с краеведением клубных объединениях и их руководителях. В 1963 г. в ЛДП один за другим были созданы Клуб юных путешественников и краеведов (ЮПИК), тесно связанный с Географическим обществом (руководитель клуба Г. Я. Попова), и клуб старших школьников «Полярная звезда» (руководитель Ю. А. Молчанов). Этот клуб, объединивший наиболее активные в туризме и краеведении школы города, организовывал встречи, вечера, соревнования*. Его преемником по праву можно назвать клуб юных путешественников-географов, основанный много лет спустя, в 1995 г., действительным членом Русского географического общества Сергеем Михайловичем Губаненковым**. В организации комплексных географических экспедиций клуб опирался на опыт легендарного туриста, исследователя природы Александра Васильевича Агапова, который в 1961–1981 гг. являлся организатором 19 североморских экспедиций, в ходе которых кружковцы ЛДП выезжали на острова Белого и Баренцева морей, в материковую часть Кандалакшского государственного заповедника, в массивы тундр Кольского полуострова. Александр Васильевич любил повторять слова академика Ферсмана: «Мы не можем ходить простыми туристами, записывая свои впечатления в записные книжечки. Мы хотим, чтобы из глубокого и вдумчивого исследования природы рождались не только мысль, но и дело». Следуя этому завету, А. В. Агапов организовывал экспедиции, в которых напряженный физический труд и строжайшая дисциплина, работа на скалах органично сочетались с исследовательской деятельностью, требующей высокого уровня интеллектуального развития. Участники североморских экспедиций в разные годы выполняли задания Музея этнографии, Кандалакшского заповедника, химико-фармацевтического института, Северо-Западного управления Гидрометеорологической службы и других научных организаций. Одним из выпускников С. В. Агапова, участником его экс-

* Летопись отдела туризма и краеведения... С. 5.

** Губаненков С. М. Традиции детско-юношеского туризма в отделе 1990-х гг.: восстановление и развитие // Ракурс. С. 36–37; Костин А. В. Опыт организации комплексных географических экспедиций // Там же. С. 42–43.

педиций был Николай Гиренко, директор Кунсткамеры, злодейски убитый националистами*.

Через 10 лет после ухода из дворца пионеров С. В. Агапова традицию проведения комплексных географических исследований продолжили С. М. Губаненков и молодой педагог А. В. Костин, организовавшие четыре Лапландских экспедиции**. По инициативе С. М. Губаненкова при Русском географическом обществе была создана юношеская секция; традиционными стали ежегодные смотры и отчеты экспедиционных групп. Свой след в истории отдела туризма и краеведения оставил и клуб «Карта», созданный Ю. М. Артемьевым. Под его руководством юными картографами были разработаны, а Юрием Михайловичем изданы карты и атласы Санкт-Петербурга нового поколения, получившие высокую оценку специалистов***.

Старейшим клубным объединением отдела туризма и краеведения был клуб юных геологов, основанный в ЛДП еще в 1948 г. и с 1950 г. носящий имя академика В. А. Обручева. У его истоков стояли известные ученые, преподаватели геологического факультета Ленинградского государственного университета: кристаллограф В. А. Франк-Каменецкий, минеролог О. М. Римская-Корсакова, палеонтолог А. М. Обуг. Многие годы научным руководителем клуба был профессор-минеролог В. Ф. Барабанов. Стил и методы работы руководители клуба принесли из Университета. Свою основную цель они сформулировали как обучение и воспитание через науку и этот завет как эстафету передали новым поколениям руководителей и педагогов клуба.

Изначально в образовательной программе клуба была заложена краеведческая тематика. В качестве одного из важных компонентов она присутствовала как при организации летних выездов, например в города Боровичи (Новгородская область) и Питкярянта (Северное Приладожье), так и при прохождении учебного материала и подготовке исследовательских работ кружковцев, например по теме «Камень в истории и культуре

* Агапов А. В. Североморские экспедиции как опыт географического краеведения // Ракурс. С. 33–36.

** Костин А. В. Указ. соч. С. 42–43.

*** Летопись отдела туризма и краеведения... С. 9.

Петербурга». Консультантом здесь не раз выступал доктор геолого-минералогических наук профессор А. Г. Булах*.

Более 40 лет в рамках сектора археологии, этнографии, истории религии и искусствоведения (первого и по сию пору остающегося единственным в России центром системного и научно обоснованного образования школьников в области смежных исторических наук) в ЛДП работает объединение юных археологов. В разные годы сектором руководили талантливые педагоги и организаторы школьной археологии: Алексей Владимирович Виноградов, в 1972–1980-е гг. возглавлявший Сибирскую экспедицию ЛДП; Наталья Владимировна Алексеева, организатор Алтайской и Херсонской экспедиций школьников, а также путешествий кружковцев на Восток, к истокам человеческой цивилизации (Египет, Израиль и др.), инициировавшая вместе с научными сотрудниками Эрмитажа проведение в нашем городе с 1978 г. открытой, а по существу Всероссийской олимпиады по археологии; наконец, нынешний руководитель клуба историк Тамара Александровна Жеглова, многолетний организатор Северо-Западной археологической экспедиции кружковцев и их участия в работе на археологических раскопках на территории Санкт-Петербурга, в частности на знаменитом тепер Охтинском мысу**.

Без малого четверть века (с 1989 г.) во Дворце творчества юных успешно работает туристско-краеведческий клуб «Тури», создатель и бессменный руководитель которого, Наталья Алексеевна Сафонова пришла в отдел туризма и краеведения еще в 1981 г. в качестве методиста по организации поисковой операции «Трудовая слава Ленинграда». Ей, как и многим ее коллегам по отделу, в годы перестройки пришлось искать новые смыслы и формы работы с подростками. Клубная форма, соединяющая в себе теоретические аудиторные занятия, походы и коллективные творческие

* Ермош Н. Г. Клуб юных геологов им. академика А. А. Обручева // Ракурс. С. 50–51.

** Алексеева Н. В. Археология мечты (сектору археологии 30 лет) // Ракурс. С. 44–45; Она же. Херсонская экспедиция // Там же. С. 44–45; Жеглова Т. А. Северо-Западная археологическая экспедиция // Там же. С. 49–50.

дела, идеально соответствовала ожиданиям ребят того сложного переходного времени*.

В эти годы шла перестройка и отдела, выразившаяся в отказе от чрезмерной идеологизации краеведческой работы, расширении ее тематики и направлений. Нам уже приходилось писать, что в 1990 г. вместе с учреждением Санкт-Петербургского культурно-патриотического молодежного общественного движения «Юные за возрождение Петербурга» объединили усилия два отдела — отдел туризма и краеведения и отдел клубных и игровых форм, где тогда работали автор этих строк и педагоги клуба «Ленинградец» (с 1992 г. «Петрополь»). В рамках совместной городской комплексной программы «Наследники великого города» стали ежегодно проводиться Городские краеведческие чтения и конференции юных исследователей-краеведов и генеалогов, городские конкурсы юных знатоков Петербурга и экскурсоводов, памятные акции и лагерные сборы добровольных помощников-реставраторов и др. Сложилась команда единомышленников, в которую вместе с автором этих строк вошли Э. И. Архипова, многие годы возглавлявшая сектор исторического краеведения, а также талантливый организатор игровых проектов, создатель и руководитель объединения актива школьных музеев «КЛИО» Наталья Петровна Верещагина и вдумчивый педагог и методист Зоя Алексеевна Гурьянова, совмещавшая работу в клубе «Петрополь» с методическим руководством городскими краеведческими чтениями, наконец, упомянутая выше педагог-организатор, координатор Городского методического объединения руководителей школьными музеями Ольга Ивановна Савельева. В 1990-е гг. до перехода на преподавательскую работу в Гуманитарный университет профсоюзов, а затем в Санкт-Петербургскую Академию управления и экономики, научным руководителем многих проектов, составителем и редактором первых выпусков сборников лучших исследовательских работ юных краеведов «Наследники великого города» оставался Г. С. Усыскин, к тому времени уже методист отдела. С 1981 г. заведующим отделом был талантливый вдумчивый организатор туристской работы, участник многих

* Сафонова Н. А. Корабль называется «Тури» // Ракурс. С. 28.

походов и экспедиций С. В. Нагавкин*. В 1993 г. его на этом посту сменил В. А. Шевчук, до этого руководивший военно-спортивной игрой «Зарница». Последней же заведующей отделом была Н. М. Бондарик, до этого работавшая в ЗЦ ДЮТ «Зеркальный» заместителем директора.

В 2006 г. в связи с реорганизацией, прошедшей во Дворце творчества юных, отдел краеведения и туризма прекратил свое существование. Сектор исторического краеведения был переведен во вновь созданный отдел гуманитарных программ и детских социальных инициатив. Сюда же вошли клубы «Петрополь» и «Тури», а также Юношеский университет Петербурга. Клубы «Юный геолог» и «Занимательная археология» были переведены в отдел науки. С 2011 г. сектор исторического краеведения возглавляет педагог высшей категории Татьяна Геннадьевна Смирнова, действительный член Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения имени А. А. Остапца-Свешникова. Татьяна Геннадьевна сменила проработавшую в этой должности 30 лет Э. И. Архипову. В сектор пришла молодежь. Так, первая региональная олимпиада по краеведению была подготовлена и проведена молодым методистом И. Г. Васильевой, а вторая — выпускницей Юношеского университета Петербурга, а сегодня методистом сектора и аспирантом Санкт-Петербургского института истории РАН Марией Александровой Переваловой. Следует заметить, что они обе — выпускницы кафедры преподавания истории факультета специальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, ученицы Л. К. Ермолаевой, по программе которой работают сегодня все преподаватели истории и культуры Петербурга.

В связи с памятной датой, отмеченной в октябре 2013 г. — 40-летием историко-краеведческого клуба «Петрополь», хочется назвать руководителей и педагогов клуба, оставивших наиболее заметный след в его деятельности. Вслед за автором этих строк, организовавшим в 1973 г. клуб «Ленинградец» (с 1992 г. «Петрополь»), в 1982 г. клуб возглавила Алла Владимировна

* Аксельрод В. И. От конкурса «Ты — ленинградец» к движению «Юные за возрождение Петербурга» // Первые Тихоновские чтения: материалы конференции. 15 ноября 2011 года. СПб., 2012. С. 62–68.

Гурьянова. Следующими руководителями «Петрополя» были Наталья Николаевна Мясникова, ныне руководитель школьного музея «Блокадная комната» в гимназии № 148 им. М. Сервантеса; Марина Георгиевна Волкова, впоследствии заведующая отделом и заместитель генерального директора Дворца творчества юных. 16 лет клубом руководила Мария Ренгольдовна Катунцова, ныне генеральный директор Дворца. Ее сменила Наталья Юрьевна Львова, первая из петербургских краеведов, ставшая призером Всероссийского конкурса педагогов дополнительного образования «Сердце отдаю детям» в номинации «Краеведение и туризм». Первой же выпускницей клуба, возглавившей его в 2006 г., стала Елена Павловна Стальмак, талантливый организатор и педагог, подготовившая многих лауреатов Всероссийских и городской краеведческих конкурсов и конференций. Ныне клубом руководит еще одна его выпускница, Анна Евгеньевна Ладыжникова. Наши выпускники составляют сегодня костяк педагогического коллектива «Петрополя».

В 1992 г. автором этих строк во Дворце творчества юных для старшеклассников, проявлявших углубленный интерес к истории и культуре города, было создано еще одно краеведческое объединение — Юношеский университет Петербурга. Его лекторами или руководителями семинаров на протяжении более 20 лет были такие известные краеведы, как Г. А. Богуславский, Б. И. Антонов, А. Ф. Векслер, историк архитектуры В. Г. Исаченко, историк литературы к. ф. н. Б. Л. Бессонов, археологи В. А. Коренцвит и П. Е. Сорокин, этнограф и музейный художник В. Б. Зернов, педагоги Н. П. Королева и Е. А. Шленская, научные сотрудники Музея театрального и музыкального искусства Н. И. Вайнберг и Е. М. Малыгина, экскурсоводы С. С. Бортин и Л. С. Суханов (последний также является выпускником клуба «Петрополь»)*.

Следует особо сказать и о музее Дворца, на протяжении многих лет осуществлявшем наряду с массовой экскурсионной работой краеведческий поиск по истории Аничкова дворца и ЛДП. Итогом этих разысканий в 1990-е гг. стали такие издания, как

* Аксельрод В. И. «Труд над познанием города» (Юношеский университет Петербурга — путь длиною в 20 лет: 1992–2012) // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения. Москва. Омск, 13–17 мая 2013 года. М., 2013. С. 85–91.

«Страницы жизни Аничкова дворца» (документы, мемуары, были, легенды)» Л. П. Буланковой, в те годы методиста музея, а до этого заместителя директора ЛДП; «Зодчие и строители Аничкова дворца» Н. Н. Демичевой и В. И. Аксельрода; наконец, «Аничков дворец — легенды и были» В. И. Аксельрода и Л. П. Буланковой. Немало публикаций по истории Аничкова дворца подготовила в те годы заведующая музеем дворца И. Г. Локотникова*.

Наш очерк о краеведах Аничкова дворца был бы неполным, если бы мы не упомянули тех историков города, которые ежегодно рецензируют исследовательские работы школьников, являются научными руководителями и членами жюри наших конференций, конкурсов и олимпиады. Помимо А. Ф. Векслера, А. Д. Ерофеева, В. Г. Исаченко, нашими верными друзьями и социальными партнерами являются: Ю. М. Колосов, действительный член Академии военно-исторических наук, президент Ассоциации исследователей блокады и битвы за Ленинград; Н. В. Благово, вице-президент Русского генеалогического общества; В. М. Рыхляков, зав. сектором генеалогии Всероссийского музея А. С. Пушкина; И. М. Лурье, старший научный сотрудник музея А. А. Ахматовой в Фонтанном доме; И. М. Сергеева, председатель совета общественного объединения «Институт Петербурга» (в 2013 г. она безвременно ушла из жизни); И. А. Мартыненко, старший консультант СПб ГО ВООПИиК; С. Е. Глезеров, журналист; Т. М. Смирнова, д. и. н., профессор ГУАП, научный руководитель городской историко-краеведческой конференции «Многонациональный Петербург»; Г. А. Лескова, к. э. н., зав. кафедрой туризма и социально-культурного сервиса СПбГУКИ, уже многие года возглавляющая жюри городского конкурса экскурсоводов-школьников, и др.

Признанием заслуг Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных в краеведческом движении стало проведение в Аничковом дворце церемонии награждения лауреатов и дипломантов Анциферовской премии (многие годы в этой церемонии принимал участие председатель Союза краеведов России

* Буланкова Л. П. Страницы жизни Аничкова дворца: документы, мемуары, были, легенды. Изд. 2-е, доп. СПб., 1996; Демичева Н. Н., Аксельрод В. И. Зодчие и строители Аничкова дворца. СПб., 1994; Аксельрод В. И., Буланкова Л. П. Указ. соч.

академик РАО С. О. Шмидт) и ежегодных Анциферовских чтений, на которых собирается весь цвет нашего петербурговедения. На них на равных правах с известными историками города выступают теперь и юные краеведы — победители региональной олимпиады по краеведению, а также студенты вузов, выпускники Юношеского университета Петербурга, клуба «Петрополь» и других краеведческих объединений учащихся*. В этой преемственности и содружестве разных поколений краеведов — залог того, что у петербургского краеведения есть будущее.

* См.: Личность в истории Петербурга: материалы IV Анциферовских краеведческих чтений 28–29 октября 2011 года, Санкт-Петербург. СПб., 2012; V Анциферовские краеведческие чтения 23–24 ноября 2012 года, Санкт-Петербург. СПб., 2013.

ВАЛЕРИАН ДМИТРИЕВИЧ КИРХОГЛАНИ (1913–1994).
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ЧЛЕН ВООПИиК, стоявший у самых его истоков и оставшийся в нем до самого конца своей жизни, Валериан Дмитриевич Кирхоглани с 1968 г. тесно сотрудничал с руководителями городского отделения Борисом Борисовичем Пиотровским и Львом Павловичем Тихоновым. В 1972 г. Кирхоглани был избран председателем архитектурной секции.

Работа в этой должности была ему особенно близка как архитектору, участнику и руководителю многих послевоенных реконструкций исторического центра, автору зданий и объектов, признанных памятниками архитектуры и взятых под охрану. Творчество В. Д. Кирхоглани неразрывно связано с нашим городом. Валериан Дмитриевич внес большой вклад в возрождение Ленинграда после блокады. Здесь сосредоточены его лучшие произведения — от парковых и мемориальных комплексов до производственных и инженерных сооружений: парк Победы Московского района; жилые дома в Зеленогорске; музей «Шалаш Ленина» в Разливе; жилые дома на ул. Скороходова (Большая Монетная ул.), 25, и Ждановской набережной, 11; железнодорожный путепровод на Московском проспекте. Вместе с Е. И. Катониным он занимался восстановлением и реконструкцией Марсова поля и Михайловского сада; скверов у Инженерного замка и на площади Искусств; проектированием парка Победы. С именем Кирхоглани во многом связано формирование санаторно-курортной зоны на северном побережье Финского залива. Он участвовал в составлении общей схемы ее планировки; вел реконструкцию парка «Дубки» и курорта в Сестрорецке; строил детские городки в поселках Ушково и Серово. По его проектам создан парк культуры и отдыха в Зеленогорске, построены жилые дома в центральной части этого города и ресторан «Горка» в Солнечном.

О широте творческого диапазона архитектора свидетельствуют такие разные сооружения, как железнодорожный путепровод

на Московском проспекте и мост через Волгу в Твери; мемориал семьи Ульяновых на Литераторских мостках и памятник героям-краснодонцам в Екатерингофском парке; типовые сады и ясли; экспериментальные жилые дома в Ленинграде и пригородах.

В. Д. Кирхоглани относится к плеяде ленинградских архитекторов, наиболее активно работавших в середине и во второй половине прошлого столетия. Именно им, обладавшим глубоким знанием классической архитектуры, довелось восстанавливать город в послевоенный период. Это поколение, пройдя основательную школу у выдающихся зодчих, преподавателей петербургской Академии художеств, смогло в полной мере воплотить ее основы на практике. Во многом облик исторического центра и новых главных проспектов — Московского и Стачек — своей гармоничностью и архитектурным единством обязан творчеству мастеров того времени.

Валериан Дмитриевич родился 26 июля (8 августа) 1913 г. в г. Тотъме Вологодской губернии в семье потомственного лесничего. Его отец, Дмитрий Константинович Кирхоглани, окончив петербургскую Лесотехническую академию, служил начальником треста лесного хозяйства в Вологде. Каждое лето он выезжал с семьей и сотрудниками в лесоустроительные партии по обширным лесным северным краям. В одной из таких экспедиций и родился Валериан. Рано окончив школу, он с 15 лет сам стал работать техником-геодезистом в таких партиях, где приобрел профессиональный и жизненный опыт, и считал свой выбор окончательным.

Однако, приехав в Ленинград для поступления в Лесотехническую академию в ночь под Новый, 1931 год, юноша был настолько потрясен красотой города, что изменил свои планы. Об этом он написал в своих воспоминаниях. Очень сдержанный и немногословный, интроверт по натуре, он раскрывается в своей автобиографии «Путь в архитектуру (или Не очень краткая автобиография)», где всё освещено любовью к своей профессии архитектора и к городу с великой архитектурой.

Спустя три месяца после приезда, обойдя пешком и изучив досконально город, он поступил на работу в одно из зданий, наиболее поразивших его своей архитектурой, — Академию художеств, где тогда помимо Института им. И. Е. Репина размещался и проектный институт Гипрогор. Кирхоглани был принят

техником-конструктором в мастерскую Н. А. Троцкого, творчеством которого восхищался всю жизнь.

В 1932 г. вместе с товарищами (О. А. Ивановой и Л. Л. Шретером), уговорившими его поступать в Академию художеств, Валериан неожиданно для себя оказался пятым кандидатом на зачисление и благодаря открывшейся вакансии зачислен студентом. Очутившись в новой среде, не имея необходимой художественной подготовки, молодой провинциал неустанно и упорно работал, догоняя своих товарищей. Он писал в автобиографии: «Такое трудолюбие и увлеченность искусством не могли не остаться незамеченными у педагогов, которые стали уделять мне внимания больше, чем другим студентам, и вообще мне всегда везло на хороших педагогов. С большой благодарностью я вспоминаю архитекторов Руднева, Троцкого, Фомина, Катонина, скульптора Каплянского и художника Рудакова (неизменно благожелательных и заботливых), заведующего кафедрой живописи художника Тырсу, который не только работал со мной в часы занятий, но и приглашал меня к себе домой, показывал свою живопись. Много внимания уделял мне и педагог, ведущий отмывку деталей архитектуры, академик Котов». Только одно перечисление этих имен говорит о том, какую блестящую подготовку получил будущий архитектор. Кроме того, работая со второго курса помощником в мастерских таких зодчих, как Е. И. Катонин, М. И. Рославлев, А. К. Барутчев, И. И. Фомин, Е. А. Левинсон, он мог не только постигать практические азы, но и развивать вкус и общую культуру.

Дипломная работа В. Д. Кирхоглани на тему «Драматический театр в Ленинграде» свидетельствует о неординарной трактовке классики. Цилиндрический объем театра был выполнен в виде среза огромной дорической колонны. Каннелюрами служили ниши со скульптурными композициями. Помещая зрителей в центре зала, вокруг которого двигалось по окружности сценическое устройство, Кирхоглани использовал новаторский прием, созвучный идее тотального театра, но выполненный в формах, родственных постмодернизму. Автор разработал и чертежи механики сцены, чтобы доказать реальность своего замысла. Проект, выполненный под руководством Л. В. Руднева, получил одобрение у маститых профессоров-академистов.

После успешной защиты В. Д. Кирхоглани был оставлен в аспирантуре вместе с Михаилом Бенуа и Петром Мильштейном. Они очень подружились в эти счастливые и беззаботные годы своей жизни, когда можно было вволю заниматься искусством и архитектурой, участвуя в многочисленных конкурсах. Бенуа был более склонен к классике, Кирхоглани к конструктивизму, а Мильштейн был «центровым», примиряя их в спорах. Продуктивность такого сочетания проявилась, в частности, в премированном проекте театра в Комсомольске-на-Амуре. Правда, излишнее увлечение Бенуа классическим декором, который он привнес в свою работу в последнюю ночь перед подачей, помешало им получить первую премию. О талантливых аспирантах, подававших большие надежды, нередко появлялись публикации в предвоенной прессе.

С началом войны студенты и аспиранты Академии художеств ушли в ополчение, где многие погибли, и среди них Петр Мильштейн. Кирхоглани (как бывший землемер) работал над схемой укрепленного района вокруг Красного Села и Гатчины. Однако их полк был разбит, а оставшихся в живых студентов и аспирантов отправили по домам. До ноября 1941 г. он снова работал над составлением оборонительных рубежей фронта, а вскоре попал в организованную в Ленинграде мастерскую И. Г. Лангбарда. Первую блокадную зиму он провел в Ленинграде, а в марте 1942 г. эвакуировался по Дороге жизни в Самарканд, куда выехала группа преподавателей и аспирантов академии. Здесь его назначили аспирантом к профессору Е. И. Катонину. Удивительно, но тяжелые военные 1943–1944 годы он считал самыми плодотворными для себя в плане творческого самовыражения, когда работал над концепцией «Эспланады мира». Это было продолжение начатой перед войной темы — предложенным Н. В. Барановым проектом новой магистрали, которую предполагалось провести от Адмиралтейства на юг по Измайловскому проспекту с пробивкой вдоль Варшавской железной дороги к южным границам города; тема актуальная и в наше время. В. Д. Кирхоглани работал над комплексом общественных сооружений на этой магистрали. «Эту работу я считаю своей „лебединой песней“, ничего лучшего я больше не создавал и уже не создам», — писал он в автобиографии. Архитектор предложил совершенно новый для того времени способ строительства из панелей, возводимых с применением крупных судостроительных

кранов. Причем сочетание новаторского метода строительства и новых материалов с необычной гротескной трактовкой классических деталей значительно опередило свое время и не было принято диссертационным советом. Инженерную сторону проекта некоторые члены совета сочли фантазией, а художественную — издевательством над классикой. Тем не менее время доказало перспективность таких идей — уже с конца 1950-х гг. в Ленинграде начали строить дома из легких бетонных панелей, а произвольная интерпретация классических приемов получила распространение в архитектуре постмодернизма.

Вернувшись в Ленинград в 1944 г., после провала диссертации, осложнившего его дальнейшую жизнь, Валериан Дмитриевич не изменил свои воззрения на архитектуру. Вскоре его пригласил Е. И. Катонин, который был руководителем мастерской № 10 Ленпроекта, на должность заместителя. Вместе с ним в мастерской, занимавшейся центральными районами, Кирхоглани участвовал в 1946–1950-е гг. в восстановлении Марсова поля, сада у

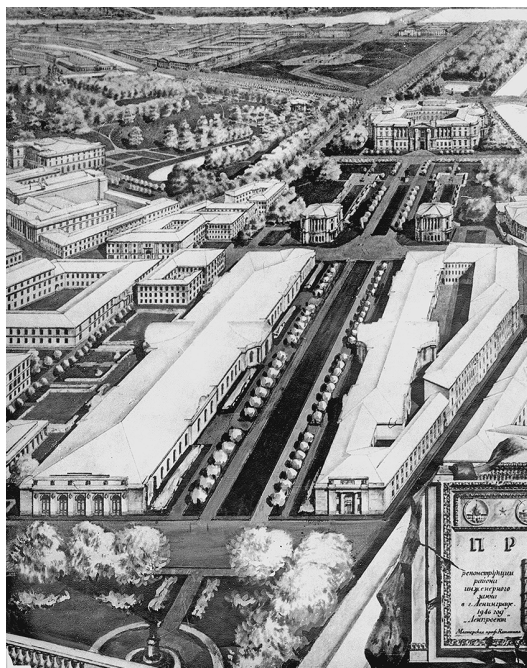

В. Д. Кирхоглани.
Фотография 1950-х гг.

Адмиралтейства, реконструкции Михайловского сада. Интересны его эскизы к проекту района Инженерного замка, где предлагалась сквозная пробивка продолжения Кленовой аллеи до Манежной площади с переносом здания казарм и расчисткой всех построек вдоль берега Фонтанки, кроме цирка и электростанции. Такой радикальный градостроительный подход предполагал раскрытие пространства Инженерного замка, возвращение городу еще одной значимой видовой перспективы.

Катонин и Кирхоглани уделяли много внимания конкурсным работам. В их числе — памятники на Писка-

Н. В. Баранов,
Е. И. Катонин,
В. Д. Кирхоглани.
Проект
реконструкции района
Инженерного замка.
1944–1946 гг.

ревском и Богословском кладбищах, правительственный центр в Ташкенте, памятник на переднем крае обороны в Пулково. С 1945 г. Катонину была поручена разработка проекта парка Победы в Московском районе, которую после его отъезда в Киев в 1946 г. продолжил Кирхоглани, вскоре назначенный и руководителем мастерской № 10 Ленпроекта. Основной творческой проблемой архитектор считал попытки совмещения своего кредо «антиклассика» с официально господствовавшим стилем возрождения классики.

С точки зрения реальной архитектурной практики два послевоенных десятилетия объективно можно считать наиболее плодотворными в творческой биографии В. Д. Кирхоглани. В этот период он спроектировал и построил самостоятельно или с соавторами свыше 50 объектов самого разного назначения. Среди них можно выделить, помимо упомянутых выше, следующие: реконструкция скверов перед Русским музеем и на площади

Музей «Шалаш В. И. Ленина» в Разливе. Архитекторы В. Д. Кирхоглани, В. А. Норин, Кондратьев (?). 1962–1964 гг.

Островского; восстановление и реконструкция парка «Дубки» (с Г. И. Прибыловским); планировка территории, подпорная стенка и главный вход на Сестрорецкий курорт (с В. В. Хазановым, Н. Н. Фонтон); схема планировки санаторно-курортной зоны Ленинграда (с В. А. Витманом и А. А. Афонченко); жилые дома на пр. Ленина, 21, 23, 26, 28, в Зеленогорске (с Е. Ф. Владимировой и Р. М. Фроловой); музей «Шалаш Ленина» в Разливе и благоустройство территории (с В. А. Нориным и Кондратьевым); жилые дома на Малой Охте, железнодорожный путепровод через Московский проспект и городской мост через Волгу в Калининне (с Г. К. Патрикеевым и А. В. Воловик). Архитектор старался больше внимания уделять планировке и озеленениям.

В те годы проекты жилых и общественных зданий Градостроительный совет пропускал, только если они выполнялись в неоклассических формах. Характерным примером может служить история проектирования жилого дома на Ждановской наб., 11. Неоднократно представленные варианты в отличном от классики

Главный вход на территорию
Сестрорецкого курорта.
Архитекторы В. Д. Кирхоглани,
Н. Н. Фонтон. 1952 г.

стиле с ходу отвергались, и автору пришлось выполнить его в классицистических формах. Неудовлетворенный этим, он долгие годы даже не включал этот объект в список своих построек.

Пропилеи и павильоны парка Победы Московского района также решены в классических формах, несмотря на то, что автор разработал множество эскизов иного характера. Ради реального строительства приходилось идти на компромиссы. Эта раздвоенность привела к тому, что Кирхоглани больше стал заниматься парковой и промышленной архитектурой, а также мемориалами и памятниками.

С 1962 г. Кирхоглани перешел на постоянную работу в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой (ЛВХПУ) — сначала доцентом, а потом профессором кафедры архитектурного проектирования, а в 1971–1975 гг. деканом факультета «Интерьер и оборудование». И в эти годы он продолжал работать над совершенствованием планировки парка Победы, над проектом реконструкции Соляного городка под размещение учебных корпусов ЛВХПУ. С горечью вспоминал архитектор, насколько затруднило его

жизнь отсутствие ученой степени, ведь огромный опыт архитектурной практики и иные заслуги официально не учитывались в педагогической карьере. Несколько промышленных тем были выполнены им в это время: проекты благоустройства территории Кировского, Челябинского и Харьковского заводов, механосборочный цех завода «Большевик». Значимым в градостроительном отношении стал корпус института «Гипротрансигнализация» с высокой башней на Боровой улице.

Общественная работа приносила Валериану Дмитриевичу, по его мнению, большую пользу, поскольку позволяла быть постоянно в курсе всех новшеств и событий в области искусства и архитектуры, градостроительства и реставрации, техники и педагогики (хотя и отнимала много времени и сил). Это соответствовало его стремлению к разнообразию и комплексности в решении вопросов архитектуры, к синтезу искусств. В послевоенные годы он был членом правления ЛОСА, а затем и членом правления СА СССР; членом Совета ГлавАПУ, Градостроительного совета и активным членом ВООПИиК с самого раннего периода существования этого общества. В качестве председателя архитектурной секции СПб ГО ВООПИиК он возглавил работу по сохранению памятников архитектуры, профессионально вникая в реставрационные и реконструктивные проекты, рассматривавшиеся в обществе. Этому делу он отдавал много времени, сил и таланта.

В. Д. Кирхоглани одним из первых поддержал инициативное предложение о постановке под охрану таких новых для охраны наследия объектов, как промышленные здания. Он пригласил меня на заседание архитектурной секции, с тем чтобы рассмотреть список наиболее ценных зданий и предложить их к дальнейшему рассмотрению в УГИОП. Помню еще одно заседание архитектурной секции, на котором рассматривались такие актуальные проблемы, как спасение от сноса Измайловских казарм и освобождение Троицко-Измайловского собора от находившихся там скульптурных мастерских и возвращение его церкви. Обсуждение протекало очень бурно и взволнованно, напоминая сегодняшние дебаты.

В ретроспективе интересна его архитектурная практика как профессионала, получившего крепкое академическое образование. В 1940-е — 1950-е гг., а потом в 1970-е — 1980-е гг. Кирхоглани стали относить к апологетам классического направления.

Однако, несмотря на то что большинство его работ выполнено в духе неоклассики, Валериан Дмитриевич не считал себя ортодоксальным классицистом. Начав свою деятельность еще в период конструктивизма, находясь под сильным влиянием Н. А. Троцкого, которого считал своим учителем, он полагал неправомерным «укладывать архитектуру в „прокрустово ложе“» классических форм и в то же время избегал и аскетизма конструктивизма. Свои архитектурные принципы он определял условным термином «декоративный конструктивизм».

«В последние годы все свои постройки и проекты я включаю в список своих работ на равных правах, но складывается впечатление, что я обычный „классик“, как большинство архитекторов того периода, не догадываясь, что я был „антиклассиком“, что меня в Союзе архитекторов дважды прорабатывали как формалиста». Мастер, имевший свое собственное кредо, не всегда совпадавшее с официальным, писал так в своей биографии: «Если в прежние годы я был „левым“ и протестовал против „новой классики“, то в последние годы я стал „правым“ и охраняю „старую классику“. Вероятно, в этом сказалась та любовь к Петербургу — Ленинграду, которую я приобрел в год своего приезда».

При внутренней неудовлетворенности и драматизме, свойственным творческой натуре, не полностью реализованном потенциале, можно утверждать, что жизнь Валериана Дмитриевича удалась и многие его работы стали значительным вкладом в архитектуру нашего великого города. «Уже одного только парка Победы было бы достаточно, чтобы имя Валериана Дмитриевича Кирхоглани заняло достойное место среди ленинградских архитекторов», — сказал академик архитектуры Юрий Иванович Курбатов.

Биография Кирхоглани — пример постоянства творческих принципов архитектора на фоне эволюции общественных и профессиональных взглядов, что представляется особенно актуальным в наши дни, когда на повестке стоят не только вопросы охраны петербургского классического наследия, но и проблемы стилистического решения нового строительства в историческом центре. Творческое наследие В. Д. Кирхоглани богато и разнообразно. Это постройки и множество нереализованных проектов (в том числе премированных на конкурсах); акварели и графические работы; научные труды по теории архитектурной композиции

и ландшафтному строительству — в основном неопубликованные; статьи в журналах и газетах. Дипломный проект, «Эспланада мира», живописные и графические работы Кирхоглани хранятся в Музее истории Санкт-Петербурга и Музее Академии художеств.

Труды В. Д. Кирхоглани в сфере охраны культурного наследия

Идейное содержание парков Победы. Доклад на архитектурной секции ВООПИиК. 1975 г.

Кирхоглани В. Д. Парки славы народной // Строительство и архитектура Ленинграда. 1977. № 8. С. 12–14.

Кирхоглани В. Д. Сохранить на века // Архитектура СССР. 1977. № 9. С. 29–30.

Памятник архитектуры — народное достояние. Доклад на отчетной конференции ВООПИиК. 1971 г.

Рецензии на программу проектирования центра Ленинграда. 1976 г. Парки Победы. Историческая справка для УГИОП. 1989 г.

Рецензии по поручению городского отд. ВООПИиК на проекты реконструкции центра Ленинграда (пл. Мира, ул. Воинова, Синопская наб., Лиговский пр.). 1974–1975 гг.

Литература

Кирхоглани В. Д. Из опыта ландшафтного строительства в Ленинграде. О реконструкции садового ансамбля Русского музея и Инженерного замка. Парк Победы в Московском районе // Памятники истории и культуры Петербурга. Вып. 4. СПб., 1997. С. 375–380.

Кирхоглани В. Д. Путь в архитектуру. Статья-справка по заказу Музея Академии художеств. 1991 (рукопись).

Штиглиц М. С. Валериан Кирхоглани (1913–1994) // Архитекторы об архитекторах. Ленинград — Петербург. XX век. СПб., 1999. С. 376–393.

ГРИБОЕДОВ И ДЕКАБРИСТЫ В ДОМЕ ВАЛЬХА У ХАРЛАМОВА МОСТА

СЧИТАЕТСЯ, что корнет Иркутского гусарского полка А. С. Грибоедов впервые приехал в Петербург в начале 1815 г. Еще в 1813 г., когда его полк стоял в Брест-Литовске, он познакомился со служившим в ополчении князем А. А. Шаховским, драматургом, поэтом, режиссером и заведующим репертуарной частью Дирекции императорских театров. Эта встреча во многом предопределила судьбу будущего автора «Горя от ума». Шаховской посоветовал молодому человеку перевести пьесу французского поэта Крезе де Лессера «Семейная тайна» и обещал содействие в ее постановке на петербургской сцене*. В столице Грибоедов поселился по соседству с Шаховским («на одной лестнице») в деревянном доме Лефевра на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов, дом не сохранился), напротив дома купца Голлидея (канал Грибоедова, 97 — Львиный пер., 2 — ул. Декабристов, 26), «где имели помещение многие служащие при Дирекции и артисты»**. В этом доме он жил до осени 1816 г.

9 ноября 1916 г. в письме С. Н. Бегичеву Грибоедов сообщал о своем новом петербургском адресе: «Квартира у меня славная, как приедешь, прямо у меня остановись, на Екатер[ининском] канале у Харламова моста, угольный дом Валька»***. Исторический адрес «дома Валька» — 4-й квартал 3-й Адмиралтейской части, № 228 (ныне — наб. канала Грибоедова, 104/25)^{4*}.

Фабрикант Иван Вальх (Вальк)^{5*} приобрел этот угловой участок в 1799 г. у жены архитектора Тромбара. При Грибоедове дом Вальха

* Пьеса под названием «Молодые супруги» была поставлена в Малом театре в сентябре 1815 г.

** Зуев Г. И. Дома и люди Офицерской улицы. СПб., 2003. С. 35–36.

*** Грибоедов А. С. Сочинения. М.; Л., 1959. С. 471.

^{4*} С 1822 г. дом значился под № 279.

^{5*} Домовладелец Иван Вальх по одним сведениям был «уксусным фабрикантом» (Фомичев С. А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 12), по другим — «столярным немецким мастером» (Шубин В. Ф. Поэты пушкинского Петербурга. Л., 1985. С. 74).

был каменным в два этажа на высоком полуподвале. Здание выходило фасадами на Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова), на Екатерингофский проспект (ныне пр. Римского-Корсакова) и на Малую (ныне Среднюю) Подъяческую улицу. Нижний этаж был аркадным, на проспект выходили три окна, связанные балконом. Во дворе — двухэтажные каменные флигели.

К 1833 г. домом владел губернский секретарь Н. И. Эрс. В это время он надстраивает по проекту архитектора А. И. Лидерица лицевые корпуса по набережной канала, Екатерингофскому проспекту, Малой Подъяческой улице до четырех этажей и возводит два трехэтажных дворовых флигеля взамен существовавших. В середине XIX столетия (до 1865 г.) наследники Эрса продали дом жене действительного статского советника Н. П. Гербаневской. В дальнейшем этот многоквартирный доходный дом сменил несколько владельцев. В 1902 г. его приобрел инженер-строитель Н. И. Полешко. Он проектирует и надстраивает часть здания до семи этажей с мансардой. Но, увлеченный погоней за прибылью, домовладелец ошибся в расчетах: стены и перекрытия не выдержали нагрузки, мансарду и седьмой этаж вскоре пришлось разобрать.

Таким образом, дом Вальха, возведенный на рубеже XVIII–XIX вв., надстраивали дважды — в 1830-х и в 1900-х гг. Современный облик здание приобрело в 1910 г.* Это типичная судьба жилого доходного дома в центре Петербурга. Для нас существенно, что капитальные стены нижних этажей здания, его основа сохранились со времен Грибоедова**.

Достоверно известно, что Грибоедов жил в «славной квартире» в доме Вальха у Харламова моста*** вместе с друзьями: сначала с С. Н. Бегичевым, а затем с П. П. Кавериним.

Поручик Кавалергардского полка Степан Никитич Бегичев (1785–1859), самый задушевный друг Грибоедова со времен совместной службы в Брест-Литовске, поселился вместе с ним в начале 1817 г. «Всегдашнее наше и почти неразлучное общество, — вспо-

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2946.

** В 2001 г. дом Вальха включен КГИОП в «Перечень вновь выявленных объектов (учетных зданий), представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность».

*** Деревянный Харламов мост, рядом с которым жил Грибоедов, не сохранился: в 1934 г. на его месте был построен новый, железобетонный.

минал Бегичев, — составляли Грибоедов, Жандр, Катенин, Чипягов и я. Все они, кроме меня, были в душе поэты, много читали, знали хорошо европейскую литературу и отдавали предпочтение романтикам. В дружественных беседах часто сообщали они друг другу планы будущих своих сочинений...»*. Несомненно, что это «неразлучное общество» собиралось и в холостяцкой квартире Грибоедова на Екатерининском канале.

Упоминаемый Бегичевым драматург и переводчик Андрей Андреевич Жандр (1789—1873), служивший в Военно-счетной палате, познакомился с Грибоедовым в 1815 г. на вечерах у А. А. Шаховского. Друзья вместе перевели в стихах комедию Барта «*Les fausses infidélitiés*» («Притворная неверность») и «Семелу» Шиллера. Обе пьесы были впервые поставлены на сцене Большого театра 11 февраля 1818 г.

С Жандром и заядлым театралом, чиновником Адмиралтейской счетной канцелярии Александром Ивановичем Чепеговым (1790—1827) Грибоедова познакомил штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка Павел Александрович Катенин (1792—1853). Он пользовался среди товарищей репутацией «живой энциклопедии» и «большого вольнодумца». Активный участник литературной жизни, Катенин заявил о себе как переводчик трагедий Расина и Корнеля, а также автор стихов и баллад в «народном духе». В соавторстве с Грибоедовым написал комедию «Студент» (1817). В конце 1816 г. Катенин примкнул к Союзу спасения, в дальнейшем стал одним из организаторов Военного общества декабристов. В армии была распространена его песня:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах! лучше смерть, чем жить рабами, —
Вот клятва каждого из нас... **

* А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 25.

** Декабристы. Антология в двух томах. Т. I. Поэзия. Л., 1975. С. 38.

Во второй половине 1816 г. Грибоедов вступил в масонскую ложу «Соединенных друзей» («Des amis réunis»). Одновременно с Грибоедовым в ней состояли будущие декабристы С. Г. Волконский, С. П. Трубецкой, П. И. Пестель, П. П. Лопухин, Ф. П. Шаховской, И. А. Долгорукий, М. И. Муравьев-Апостол*.

В период жизни в доме Вальха Грибоедов поступил на службу в Коллегию иностранных дел (июнь 1817 г.), где его сослуживцами были А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер и Н. В. Всеволожский.

В августе 1817 г. вслед за императорским двором отправились в Москву два сводных гвардейских полка, а с ними друзья Грибоедова — кавалергард Бегичев и преображенец Катенин. В Москве Никита Муравьев принял Бегичева в только что образовавшийся Союз благоденствия.

4 сентября 1817 г. Грибоедов писал Бегичеву в Москву: «Знаешь ли, с кем я теперь живу? ... Встречаюсь я у Лареды** с Кавериним. Он говорит мне: „Что? Бегичев уехал? Пошел с кавалергардами в Москву? Тебе, верно, скучно без него? Я к тебе переезжаю“. — Мы разошлись, я поехал натурально к Шаховскому; ночью являюсь домой и нахожу у себя чужих Пенатов, Каверинских. Он всё такой же, любит с друзьями и наедине подвыпить, или, как он называет: тринкену задать»***.

Поручик лейб-гвардии Гусарского полка Петр Павлович Каверин (1794–1855), поселившийся у Грибоедова в августе 1817 г., — фигура очень колоритная, характерная для эпохи 1810-х гг. Питомец Московского и Геттингенского университетов^{4*}, участник Заграничных походов 1813–1815 гг., весельчак, лихой повеса и проказник, опасный бретер, завсегдатай петербургских ресторанов, любитель и знаток музыки, член Союза благоденствия со второй половины 1818 г. и страстный ненавистник крепостного рабства — таковы разнообразные грани этой яркой личности. Пушкин посвятил своему приятелю два стихотворения, которые написаны в 1817 г.:

* Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977. С. 156, 172.

** Кондитерская швейцарца Лареды (Ларед) находилась в начале Невского проспекта (ныне Невский пр., 2).

*** Грибоедов А. С. Указ. соч. С. 471–472.

^{4*} Каверин учился в Московском университете одновременно с Грибоедовым (Нечкина М. В. Указ. соч. С. 166).

К портрету Каверина

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был рубака,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

К Каверину

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи,
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

Описания первого петербургского периода грибоедовской биографии (до конца августа 1818 г.) заполнены рассказами о его кутежах, театральных увлечениях, закулисных интригах, об истории с балериной Авдотьей Истоминой и кавалергардом Василием Шереметевым, закончившейся кровавой «четверной дуэлью» 12 ноября 1817 г., на которой Грибоедов был секундантом графа Завадовского*.

С другой стороны, М. В. Нечкина выявила 29 декабристов и близких им лиц, составлявших круг «бесспорных знакомств» Грибоедова в период его жизни в Петербурге до отъезда на Кавказ в конце августа 1818 г., среди которых П. Я. Чаадаев, И. Д. Якушкин,

* См.: Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб., 1996. С. 66–74; Кацура А. В. Поединок чести: Дуэль в истории России. М., 1999. С. 85–100.

С. П. Трубецкой, И. Д. Щербатов, Н. М. Муравьев, П. А. Муханов, А. З. Муравьев, М. Ф. Орлов, В. К. Кюхельбекер*. Вполне допустимо, что любой из них мог быть гостем Грибоедова в доме Вальха на Екатерининском канале.

В середине августа 1818 г. вернувшийся из Москвы «друг и брат» Степан Бегичев снова поселился с Грибоедовым. Известно, что Бегичев привез с собой «Зеленую книгу» — Устав Союза благоденствия**. Друзья провели вместе около двух недель. 28 августа Грибоедов покинул Петербург. Он вновь приедет в столицу только шесть лет спустя.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что в доме Вальха наряду с Грибоедовым жили декабристы С. Н. Бегичев и П. П. Каверин; регулярно бывали А. А. Жандр, П. А. Катенин и А. И. Чепегов; могли бывать многие деятели ранних декабристских обществ. И, наконец, приведем свидетельство Бегичева о месте и времени начала работы над комедией «Горе от ума»: «...известно мне, что план этой комедии был у него сделан еще в Петербурге 1816 года и даже написаны были несколько сцен»***.

Парадоксально, но факт: дом, в котором около двух лет жил Грибоедов и где были написаны первые сцены «Горя от ума», не отмечен мемориальной доской и до сих пор не включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия.

* Нечкина М. В. Указ. соч. С. 186.

** Фомичев С. А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 55.

*** А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 26.

СОЗИДАТЕЛИ, РЕВНИТЕЛИ И ПОДВИЖНИКИ*

К 50-летию Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры

С РОЖДЕНИЕМ Петербурга началось время отсчета его выстраданной и непостижимой красоты. Среди защитников этой красоты в XX в. особая роль отводится первопроходцам, к числу которых принадлежат организаторы и сотрудники Ленинградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее — ЛГО ВООПИиК), а также его многочисленный актив. За привлечением общественности к сохранению исторического облика и знаковой роли памятников в жизни города, четвертого по численности населения в Европе, стояли необходимые законодательные акты. Общество создали на основании постановления Совета Министров РСФСР № 882 от 23 июля 1965 г. по решению № 995 Исполнительного комитета Ленинградского Совета депутатов трудящихся от 25 октября 1965 г. Постановлением Совета Министров РСФСР № 589 от 6 июля 1966 г. были утверждены устав, общие положения, цели и задачи Общества, права и обязанности его членов, структура и органы руководства.

29 января 1966 г. в Ленинграде прошла городская конференция представителей предприятий, творческих союзов, учебных заведений, которая учредила ЛГО ВООПИиК. Конференция избрала Совет в составе 60 человек во главе с Б. Б. Пиотровским (директором Государственного Эрмитажа), заместителем председателя О. Б. Карповым (помощником зам. председателя горисполкома) и ответственным секретарем И. Д. Карпович (зам. начальника отдела Управления культуры Ленгорисполкома). Ревизионную комиссию возглавила Н. А. Белова, директор Музея городской скульптуры.

* При написании статьи использовались материалы: ЦГАЛИ СПб. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4, 11, 15, 24, 34, 40, 41, 53, 54, 55, 63, 65, 66, 72, 72а.

На первых заседаниях Совета обсуждались вопросы охраны отдельных памятников истории и архитектуры, положение об охранных зонах, о мемориальных памятниках, связанных с именем В. И. Ленина, о дополнительном списке объектов, которые необходимо рекомендовать для определения их статуса. Общественное движение по сохранению и изучению наследия получало широкое распространение. При Русском музее создается молодежный клуб «Россия», при Дворце культуры Ленсовета — Клуб друзей Ленинграда.

Однако в полном составе Совет Общества ни разу не собирался. Большинство его членов посещало заседания нерегулярно. Из состава Совета, включая руководство, 24 члена не принимали участия в работе. Объяснить это можно большим числом руководителей, пришедших в Общество по номенклатурной обязанности.

26 декабря 1967 г. на очередном заседании ЛГО ВООПИиК постановили освободить О. Д. Карпова и И. Д. Карпович от занимаемых должностей, так как «оба они в течение двух лет почти не работали в Совете Общества», и заместителем председателя Совета Общества избрали С. А. Пермского, а ответственным секретарем — Л. С. Карпекину. На этом же заседании утвердили Президиум Совета: Б. Б. Пиотровский, С. А. Пермский, Н. Н. Белова, Л. С. Карпекина, С. В. Коробков, В. Н. Орлов, Я. Н. Лукин. Возглавил ЛГО ВООПИиК академик Б. Б. Пиотровский, заслуженно пользовавшийся большим авторитетом.

Практическое руководство деятельностью Общества осуществляла также легендарная личность — Сергей Александрович Пермский (1909–1973). Архитектор-градостроитель, участник советско-финской (1939–1940 гг.) и Великой Отечественной войн. Поэт Всеволод Вишневский назвал его одним из лучших артиллеристов Балтики. Сергей Александрович никогда не превозносил свои боевые заслуги, хотя был командиром батареи, а затем и бронепоезда. Силы и время уходили на самое существенное, и возможно поэтому, участвуя в восстановлении Ленинграда, ему удалось в краткие сроки выполнить реконструкцию домов на Большом Сампсониевском пр., 40, ул. Декабристов, 60. Затем в течение десяти лет он как главный архитектор области многое сделал для восстановления и реконструкции Выборга, Кингисеппа, Волхова, Тихвина, Бокситогорска, Гатчины, Ломоносова, Красного Села,

способствуя возрождению памятников архитектуры, обновлению и модернизации жилых районов. С. А. Пермский стал организатором института «Ленгражданпроект». Ему принадлежала роль первостроителя города Сосновый Бор. В возрасте 58 лет Сергей Александрович оказался у истоков создания ЛГО ВООПИиК. Человек сильного духа, широко образованный, он был верен городу, понимал значимость его исключительной архитектурной гармонии и стилистических достоинств. Ему удалось за пять лет привлечь в коллектив тех, кого сегодня можно назвать ревностными защитниками культурного и исторического наследия, кто своей активной работой создал авторитет Общества.

С. А. Пермский и О. Б. Ковровская

С января по июнь 1968 г. в районах Ленинграда прошли учредительные конференции. Даты образования районных отделений большей частью сохранились: Василеостровское отделение — 1 февраля, Выборгское — 10 апреля, Дзержинское — 4 марта, Ждановское — 6 марта, Калининское — 9 февраля, Кировское — 20 февраля, Колпинское — 6 февраля, Куйбышевское — 6 февраля, Ленинское — 30 января, Московское — 13 февраля, Невское — 14 марта, Октябрьское — 4 февраля, Петроградское — 9 февраля, Петродворцовое — 2 апреля, Сестрорецкое — 7 февраля, Смольнинское — 14 февраля, Фрунзенское — 16 февраля (Кронштадтское и Пушкинское — даты неизвестны).

Через год, на 1 января 1969 г., было создано 707 первичных организаций, вовлечено 62 728 человек. На 1 января 1970 г. прочитано 2882 лекции и доклада, проведено 1193 экскурсии, показано 840 тематических кинофильмов, проведено 492 тематических вечера и выставки.

Ответственного секретаря Л. С. Карпекину, оставившую свой пост 1 декабря 1968 г., сменил Н. А. Суханов, приступивший к своим обязанностям 21 декабря этого же года. После II отчетно-выборной конференции ЛГО ВООПИиК, состоявшейся 2 июня 1970 г., был избран Совет в составе 65 человек. В Президиум Совета вошли: Б. Б. Пиотровский, С. А. Пермский, Л. Н. Белова, Н. А. Суханов, И. А. Бартенев, В. М. Ковальчук, О. И. Селезнева, И. П. Шаскольский, В. Н. Орлов. 6 апреля 1972 г. прошла III отчетно-выборная конференция ЛГО ВООПИиК, на которой избрали Совет в количестве 63 человек. Состав Президиума дополнили В. Д. Кирхоглани и В. А. Петров вместо В. Н. Орлова.

Работавший в аппарате ЛГО ВООПИиК с 14 мая 1971 г. Василий Арсеньевич Орестов был назначен на должность ответственного секретаря Президиума Совета с 13 июля 1972 г.

Консультантами аппарата работали: Желкова Галина Александровна (с 1.06.1968 г.) — секция исторических памятников; Шуйский Валерий Константинович (с 1968 г.) — секция архитектурных памятников; Николаева Тамара Ивановна (с 1.07.1969 г.) — молодежная секция, секция архитектурных памятников (с 20.01.1971 г.); Воронова (Мартыненко) Ирэн Александровна (с 4.01.1970 г.) — секция пропаганды; Буравик (Дементьева) Наталья Леонидовна (с 18.12.1972 г.) — молодежная секция, секция архитектурных памятников.

Ответственными секретарями в районах города стали: Василюстровский — Краснолобова Ольга Алексеевна (с 2.02.1968 г.), Алексеева Светлана Борисовна (с 9.08.1972 г.); Выборгский — Трофимов Яков Андреевич (с 16.04.1968 г.), Ададунов Алексей Борисович (с 27.10.1970 г.); Дзержинский — Лентяшин Владимир Александрович (с 5.03.1968 г.), Михайлова Ирина Алексеевна (с 17.02.1969 г.); Ждановский — Химунина Лидия Ивановна (с 14.03.1968 г.), Галаткина Клара Александровна (с 9.04.1971 г.); Калининский — Костина Лидия Александровна (с 16.02.1968 г.), Здвизжова Инна Николаевна (с 27.01.1969 г.), Абалихина Маргарита Николаевна (с 13.10.1970 г.); Кировский — Олейник Борис Степанович (с 1.03.1968 г.); Колпинский — Тумкина Ангелина Борисовна (с 7.02.1968 г.), Козлова Валентина Федоровна (с 12.01.1971 г.); Кронштадтский — Коновалов Михаил Васильевич (с 2.10.1968 г.); Куйбышевский — Тубли Михаил Павлович (с 12.02.1968 г.),

ЛГО ВООПИиК. Капустник

Скрипченко Екатерина Романовна (с 7.04.1969 г.); Ленинский — Яншина Людмила Александровна (с 12.02.1968 г.), Тулубенская Нелли Анатольевна (с 3.01.1969 г.), Алексеева Нина Васильевна (с 15.01.1971 г.); Московский — Богданов Николай Николаевич (с 1.04.1968 г.),

Малютина Наталья Афанасьевна (с 26.06.1968 г.); Октябрьский — Федорова Нонна Николаевна (с 15.02.1968 г.); Невский — Ковровская Ольга Борисовна (с 22.02.1968 г.); Петроградский — Ельсиновская Людмила Апполинарьевна (с 29.03.1968 г.), Осокина Нина Григорьевна (с 5.06.1970 г.); Петродворцовый — Балакирева Екатерина Петровна (с 2.12.1970 г.), Ланская Ирина Васильевна (с 7.12.1970 г.); Пушкинский — Ежова Вера Константиновна (с 20.01.1968 г.), Шелищ Нина Леонидовна (с 29.01.1970 г.), Крылова Вилора Петровна (с 1.03.1972 г.); Сестрорецкий — Носкова Галина Спиридоновна (с 12.08.1968 г.), Максимов Борис Александрович (с 30.07.1968 г.); Смольнинский — Пилипенко Валерий Николаевич (с 15.02.1968 г.), Рахубо Инна Алексеевна (с 2.09.1968 г.); Фрунзенский — Черлова Галина Дмитриевна (с 29.04.1968 г.).

Характерна динамика роста индивидуальных и коллективных членов Общества с 1968-го по 1 января 1973 г.: на 1.01.1969 г. количество первичных организаций — 707, коллективных членов — 487, индивидуальных — 62 728; на 1.01.1973 г. соответственно: 116 — 620 — 187 876.

В работе Общества принимали участие известные специалисты и городское сообщество истинных поборников феноменов и символов исторического прошлого. Вопросы, рассматривавшиеся на заседаниях Совета Общества, всегда были актуальными.

18 января 1966 г. состоялось обсуждение трех вариантов новых предложений КГИОП по проекту охранных зон, которые вызвали объективную критику. В них инспекция формально исходила из необходимости охраны зданий-памятников, включив их в объединенную охранную зону, но при этом не учитывался принцип охраны единого и целостного градостроительного, архитектурного и исторического облика центральных частей города.

Отметим выступление Ю. М. Денисова об архитектурных доминантах и исторических предпосылках их появления: «Первые высотные точки закономерно формировались на берегах Невы. Петропавловский собор и Адмиралтейство в петровское время подкреплялись шпилями Троицкой церкви, церкви Меншиковского дворца, Исаакиевского собора. <...> Кроме того, были запроектированы и новые высотные сооружения — кафедральный собор на площади перед 12 коллегиями (шведского архитектора Тессина), новый каменный Троицкий со-

бор (архитектора М. Г. Земцова) и пышная пятиглавая церковь Военно-морского госпиталя на Выборгской стороне (архитектора П. А. Трезини). Однако ни один из этих проектов так и не был осуществлен, а к середине XVIII века были разобраны и все остальные высотные доминанты, стоящие непосредственно на берегах Невы. Это странное на первый взгляд обстоятельство можно объяснить только удивительно тонким пониманием градостроительного значения высотных доминант. Двух акцентов — собора Петропавловской крепости и башни Адмиралтейства при значительной сфере их архитектурного влияния совершенно достаточно для создания силуэта центральной части города». Ю. М. Денисов обратил внимание на острую необходимость выявления характерной рядовой застройки. Показательным стало сравнение трех категорий зданий, находящихся в петербургской Коломне, где при количестве домов около 400 государством охранялся 1 памятник, под охрану было рекомендовано 26, число «интересных и определяющих облик района» построек доходило до 133. Такая ситуация была и в некоторых других районах, особенно с насыщенной застройкой второй половины XIX — начала XX в. Перспективная работа по системному изучению города, начатая группой Б. А. Розадеева в ГИОП, нашла поддержку Совета.

В. А. Пушкарев, директор Русского музея, назвал эффективной работу комиссии по разработке проекта положения об охранных зонах. Он отметил Е. Н. Петрову и Ю. М. Денисова, которые «трудились из любви к городу, мы же по долгу службы». О. А. Чеканова предложила утвердить составленный Музеем истории города расширенный список зданий, рекомендуемых для взятия под охрану, — их было больше, чем в списке, подготовленном ГИОП.

В 1966 г. на заседаниях Совета Общества рассматривались существенные градостроительные вопросы, в частности проект реконструкции домов 50, 52 по Невскому пр. Известный зодчий Е. И. Катонин, имевший опыт реконструкции обширной территории площади Искусств — Михайловского замка — Кленовой аллеи, 21 февраля рассказал на заседании о необходимости устройства перехода с проходными галереями под Садовой улицей и получил одобрение собравшихся. 4 апреля рассматривался вопрос об установке мемориальных досок к 150-летию со дня

рождения И. С. Тургенева, и два писательских адреса (наб. Фонтанки, 38, и Поварской пер., 13) по инициативе Общества были увековечены.

Большую озабоченность Общества вызывало состояние Путевого дворца (архитектор Ф. Б. Растрелли). Еще в конце XIX в. во дворце устроили фабрику красок. До 1920-х гг. здание сохраняло свой облик, затем его перестроили, повысили на этаж. В связи с предполагаемым сносом Общество инициировало обсуждение проблемы сохранения дворца.

Состояние дачи Строганова, от которой остался лишь первый этаж, а на участке появилось современное сооружение, также приковало к себе внимание. Проект восстановления дачи, построенной А. Н. Ворониным, составил и предложил архитектор К. Л. Халтурин. Против ее сноса возражали 23 архитектора и реставратора, которые подали свои протесты в Совет Общества. Неоднозначной оказалась позиция Б. Б. Пиотровского: «Нельзя защищать всё, тогда не удастся восстановить ничего».

Совет рекомендовал: 1) по Путевому дворцу — сохранить и восстановить памятник; 2) по даче Строганова — вопрос обсудить дополнительно после окончания изыскательских работ; 3) в связи с постройкой гостиницы поддержать предложение о сносе на набережной Большой Невки здания Музея Пирогова, перестроенного В. А. Шретером в 1895–1896 гг. из провиантского магазина (1732 г. постройки). Инициатором обсуждения выступил Игорь Иванович Фомин. С его точки зрения, здание не имело «мемориальной и архитектурной ценности еще и потому, что в Военно-медицинском музее имеется экспозиция, посвященная Пирогову». Это мнение было не единственным, и, как известно, здание снесли и построили гостиницу.

19 декабря 1966 г. в Обществе обсуждался проект охранной зоны и зон регулирования. Основным докладчиком выступил начальник ГИОП С. В. Коробков, представивший на рассмотрение три варианта проекта охранной зоны и зон регулирования.

Вариант с максимальным охватом территории города с границей по Обводному каналу не одобрили Каменский и И. И. Фомин, так как большая зона, по их мнению, не давала возможность хорошо организовать охрану памятников маленьким штатом ГИОП.

Большинство высказалось за второй вариант с уменьшенной охранной зоной. По нему зона регулирования давала право контролировать застройку и разрешать реконструкцию. Коробков с сожалением отмечал, что в старых районах города реконструкция проводится без ведома ГИОП.

В. А. Пушкарев, выступая в прениях, с огорчением отметил, что во втором варианте охранная зона значительно уменьшена. Эмоциональное выступление художника А. А. Айриева было посвящено необходимости учитывать исторический характер участков при строительстве новых зданий: «Если <...> не считаться при этом с масштабами, то у нас и дальше будут сооружаться такие постройки, как гостиница „Советская“ на Лермонтовском проспекте — многоэтажная махина, архитектурное решение которой совершенно лишено каких-либо черт нашего русского советского стиля, а является простым подражанием небоскребу фирмы „Дженерал моторс“ в Сан-Франциско».

Районный архитектор ГИОП В. А. Бутми призывала: «Нам нужно перейти от декларативных выступлений <...> к деловому обсуждению <...>, на схемах надо было показать и набережные каналов <...> как охраняемые памятники архитектуры. <...> Коломну, безусловно, надо сделать охранной зоной <...> там много памятников, но они не взяты под государственную охрану». С. М. Вяземский настаивал на обязательном включении в проект ленинских мест. Архитектор-реставратор А. Л. Ротач ратовал за первый расширенный вариант проекта. Ему возражал Б. А. Розадеев (ГИОП), считая важным создание удобных современных условий для проживания горожан. Реставратор А. А. Кедринский возражал Розадееву, считая, что если так понимать «благоустройство», то Ленинград в его старой части обрстет архитектурно необоснованными новыми постройками.

Как всегда критически и ярко выступила архитектор-реставратор Е. Н. Петрова, обращаясь к И. И. Фомину: «Вы приносите слишком большие жертвы в угоду „Ленжилпроекту“, который зачастую ведет ничем не оправданное новое строительство в исторически сложившихся районах Ленинграда. <...> Совершенно неоправданно сокращать охранные зоны только потому, что не хватает штата в ГИОП для их охраны. <...> Граница передвинута инспекцией еще ближе к Мойке, т. е. фактически сводит на нет

всю охранную зону. <...> На Васильевском острове инспекция почти полностью заменила охранную зону зоной регулирования застройки, тогда как согласно действующим законоположениям роль инспекции в зонах регулирования будет ничтожна. Посмотрите, какие нарушения происходят сейчас в зоне регулирования. На углу Крюкова канала и Садовой появился новый дом, фасады которого не имеют никаких архитектурных достоинств и грубо нарушают ценнейший (XVIII в.) ансамбль б. Никольской площади и Крюкова канала».

Доктор архитектуры Н. Ф. Хомуцкий, поддержанный профессором А. М. Соколовым, настаивал на расширенных границах зон. К. Д. Халтурин призывал не сокращать охранные зоны и не руководствоваться условием об удвоенной высоте памятников: «Это значит не понимать значимость наших памятников, ансамблей, не понимать условия их восприятия. Определение охранной зоны с помощью высоты зданий из положения надо исключить и не допускать впредь».

Архитектор Н. Д. Кремшевская предлагала рассмотреть вопрос об охранных зонах до утверждения Генерального плана развития Ленинграда: «Ведь будут уничтожены многие типичные старые постройки, определяющие облик старого Петербурга». Старейший архитектор К. М. Дмитриев заострил вопрос гармоничного сосуществования старого и нового в городской среде, проявляя озабоченность подготовкой архитектурных кадров в вузах. Ему, как и многим, представлялось необходимым упорядочить работу ГИОП.

В результате обсуждения сформировали группу для подготовки предложений по актуальным вопросам охраны памятников, в которую вошли В. А. Пушкарев, С. В. Коробков, В. Н. Петрова, А. А. Айриев.

Обсуждение продолжилось через месяц, 18 января 1967 г. С сообщениями на заседании Совета Общества выступили Ю. М. Денисов и В. А. Пушкарев. Оба констатировали, что если в 1964 г. совершенно правильно обосновывалась необходимость создания охранных зон и зон регулирования застройки, территория которых практически должна охватить весь город, то в последующие два года ГИОП постепенно отказывается от этого принципа.

Д. С. Лихачев поддержал полемику: «У нас общественность узнает о проводимых в городе градостроительных работах очень поздно. <...> Почему в Ленинграде проектирование конкурсным методом не практикуется? В противном случае все градостроительные задачи в Ленинграде будут решаться в узком кругу архитекторов, занимающих руководящее положение, келейно, что не принесет пользы нашему городу».

Б. А. Розадеев настойчиво призывал не торопиться с установлением охранной зоны: «Сейчас рассматриваются план реконструкции центральной части города и предложения о методике ведения историко-архитектурных исследований в этих районах. Нельзя забывать, что мы берем под охрану живой, развивающийся организм нашего города».

В полемику включилась Е. Н. Петрова, возмущенная строительством гостиницы на месте Музея Пирогова, рядом с ансамблем Военно-медицинской академии, надстройкой старого здания на Манежной площади, а также предполагаемым повышением дома начала XIX в. на Исаакиевской площади. Ее беспокоила также разборка домов конца XVIII — начала XIX в. на ул. Декабристов; ул. Пестеля; на пр. Римского-Корсакова, 16; на Литейном пр., 13; на ул. Гоголя (Малая Морская ул.), 20. Она сделала вывод, что «интересы охраны памятников города требуют утверждения разработанного нашей комиссией проекта охранных зон с максимальной охранной зоной». Ее поддержали и другие выступающие.

Острый характер носило выступление директора Музея городской скульптуры Н. А. Беловой: «Необходимо сделать всё возможное, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение и искажение ансамбля Лавры, не допустить строительство в этом районе высотных и немасштабных зданий». Она с огорчением констатировала, что взрывные работы для устройства шахты метрополитена привели к частичному разрушению ограды некрополя и ряда памятников.

С большевистским напором выступал Л. Д. Муркин, член КПСС с 1918 г.: «Мы не консерваторы уже по одному тому, что мы большевики. Мы всегда за новое. Мы понимаем, что город — живой организм и поэтому необходимо вносить в него изменения, но мы за то, чтобы архиосторожно, архивнимательно подходили к каждому памятнику. <...> АПУ применяет особую тактику, когда оно

взламывает определенный район, уничтожая вначале отдельный памятник, чтобы потом, позднее, уничтожить оставшиеся другие сооружения, принадлежащие истории. Так поступили с площадью у Смольного: вначале снесли дом с бывшим рестораном „Хижина дяди Тома“, о котором говорил Джон Рид в своей всем известной книге, а сейчас уничтожаются манежи XVIII века. <...> Вслед за строительством гостиницы „Аврора“ („Ленинград“ — Т.Н.) будет снесен дом хирурга Пирогова, который был создан буквально на средства народа. <...> Вслед за постройкой на Фонтанке гостиницы „Советская“ будут возведены сооружения индустриального типа, которые изменят характер этого района. <...> Намечено взорвать казармы Измайловского полка на 1-й Красноармейской улице, в манеже которого выступал В. И. Ленин. <...> Проекты предварительно и широко не обсуждаются общественностью. Своим непотворением сам Совет Общества по охране памятников объективно помогает АПУ разрушить историческую часть города». Особо важны были следующие его предложения: 1) утвердить проект «Положения об охранных зонах и зонах регулирования застройки в Ленинграде», разработанный Советом Общества; 2) предложить Совету Министров РСФСР перевести ГИОП в свое подчинение.

В. В. Калинин, директор музея ЛВХПУ им. В. И. Мухиной, обратил внимание присутствующих на то, что материалы, опубликованные в ленинградской печати, наносят ущерб своей дезинформацией. Так, например, в газете «Ленинградская правда» 28 сентября 1966 г. были помещены две фотографии площади Мира — с церковью Спаса на Сенной, и та же площадь после сноса памятника XVIII в. Под снимком, изображающим унылую, архитектурно безликую площадь, дается надпись: «На новой просторной площади Мира, кажется, и дышится легче, и солнце здесь щедрее к людям». Газета «Ленинградская правда» от 19 декабря 1966 г. о двух манежах напротив Смольного, которые решено снести, сообщает как о реконструктивных мероприятиях. Главный инженер «Ленотделстроя-2» З. Я. Супоницкий в журнале «Строительство и архитектура Ленинграда» (№ 1, 1966 г.) пишет о застройке конца XIX — начала XX в. как о стиле «низкопробного» модерна периода реакции, которую «вовсе необязательно сохранять. Надо избавить городскую застройку от оставшихся ей в наследство элементов безвкусицы <...> не надо бояться осовременить».

Б. Б. Пиотровский. Фотография Ю. Алейникова

Поднятый вопрос вызвал оживленное обсуждение. Б. Б. Пиотровский: «Я считаю, что Ленинград имеет право на хорошую советскую архитектуру в центральных районах города, где существуют плохие здания и купеческая безвкусица конца XIX века. Их можно и нужно сносить». Ему возразил А. А. Айриев: «Но ваше выступление, тов. Пиотровский, сводит на нет работу, проделанную сегодняшним заседанием Совета». В дискуссии вступил Ю. М. Денисов: «Мне представляется, что после подобного заявления тов. Пиотровского Совет по охране памятников должен выразить недоверие своему председателю». Рабочий-строитель Герой Социалистического труда В. И. Кукин развил тему: «Новое надо строить на новом месте, а не разрушать старое, построенное поколениями русских строителей и архитекторов. Я вас не понимаю, тов. Пиотровский, ведь вы бывали за границей, в Праге, и видели, что центр старого города там бережно сохраняется, а новое возводится в новых, свободных от застройки районах. Разве

там современные архитекторы уничтожают созданное их предшественниками?» В ответ Б. Б. Пиотровский заявил: «В связи с заявлением Денисова я должен поставить вопрос о доверии и проголосовать». Л. Н. Белова, директор Музея истории Ленинграда, возразила: «Я считаю, что не надо никакого голосования, поскольку тов. Пиотровский высказал свое мнение, на что имеет право каждый член Совета. Предлагаю поставить на голосование проект Положения об охранных зонах». В. В. Пушкарев перешел к предложенной теме: «Прежде всего, я с удовлетворением должен отметить, что подавляющее большинство поддержало Положение о зонах, предложенное нашей комиссией. <...> Надо отметить, что, работая над проектом Положения об охранных зонах, мы встретились с большим противостоянием этому проекту со стороны ГИОП в лице ее руководителя С. В. Коробкова. В частности, говорилось, что торопиться с утверждением охранных зон Ленинграда не нужно. Нет, с этим нужно торопиться, пока нет таких границ охранных зон — под угрозой находятся многие памятники архитектуры. Об их сносе или реконструкции ЛенАПУ даже не считает нужным информировать инспекцию. Например, так было с домом № 16 по пр. Римского-Корсакова (конец XVIII века) или с домом № 90 на Фонтанке (дом Полторацкой) и др. В соответствии с решением Ленгорисполкома ГИОП должен был еще до 1 апреля 1966 года разработать положение об охранных зонах, однако еще и до сего времени такого положения нет. Вот почему наша комиссия считала особо важным разработать такое положение и представить на рассмотрение Совета в кратчайшие сроки».

Д. С. Лихачев отметил, что проект Положения широкой общественностью города не рассматривался. В итоге Совет единогласно проголосовал за проект Положения об охранных зонах Ленинграда (5 воздержавшихся). Для доработки текста Положения в комиссию дополнительно ввели Д. С. Лихачева и Я. Н. Лукина. После окончательного рассмотрения Советом документ предполагалось направить в Исполком Ленгорсовета.

Деятельность Общества в верном решении проблемы охранных зон сыграла существенную роль.

О критериях отбора объектов исторической городской среды и трудностях их переоценки свидетельствовало обсуждение на заседании Совета Общества 18 марта 1967 г. вопроса о взятии под

охрану памятников второй половины XIX — начала XX в. и советского периода: Кузнечного рынка (1922–1927 гг., архитекторы С. И. Овсянников, А. С. Пронин, скульптор В. Ф. Разумовский); кинотеатра «Москва» (1937–1939 гг., архитектор Л. М. Хидекель, скульптор И. В. Крестовский); жилого дома работников искусств, Кировский (Каменноостровский) пр., 14 (1934–1935 гг., архитектор Д. Г. Фомичев); Биржевого сквера (1895–1896 гг., садовый мастер И. П. Визе, 1926 г., перепланирован, архитектор Л. А. Ильин); сквера на пл. Искусств (1827–1828 гг., архитектор К. И. Росси, вторая половина XIX в., 1946 г., архитекторы Е. И. Катонин, В. Д. Кирхголами). Споры вызвало включение в список дома политкаторжан (1929–1933 гг., архитекторы П. В. Абросимов, Г. А. Симонов, А. Ф. Хряков), но в результате 16 человек (против 10) проголосовали за этот объект.

Обратимся к протоколу. Н. Ф. Хомуцкий зачитал мнение комиссии Общества по исключению из списка предполагаемых для взятия под охрану следующих объектов: «1. Дворец Юсуповой, Литейный пр., 42, образец эклектической безвкусицы. В Ленинграде есть более характерные здания этого периода. 2. Дом Общества взаимного кредита, кан. Грибоедова, 13. 3. Здание Суворовского музея». За музей заступился В. В. Калинин: «Суворовский музей <...> надо сохранять <...> оно во время войны, в блокаду, имело для нас и сейчас имеет историческое значение». Ему возразил Я. Н. Лукин: «Но наша комиссия брала под охрану памятники архитектуры, а таковым здание Музея Суворова не является. Относительно дома Общества взаимного кредита <...> — это образец откровенной безвкусицы конца XIX века, и брать его под охрану нельзя». С. М. Вяземский перешел к другому объекту: «Упомянутый дом Сюзора на кан. Грибоедова действительно является примером безвкусицы, и наш Совет не имеет никаких оснований брать его под охрану». В. А. Пушкирев предложил взглянуть на проблему шире: «К зданиям, находящимся в центре города, нам не следует предъявлять слишком жестких требований как к памятникам архитектуры, так как в целом они формируют облик старой застройки города и потому их надо сохранять».

Это обсуждение отразило определенные вкусовые пристрастия, идеологические штампы и безусловный приоритет эпох барокко и классицизма.

Формирование Общества структурно развивается и углубляется. В течение января–марта 1968 г. были проведены учредительные конференции в районах города; избраны Советы в количестве 15–19 человек и президиумы в количестве 5–7 человек; определены доступные условия вступления; были установлены взносы (вступительный взнос составлял 15 коп., для индивидуальных членов 30 коп., для юридических — от 10 руб. и выше, для членов юношеской секции 10 коп., военнослужащие рядового состава от уплаты освобождались). В этом же году в городском отделении Общества были созданы секции: исторических памятников (председатель В. М. Ковальчук); памятников архитектуры, изобразительного и народного искусства (председатель Я. Н. Лукин); пропаганды (Н. Я. Борисов); молодежная (О. Н. Нифонтов).

ЛГО Общества предлагает разместить свой аппарат в квартире А. С. Пушкина на наб. Кутузова, 32, с целью ее сохранения, но получает отказ от Ленгорисполкома.

Наряду с решением организационных вопросов С. А. Пермский выступил в «Ленинградской правде» со статьей на злободневную для того времени тему: «Особняк на капитальном ремонте». В ней он не только писал об уничтожении жилых домов при капремонте, но и предлагал необходимые меры для сохранения застройки: выявление и учет всех зданий, представляющих художественную и архитектурную ценность, проведение выборочного капремонта, позволяющего сохранить подлинную отделку.

Впоследствии при участии Общества Ленсовет принял Решение № 9 от 7.04.1969 г. «О сохранении архитектурно-художественного убранства при капремонте зданий». Победный итог работы общественности — годовые планы комплексных ремонтов отныне следовало согласовывать с ЛГО ВООПИиК.

Однако при капремонте уничтожалась не только рядовая застройка, но и уникальные постройки, что отражает докладная записка архитекторов С. В. Поповой-Гунич, Е. Н. Петровой и И. Г. Шульман от 29 июня 1968 г. по поводу сноса Путевого дворца на Средней Рогатке: «1) Несмотря на окончание рабочего дня, ведется снос здания с помощью шар-бабы. Таким образом, уничтожение дворца явно форсируется. 2) Кладка плохо поддается разрушению, так как отличается добротностью. Общее техническое состояние основных конструктивных частей вполне удовлетворитель-

но, за исключением угловой части, выходящей к Киевскому шоссе. Здесь имелись повреждения (вероятно, военного времени). <...> Применяемый метод ломки здания путем разрушения простенков нижних окон и завалов стен исключает возможность сохранения ценных элементов сооружения, снимать которые следовало острожно с лесов. <...> Создание новых улиц и площадей в Ленинграде не должно наносить ущерб памятникам нашей культуры».

Очередные потери принес 1969 г., трагически отмеченный разрушением Новодевичьего кладбища и сносом надгробий. Главный художник города В. А. Петров предложил скрыть на этом кладбище основные захоронения и перенести сюда наиболее ценные с других кладбищ города. Общество инициировало вопрос о создании здесь мемориала. «Рабочие ломали и вскрывали склепы для грабежа их. Кости трупов выбрасывались и засыпались землей...». Спешно было вывезено 400 монументов, а 800 раздавлено тракторами. Свои наблюдения и эту печальную статистику приводил в своих выступлениях П. П. Юревич, отдавший изучению захоронений кладбища 12 лет и пытавшийся всячески противодействовать этому варварству. При поддержке единомышленников ему удалось добиться ночного милицейского контроля, чтобы приостановить вывоз превосходных монументов, изготовленных в Риме, Милане, Генуе. П. П. Юревича поддержал В. В. Калинин, обеспокоенный потерей военных захоронений героев Севастопольской обороны.

На заседании Совета Общества 29 октября 1969 г. С. А. Пермский вынужден был признать еще одну потерю — Строгановскую дачу: «Нужно бросить упрек Обществу. <...> Мы своего твердого слова не сказали. Здание снесено».

Петербурговедение становилось популярным, обрело разные формы: проводились тематические вечера, праздники улиц, выставки, в том числе детского рисунка, лекции, выпускались документальные фильмы, формировались реставрационные молодежные отряды. Один из них по инициативе Ю. М. Денисова работал в Меншиковском дворце.

12 февраля 1969 г. Ленгорисполком принял решение «Об охраняемых зонах памятников культуры, архитектуры и истории», это можно считать и заслугой общественности. По инициативе Общества в этом же году извлекли из болота самолет с останками

Церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».
Фасад. Фотография Ю. Алейникова. Интерьер

Героя СССР Алексея Севастьянова, погибшего 23 апреля 1942 г. во Всеволожском районе. Большие усилия приложила к этому энергичная и авторитетная Н. А. Малютина, ответственный секретарь Московского района.

Архитектор И. Г. Шульман на одном из общественных обсуждений как-то заметила: «Кроме мастерства, у каждого архитектора должна быть гражданская совесть». Именно это качество позволило спасти дома на Стремянной ул., 19; Театральной пл., 14; 1-й линии В. О., 8; дом Троекурова на 6-й линии В. О., 13; Круглый рынок; Лиговский пр., 6; пр. Энгельса, 92; ул. Герцена (Большая Морская ул.), 33. Общественность добилась переделки проектов на эти объекты. За счет взносов Общество своевременно выделило необходимые средства на реставрацию следующих объектов: пр. Энгельса, 92 (50 т. р.); Чесменская церковь (40 т. р.); памятник «Стерегающему» (10 т. р.).

Большим и важным событием стало получение для расширения деятельности ЛГО ВООПИиК здания церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на ул. Воинова (Шпалерной ул.), 35. Значительные средства были вложены и в ее реставрацию.

Первоначально этот участок принадлежал Наталье Алексеевне, сестре Петра I. Часть дворцовой постройки занимала канцелярия строений (с окнами на Шпалерную улицу). 20 июня 1817 г. заложили новую церковь по проекту Л. Руски и Л. Шарлеманя. Ее освятили 24 октября 1818 г. С 1935 г. менялись пользователи здания: церковь принадлежала «Молокосоюзу», Комбанку (1936–1951), институту «Гипростройматериалы» (1951–1955), институту «Гипростекло» (1955–1957), Ленкниготоргу (1957–1960), фабрике ремонта часов (1960–1969). Подходящей для потребностей Общества оказалась площадь храма — 1215 кв. м. Внутри квадрата двухсветного церковного зала 24 колонны ионического ордера, выполненные из искусственного мрамора, образовывали круг. Над ним возвышался кессонированный купол высотой 19 м. Алтарь отделялся также ионическими колоннами. В строительстве церкви принимали участие каменных дел мастер С. Суханов, скульптор М. Петров, мастер резьбы по дереву Дунаев, живописцы Щербakov, Новоселов, академики живописи Е. Корнеев, Д. Пыльнев, П. Брюллов, С. Курляндцев, профессор живописи В. Шебуев.

II отчетно-выборная конференция состоялась в новом отреставрированном помещении 2 июня 1970 г. Большой интерес

представлял состав присутствовавших делегатов: из 172 человек с высшим образованием было 147, со средним и специальным образованием — 17; 7 профессоров, 7 докторов наук, 6 доцентов, 16 кандидатов наук; людей до 40 лет — 49, от 40 до 60 лет — 104, старше 60 лет — 19. Партийные показатели соответствовали «нормам» нашей действительности: членов КПСС — 137 человек, беспартийных — 35.

На конференции было сказано об успехах работы общественности. Несмотря на трудности, сохранены дом по Пушкинской ул., 1, в Пушкине, принадлежащий президенту Академии художеств А. Н. Оленину, и первые постройки Павловска — дома 2, 4, 5 по ул. Просвещения. Районные отделения добились финансирования работ по реставрации и консервации дачи Уткина, церкви Ильи Пророка, Ростральных колонн, «Золотых ворот» у Екатерининского дворца, собора Свв. Петра и Павла в Петродворце.

В 1970 г. энтузиасты и знатоки Общества обследовали около ста зданий по плану капремонта и реконструкции. Общество смогло выделить 40 тыс. рублей на реставрацию церкви Св. Александра Невского в Усть-Ижоре. Традиционно летом работали студенческие строительно-реставрационные отряды.

На пленуме 25 ноября 1970 г. констатировалось, что с момента учреждения Общества в лучшую сторону изменилось отношение к сохранению культурного наследия. Общество повлияло на решения об организации охранных зон, о сохранении архитектурно-художественного убранства при капремонте, о постановке под государственную охрану наиболее ценных памятников. Ответственный секретарь Октябрьского района Н. Н. Федорова охарактеризовала работу общественности как «глаза и добрые руки города».

За счет средств Общества в 1971 г. установили мемориальную доску, посвященную няне Пушкина Арине Родионовне; предусмотрели 50 тыс. рублей на продолжение реставрации Чесменской церкви и устройство при ней мемориального кладбища. К памятникам советской истории также проявлялось большое внимание, именно Общество озаботилось плохим состоянием памятников Зеленого пояса Славы.

Авторитетом пользовалась работа архитектурной секции Василеостровского района под руководством В. Г. Лисовского

и Ю. М. Денисова, которая выявила три будущих памятника: 6-я линия, 15 (Ларинская гимназия, 1780-е, архитектор Г. Х. Паульсен; 1835–1836 перестроено, архитектор А. Ф. Щедрин); Камская ул., 16, 18, 22 (церковные дома XVIII — начала XX в., перестроенные в 1883–1900 гг.); 12-я линия, 41 (особняк Э. Э. Бремме, первая половина XIX в., 1851, архитектор Н. П. Гребенка; 1906, архитектор В. С. Карпович), с ценной мозаикой и архитектурными деталями. Важные документы появились в результате обследования захоронений Смоленского православного и лютеранского кладбищ. Все материалы представили в Главное управление культуры Ленгорисполкома для обеспечения благоустройства и реставрации.

Выявление ценных историко-архитектурных объектов: домов по наб. р. Фонтанки, 24, 43; по наб. р. Мойки, 18; по ул. Фурманова (Гагаринская ул.), 24, позволило пополнить образцами художественной отделки их интерьеров фонды Музея истории города и ВХПУ им. В. И. Мухиной.

Большой интерес петербуржцев вызвал общегородской лекторий «Архитектурные памятники Ленинграда». Создание клубов знатоков города для молодежи, организация студенческих строительно-реставрационных отрядов, инициативное участие в зарождении и работе клуба «Ты — ленинградец» при Дворце пионеров делали процесс изучения наследия города безграничным.

Большую тревогу вызывали утраты памятников в Пушкине. Ответственный секретарь районного отделения Н. Л. Шелищ отмечала в своем выступлении безответственность пользователей: разваливалась гранитная пристань XVIII в., выпали два блока из уникального павильона «Пирамида», превращенного в аттракцион для скалолазания; интенсивно разрушался Палладиев мост. На территории парков хаотично разбросаны фрагменты памятников. На свалке оказались скамьи, чугунная пристань Екатерининского парка. В Баболовском парке наполнилась водой чугунная ванна работы каменотеса Суханова, что грозило ей уничтожением. Огромные средства потратили на засыпку «Купальни лицеистов» (архитектор Д. Кваренги), а она могла бы стать прудом в общей системе, так как была выложена булыжниками и снабжена затворами для спуска воды. В 1971 г. по инициативе Общества увековечили память художника Н. А. Ярошенко (ул. Чайковского, 63); благоустроили захоронение певицы А. Д. Вяльцевой на

Никольском кладбище; заменили кафе-столовую в Чайном домике в Летнем саду на буфет. Ленинграду постепенно возвращали приметы столичной культуры.

Особую роль сыграл пленум Совета ЛГО ВООПИиК, состоявшийся 17 марта 1971 г. Дискуссия приобрела острый полемический характер. О состоянии памятников Ленинграда с докладом выступила начальник ГИОП К. А. Павлова, предложившая создать общественную инспекцию по охране памятников. От Общества ее поддержал В. Г. Лисовский, инициировав организацию шефства предприятий или учреждений над памятниками, а также патрулирование, прежде всего в пригородах.

Его дополнил А. М. Кучумов: «Екатерининский дворец — объект очень сложный, дорогой. Реставрация его потребует не одного десятка лет. Начали реставрировать столовую. Помещение с плоскими стенками, где не было ни одного куса резьбы. Воссоздали, но в это время стоит Эрмитаж, где 90% подлинной растреллиевской уникальной резьбы. Дополнить 10%, и этот зал был бы открыт. <...> Рабочие на паркете Растрелли разводят костры. Половина резьбы, которая была собрана после войны, сгнила. Это зафиксировано комиссией, а остальную сожгли на кострах. Вот отношение к реставрации и консервации. <...> Отдельные памятники в Петергофе и Павловске — позор и стыд. Нет денег. <...> Я был в церкви Инженерного замка. Даже стыдно, что в Ленинграде есть такие памятники: уникальный интерьер, иконостас, цветной мрамор, лазурь. Всё зашито досками, завалено ящиками, живопись покрыта плесенью на сантиметр. <...> Это очень ценный памятник, а внимания к нему нет. Нужно направить средства, пусть небольшие, на консервацию. Не допустить, чтобы то, что сохранилось, погибло. <...> В докладе назвали Гатчину. Давайте восстановим Екатерининский дворец, Петергофский дворец, потом займемся Гатчиной, а так расплытаться неправильно. <...> Павловский парк подвергается разрушению, тысячи лыжников ломают зеленые изгороди, сносят всё. Не следует подвергать дальнейшему разрушению то, что уже восстановлено».

В. В. Знаменов, председатель архитектурной секции Петродворцового районного отделения Общества, главный хранитель музеев Петродворца, предложил направить строительно-реставрационный отряд для воссоздания планировочного решения

вокруг дворца Петра I в Стрельне с цветниками, газонами по историческим чертежам. Сохранившиеся документы позволяли вернуть дворцу, где находился детский сад, первоначальный вид.

И. П. Шаскольский предложил рассмотреть вопрос восстановления в Петродворцовом районе Английского дворца, возведенного по проекту Д. Кваренги. Председатель архитектурной секции Дзержинского района К. М. Дмитриев отметил упрочившееся взаимопонимание между Обществом и ГИОП. Он обратил внимание собравшихся на плохое состояние решетки Казанского собора, на давно назревший вопрос о запрещении движения грузовых машин (нефтевозы грузоподъемностью 40 т) мимо Эрмитажа по набережной Невы.

Председатель исторической секции Московского районного отделения П. П. Юревич был обеспокоен удручающим состоянием тринадцати сохранившихся верстовых столбов, которые ветшают, растаскиваются на части. Он выразил готовность помогать ГИОП, в частности, по работам с памятниками Пушкина, где разрушается «Пирамида» (архитекторы В. И. Неелов, Ч. Камерон); гибнет мраморная статуя Эдикула (скульптор И. П. Витали), гранитный постамент которой разбросан по всему саду.

Особо следует выделить выступление Б. А. Розадеева, выразившего позицию ГИОП и искавшего понимания общественности: «У нас в инспекции очень тяжелое положение с кадрами. <...> Кстати, приходящие, как правило, качественно многим уступают уходящим <...> приходится эти качественные сдвиги приобретать в процессе работы <...> трудно работать в инспекции архитектору или искусствоведу, им нужно быть очень широко образованными. <...> Зарплата в инспекции весьма и весьма скромная. Это тоже отпугивает. Клавдия Алексеевна (Павлова. — Т. Н.) скромно сказала, что в инспекции находятся на учете 825 памятников. А если эту цифру расшифровать поименно, то она будет близка к 2000. Сейчас, благодаря тому, что Общество как бы установилось, обрело силу, набирает мощность, своевременно ставить вопрос о координации работы. Академия художеств, Университет, ЛИСИ — нельзя ли договориться с этими тремя организациями и выбирать темы, которые были бы полезны для города, для памятников архитектуры и для этих учебных заведений. Нельзя ли при районных отделениях общества организовать районные

общественные реставрационные бюро, которые бы делали сильную разработку определенных небольших, но очень серьезных работ».

С противоположной точкой зрения по ряду вопросов выступила Е. Н. Петрова. Она напомнила о решении Совета Министров от 25 мая 1966 г. об усилении дела охраны памятников в связи с необоснованными сносами зданий, плохим состоянием некоторых сооружений. Памятники Пушкина требовали первоочередных ремонтно-реставрационных работ: Китайский театр, Китайская деревня, Холодная баня, Эрмитаж, Знаменская церковь. «...уничтожены два камероновых барельефа. В летнее время стоят автоматы для газированной воды. Эти автоматы мы получили ценой двух камероновых барельефов. <...> На месте инспекции охраны памятников <...> я бы не взывала к общественности, не просила бы общественных инспекторов, я бы сфотографировала все эти объекты, написала докладную записку в правительство и изложила бы факты, почему мы не можем выполнить постановление правительства... и обратилась бы за помощью не к общественности, а к правительству. <...> Я уверена, что правительство бы пошло на встречу. Я почувствовала, что нет заинтересованности, вот такого горения у инспекции сейчас, какое было у прежнего руководства. Могу показать снимок, где старый начальник инспекции... снят не больше не меньше как на крыше Екатерининской церкви на Васильевском острове вместе с верхолазом Спегальским рядом с ангелом, который держит крест. То есть начальник инспекции, будучи сам архитектором, проверял работу реставраторов, залез на купол и стоит рядом с ангелом. <...> Создавать проектные организации при районных отделениях общества — это утопия. Надо централизовать проектное и реставрационное дело». Лаконично и почти безнадежно прозвучал ответ К. А. Павловой на все острые вопросы: «...У нас 2 тысячи объектов и 15 человек».

Благодаря вмешательству Общества удалось спасти от разрушения ряд ценных в архитектурно-художественном и историческом отношении зданий. Так, был сохранен намеченный к сносу дворовый корпус дома на наб. Мойки, 108 (б. усадьба Нарышкиных), в связи с проектом строительства высотного спортивного корпуса института им. П. Ф. Лесгафта. Проект капитального ремонта, разработанный Ленжилпроектом для дома по наб. Мойки, 18,

предусматривал уничтожение исторических лестниц XVIII в., полное изменение фасада, выходящего на Дворцовую площадь и Зимнюю канавку. Общественность обосновала и настояла на возвращении дому первоначального облика. Активистам удалось также отстоять манеж Измайловского полка.

В это же время Обществом был разработан проект решения Ленгорисполкома об организации работ по выявлению зданий, ценных в архитектурно-художественном и историческом отношении, сохранении интерьеров при капремонте и передаче отдельных элементов убранства Государственному музею истории Ленинграда. Важной реакцией ГлавАПУ стал приказ № 31 от 6 июля 1971 г., определивший четкий порядок подготовки архитектурно-планировочных заданий на комплексный ремонт и реконструкцию зданий по согласованию с Обществом.

Президиум Совета Общества выделил 95 тыс. руб. на консервацию Знаменской церкви, Нижней ванны, Турецкой бани в Пушкине; на Капеллу в Петродворце; павильон «Любезным родителям» в Павловске; Лесную оранжерею в Гатчине.

Успешно проводилась большая и содержательная работа по пропаганде наследия с проведением лекций, экскурсий, выставок, вечеров и привлечением кино, телевидения, периодической печати. Интерес горожан вызывали радиоэкскурсии на предприятиях. Для киностудии «Леннаучфильм» Общество подготовило более десятка сценариев. Среди них, например, фильм «Исторические места Сестрорецкого района» по сценарию ответственного секретаря Б. Максимова.

Однако не во всех районах до конца были упорядочены вопросы шефства над памятниками и памятными местами. Мало уделялось внимания сооружениям промышленной архитектуры, предметам прикладного искусства, дизайна, народного творчества. В центральных районах, например в Октябрьском, райисполком подготовил Решение № 313 от 7 октября 1971 г. «О содержании зданий, находящихся под охраной государства». Оно обязывало произвести ремонт фасада здания по адресу Красная (Галерная) ул., 60 (усадебный дом Бобринских); устранить недоделки по ремонту фасадов дома по наб. Фонтанки, 99, в соответствии с актом комиссии Общества охраны памятников; выполнить работы по реставрации Никольского рынка, Юсуповского парка. Контроль за выполнением

Сотрудники ЛГО ВООПИиК на экскурсии по Петергофской дороге

ем этого решения возлагался на Н. Н. Федорову, ответственного секретаря Октябрьского районного отделения Общества. По инициативе общественности вносятся изменения в проект планировки и реконструкции домов: ул. Герцена (Большая Морская ул.), 33; Климов пер., 3; ул. Войтика (Витебская ул.), 24.

Материалы обследования многочисленных интерьеров зданий по всему городу передаются в ГИОП. На этом пути возникают неожиданные открытия — например, обнаруженный наборный паркет в доме по ул. Желябова (Большая Конюшенная ул.), 3. Создаются комитеты содействия реставрации Сампсониевского собора, Головинской дачи. По каждому району проведен учет мемориальных и памятных досок (всего более 2000) с их частичной фотофиксацией.

Растущий авторитет Общества способствовал тому, что Госстрой РСФСР своим предписанием от 10 ноября 1971 г. обязывал привлекать к обсуждению проектных материалов местных представителей ВООПИиК. Это распространялось на обсуждение генеральных планов планировки и застройки жилых районов, где затрагивались интересы наследия.

Новой формой участия общественности в выявлении, изучении и охране памятников стали рейды строителей по домам, идущим на капитальный ремонт. Инициаторами этого начинания явились строители треста № 4 Управления капитального ремонта. Они провели рейды по домам на ул. Халтурина (Миллионная ул.), 25; ул. Некрасова, 37; ул. Петра Лаврова (Фурштатская ул.), 34; ул. Воинова (Шпалерная ул.), 32; наб. Фонтанки, 43 и 45; Стремянной ул., 19; ул. Белинского, 3; наб. Мойки, 42, был выявлен ряд ценных интерьеров и приняты меры к их сохранению.

При участии Общества Ленгорисполком принял специальные решения, нормализующие положение дел с Новодевичьим кладбищем, с девятью закрытыми кладбищами, а также запрещающие снос старых решеток без согласования с ВООПИиК. Общественность способствовала воссозданию снесенных памятников архитектуры, например портика Руски на Перинной линии.

ЛГО ВООПИиК помогало восстанавливать памятники старины в других городах России, посылая студенческие строительно-реставрационные отряды в Толгский монастырь в Ярославле, Спасо-Ефимиевский монастырь в Суздале, Кирилло-Белозерский монастырь, церковь Рождества Иоанна Предтечи в Угличе, усадьбу Тургенева в Спасском-Лутовинове.

При подведении итогов работы за 1971 г. отмечалось, что члены Общества участвовали в благоустройстве Пискаревского, Богословского, Большеохтинского, Новодевичьего кладбищ, Дороги жизни, Екатерининского сада, парка 30-летия ВЛКСМ, Московского парка Победы, Пулковских высот, Александроневской лавры. Были взяты под защиту дома по пр. Газа (Старо-Петергофский пр.), 3, 5, 7, 9, 9а, с пересмотром проектов. Члены Общества обследовали 60 памятных мест, связанных с жизнью декабристов, сделав предложения по их увековечиванию.

В ЛГО функционировали два городских лектория: «Архитектурные памятники Ленинграда», «Выдающиеся зодчие нашего города XVIII–XIX веков». По инициативе Кировского и Петродворцового отделений открылись университеты культуры с двухгодичной программой обучения. В Петроградском районе работал 21 лекторий, включая жилищные конторы и таксомоторные парки. На учащуюся молодежь были рассчитаны «Клубы знатоков». Впервые эта форма зародилась в Василеостровском

районе еще в октябре 1970 г. В 1968–1969 гг. экскурсоводы-общественники провели 1800 экскурсий, в основном на бесплатной основе, а в 1970–1971 гг. — 2898. Членами общества были 2,8% ленинградцев.

В 1972 г. Общество ходатайствовало о взятии под охрану двух деревянных домов бывшей Фриденгальской колонии в Пушкине, возведенных по проекту В. П. Стасова для семей мастеров-текстильщиков из Пруссии. По просьбе Сестрорецкого инструментального завода ЛГО поднимает вопрос о передаче форта «Первомайский» для устройства базы отдыха. В марте 1972 г. Общество просит ГИОП принять срочные меры по сохранению иконостаса в Андреевском соборе, что инициировало проведение реставрационных работ на месте, без разборки иконостаса.

На заводе гипсовых и мраморных изделий предполагается изготовить мемориальную доску няне А. С. Пушкина, Арине Родионовне. Общественность ходатайствует об установке мемориальных досок на фасаде дома 72 по наб. Мойки, где на квартире К. Ф. Рылеева происходило решающее заседание декабристов; на Комендантском доме в Петропавловской крепости, где состоялся суд над участниками декабристского восстания, об увековечивании места их казни. Эти планы удалось реализовать.

Рассматривая Программу проектных работ по реконструкции центральных районов Ленинграда, ЛГО ВООПИиК выражает свое мнение главному архитектору города Г. Н. Булдакову: «Представляется неприемлемой и нереальной намеченная программой полная ликвидация в районе старого центра постоянного жилья и перестройка жилых домов под гостиницы и общежития. В городе следует развить сеть музеев, для организации которых могут быть использованы такие, ныне занятые учреждениями здания, как дворец Шереметевых на Фонтанке, Инженерный замок, Строгановский дворец». Пройдет время, и эти предложения воплотятся в жизнь.

Исполком Сестрорецкого района обращался в ЛГО ВООПИиК как к действенным защитникам наследия по вопросу придания парку «Дубки» статуса памятника. В поисках единомышленников пишет письмо в ЛГО Г. В. Талепоровский, возмущенный отношением к памятнику Александру III, созданному скульптором П. Трубецким и «сосланному» на задворки Русского музея. Он де-

лает актуальное по сей день предложение: установить монумент в Петропавловской крепости, напротив Васильевских ворот.

Об ответственности, которая лежит на Обществе, говорил Ю. М. Денисов, выступивший 6 апреля на III отчетно-выборной конференции: «Всё, что делается руками Общества, должно быть отражено в листовках, проспектах, буклетах. <...> А ведь всё это можно дешево издать. <...> Главный архитектор города... пишет письмо, в котором разрешает заводу Котлякова расширить территорию за счет кладбища. Меншиковский дворец представляет, по существу, руины. Я говорю всё это к тому, чтобы присутствующие почувствовали ту колоссальную ответственность, которая лежит на Обществе охраны памятников».

Журналист М. И. Солоухина призывала участников конференции поддержать ее в вопросе определения охранного статуса комплекса усадьбы Ломоносова (Большая Морская, ул., 61), где ученый открыл закон сохранения энергии и атмосферу на Венере, делал мозаики.

Одним из важнейших пунктов резолюции конференции стало обращение в Ленгорисполком о выделении ГИОП из состава ГлавАПУ в самостоятельный орган. Но оно не нашло поддержки у органов власти.

В этом же году общественность предотвратила снос особняка Бремме, деревянного здания на 12-й линии, 41, построенного по проекту архитекторов Н. П. Гребенки и В. С. Карповича. Этот список пополняют дома по Лиговскому пр., 103, 105 — образцы первоначальной застройки проспекта, которые возведены в XVIII в. и надстроены архитектором Войновичем третьим этажом в 1832 г. ЛГО активно возражает против постройки комплекса «Модуль» — выставочно-танцевального павильона в парке на Елагином острове.

Обращаясь в ГИОП, общественность просит удалить позднейшие наслоения и восстановить первоначальный облик дома Д. Трезини на Университетской наб., 21, примера жилой застройки первой четверти XVIII в., и решить вопрос о его статусе. Заметим, что официально охраняемым этот объект стал лишь в 1999 г.

В 1972 г. заместитель председателя Президиума Совета С. А. Пермский был вынужден по состоянию здоровья завершить свою деятельность в ЛГО ВООПИиК. Его сменил Н. А. Суханов,

имевший опыт партийной работы. Ответственным секретарем городского отделения назначили бывшего сотрудника КГБ В. А. Орестова.

Новое руководство по инициативе общественности обращается в ГлавАПУ с предложением отменить решение об отводе земельного участка для застройки территории бывших губернских домов в Кронштадте, с которых началось формирование города на острове Котлин. Построенные по принципу секций в первой четверти XVIII в., они явились прототипом здания Двенадцати коллегий. Вместе со старым Летним садом и арсеналом губернские дома представляли собой единый исторический комплекс, где новое строительство было недопустимо. Общество инициирует вопрос постановки их под охрану государства, что состоялось через три года.

На II съезде ВООПИиК, состоявшемся 13 ноября 1972 г., Б. Б. Пиотровский призвал решить дальнейшую судьбу Гатчинского дворца; Меншиковского дворца в Ломоносове; дачи Безобразовых «Жерновка»; церкви Александра Невского в Усть-Ижоре; Екатерининской церкви в Мурино; Благовещенской церкви на Приморском пр., 79; церкви Ильи Пророка на Пороховых; Никольского домика в Петергофе; Баболовского парка в Пушкине; дачи Вяземских в Осиновой роще. Устанавливается срок проведения съездов каждые пять лет вместо четырех. Конференции местных отделений предполагается созывать два раза в пятилетие. Изменяется возраст граждан, вступающих в Общество: его членами отныне могли стать 14-летние горожане (ранее 16-летние).

В адрес II съезда поступило много писем от ленинградцев, которых волновали покрытые зеленой патиной скульптуры города, состояние набережных Невы. Осужденный одной из тюрем предлагал показать место, где в парке Ломоносова зарыта скульптура работы итальянских мастеров. Коренные жители города, обитающие в доме-памятнике на наб. Фонтанки, 87, ссылаясь на трудные условия коммунального быта, также надеялись на помощь Общества в передаче здания в нежилой фонд или использования для иных нужд. Инженеры из Гатчины призывали ускорить реставрацию и восстановление памятников своего города. Неравнодушных людей беспокоили плохое состояние Лицея и Федоровского городка в Пушкине, а также вопросы переименований улиц, проспектов

и площадей. З. П. Суркова писала от имени пятидесятилетних горожан: «Мы хотим, чтобы не только дома и памятники были сохранены в старом городе, но и названия улиц тоже».

Следующим важным шагом ЛГО Общества стала подготовка документации о недопустимом использовании ряда памятников: «Благовещенская церковь на Приморском пр., 49, — завод резино-технических изделий; Благовещенская церковь на В. О. — завод металлоконструкций; ансамбль Александроневской Лавры — НИИ с экспериментальным заводом; костел Св. Станислава — склад; Предтеченская церковь на Лиговском пр., 128, — ремонтно-производственные мастерские; Строгановский дворец — учреждение закрытого типа; дом Опекунского совета на ул. Плеханова (Казанская ул. — Т. Н.), 8, — завод радиотехники; Конногвардейский манеж — гараж; Никольский рынок — завод «Металлоштамп»; дача Безобразовых — жилой дом; госпиталь в Павловске — производство; Александровский дворец в Пушкине — в/ч».

В марте 1973 г. при ЛГО Общества создается комиссия коллекционеров художественных произведений во главе с Т. А. Карской.

Выделяются средства на проект реставрации дачи Воронихина, розового павильона в Павловске, решетки Летнего сада, Чесменской церкви, Капеллы в Петергофе.

Обсуждение на заседании архитектурной секции ЛГО вопросов реконструкции Невского проспекта собрало свыше 200 человек и позволило составить объективную картину необходимых преобразований. Следующим значительным шагом явилась остановка проектирования выхода подземного тоннеля около дачи Половцова на Каменном острове. Общество присоединилось также к мнению ученого совета ГИОП, отклонившего проект гостиницы и аэровокзала на площади Мира, представленный ЛенЗНИИЭП.

4 июля 1973 г. на заседании президиума Н. А. Суханов сложил свои полномочия по болезни, и в должности утверждается Л. П. Тихонов.

Завершая краткий обзор деятельности ЛГО ВООПИиК периода становления, отметим преданность его активистов, которых объединил трудный путь — спасение и сохранение великого наследия великого города.

ЗОЛОТОЙ ВЕК КИШИНЕВСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ. ПОСТСКРИПТУМ

ПОСЛЕ присоединения Бессарабии к Российской империи в 1812 г. началось активное экономическое и социально-культурное развитие Кишинева. В 1818 г. город получает официальный статус центра Бессарабской области, а в 1873 г. становится центром Бессарабской губернии.

На протяжении первых десятилетий российского администрирования застройка городских территорий носила стихийный характер. В 1834 г. Николай I утвердил новый генеральный план Кишинева. В его основу лег принцип регулярной застройки, заложенный еще в XVIII в., когда русские войска разместили на месте Кишинева военный лагерь*. Впоследствии геометрическая схема лагеря использовалась для создания сети городских улиц. На протяжении всей истории Кишинев оставался многонациональным городом, о чем свидетельствуют даже названия городских улиц: Армянская, Болгарская, Еврейская, Сербская, Турецкая, Греческая, Немецкая**. Этническое разнообразие существенно отразилось на всех сферах городской жизни, в том числе и на градостроительной политике. Кишинев всегда находился на стыке политических и территориальных интересов России и Европы, непосредственно зависел от архитектурных тенденций ближайших столиц, Санкт-Петербурга и Бухареста. Многовековое слияние славянской и романской культур сформировало неповторимый облик кишиневской застройки, где фрагменты византийской, романской и готической архитектуры гармонично сочетаются с элементами молдавского народного зодчества. В период зарождения основных градостроительных концепций Кишинева широкое распространение получает классическое направление, особенно так называемый русский классицизм. Из-за отсутствия строгих стилевых требований к архитекторам и застройщикам со

* Тарас Я. Н. Памятники архитектуры Молдавии (XIV — начало XX в.). Кишинев, 1986. С. 190.

** История Кишинева / отв. ред. И. Г. Будак. Кишинев, 1966. С. 49, 56.

стороны городской администрации здания, выполненные в едином архитектурном стиле, в городе почти не проектировались. Таким образом, эклектика доминирует в кишиневской застройке.

Архитектурный и технический уровень разработки первого генерального плана 1834 г. был достаточно высоким, поэтому застроенные в соответствии с ним кишиневские улицы были сохранены при восстановлении и реконструкции города академиком Алексеем Щусевым (уроженцем Кишинева) после Второй мировой войны.

Согласно генеральному плану Кишинев был разделен на «верхний» и «нижний». Гражданское строительство организовано велось в основном в «верхнем» городе, в то время как его нижняя часть, вытянувшаяся вдоль реки Бык, называлась «старым» городом и оставалась рабочим предместьем. Активная застройка Кишинева продолжалась весь XIX век. В этот период был сформирован административный центр, в основном ограниченный Александровской улицей* (ныне проспект Штефана чел Мааре**), проложенной в конце XVIII в. вдоль центральной оси бывшего военного лагеря и до сих пор остающейся центральной артерией кишиневского исторического центра. Параллельно Александровской застраивались жилые кварталы правильной геометрической формы, где располагались особняки среднего класса и местной знати. В «нижнем» городе селилась преимущественно беднота.

Сегодня ядром исторического центра Кишинева является ансамбль кафедрального собора с колокольней. Проект собора и колокольни был разработан в 1827 г. профессором петербургской Академии художеств Авраамом Мельниковым. Смета была составлена одесским городским архитектором Францем Фраполли. Закладка собора состоялась 11 мая 1830 г. Строительные работы заняли шесть лет. Согласно канону здание решено крестообразным в плане. Четыре мощные опоры поддерживают круглый барабан, изначально завершенный параболическим куполом. Одновременно с собором на расстоянии 40 м от него была сооружена четырехъярусная колокольня. Три ее яруса, квадратные в плане, были решены в виде уступов, четвертый, круглый,—

* Улица была названа в честь российского императора Александра II.

** Улица названа в честь молдавского господаря Стефана Великого.

Ансамбль Кафедрального собора

в виде цилиндра, завершающегося куполом. В первом ярусе располагалась церковь. Снаружи стены колокольни были бежевыми, опорные и выступающие элементы фасада — белые, купол и крыша окрашивались в зеленый цвет.

В проекте кишиневского кафедрального собора и колокольни Мельников опирался на опыт, накопленный им при сооружении Никольской единоверческой церкви в Петербурге и проектировании Исаакиевского собора*. В частности, купол кишиневского собора первоначально являл собой точную копию Исаакиевского купола, только в уменьшенных размерах. При строительстве комплекса впервые в Бессарабии был произведен инженерно-геологический анализ грунта, по итогам которого фундаменты были заложены на глубине до пяти метров, с учетом возможности возникновения оползневых процессов, характерных для местных почв. Триумфальная арка, воздвигнутая по проекту архитектора Луки Заушкевича к концу 1840 г., символизировала победу русских войск в Русско-турецкой войне и завершила создание основного

* Тарас Я. Н. Указ. соч. С. 95–97.

Кафедральный собор

архитектурного ансамбля Кишинева XIX в.* Вокруг собора был разбит парк на основе симметричной системы аллей, сходящихся в центре.

В 1941 г. здание сильно пострадало от бомбардировки, работы по восстановлению начались уже в 1942 г., но окончательно завершились лишь в 1950-х гг. После реставрации форма купола была изменена на сферическую. В советский период в помещениях собора располагался выставочный зал Министерства культуры МССР. В декабре 1962 г. по указу городской администрации Кишинева колокольня была взорвана и восстановлена только в 1997 г. архитектором Георгием Булатом. Проект реставрации колокольни предусмотрел некоторые изменения композиции по сравнению с первоначальной.

* История Кишинева. С. 121.

К северу от кафедрального собора по продольной оси был возведен римско-католический собор Божественного Провидения, а к югу — хоральная синагога. Оба сооружения располагались в непосредственной близости к главному православному собору Кишинева, что свидетельствует о высокой религиозной толерантности горожан.

Проект римско-католического собора Божественного Провидения разработал петербургский архитектор Иосиф Шарлемань. Строительные работы начались в 1840 г.* Собор построен в стиле позднего неоклассицизма. В плане храм представлял собой вытянутый прямоугольник. Внутреннее пространство было расчленено на три нефа двумя продольными рядами колонн, по шесть в каждом. Средний неф со сводчатым деревянным потолком выше боковых нефов. Он завершался полукруглой алтарной абсидой. В 1963 г. собор был закрыт, а в его помещениях размещалась студия звукозаписи комитета по телевидению и радиовещанию МССР. В 1989 г. приход был возвращен верующим.

Здание хоральной синагоги не сохранилось в первоначальном виде, архитектор неизвестен. Хоральный храм была возведен в 1913 г. в мавританском стиле на средства еврейской общины города, которая в первой половине прошлого века объединяла более половины населения Кишинева. Монументальное здание с чешуйчатым жестяным покрытием состояло из трех помещений, фасады были решены в ясных тектонических формах, подчеркнутых горизонтальными полосами из белого пыльного известняка (котельца) и кирпича. Подобное чередование котельца и кирпича является характерным художественным приемом в бессарабской архитектуре конца XIX — первой половины XX в. Здание не пострадало в войну, и в 1945 г., после ремонта, было передано русскому драматическому театру им. А. П. Чехова. В 1966 г. здание хоральной синагоги было кардинально перестроено, причем внешний облик и планировка полностью изменены**.

Поскольку в первой половине XX в. большинство населения Кишинева составляли евреи, синагоги играли значительную

* Gangal B., Nesterov T., Râbalco E. [et al]. Centrul istoric al Chişinăului la începutul secolului al XXI-lea: Repertoriul monumentelor de arhitectură. Chişinău, 2009. F. 32.

** Шойхет С. Евреи в духовной жизни Молдовы. Кишинев, 1997. С. 101.

роль в организации культурного пространства города. Известно, что в 1940 г. в Кишиневе действовало более 70 синагог и молельных домов. В отличие от большинства европейских городов, в Кишиневе не существовало зоны компактного расселения евреев, так называемых еврейских кварталов, или гетто. Все горожане, независимо от национальной принадлежности, могли селиться в любом месте города согласно своим доходам и социальному статусу. Поэтому синагога располагалась почти в каждом кишиневском квартале. В настоящее время в городе действует только одна синагога — синагога стекольщиков*, спроектированная архитектором Сергеем Гингером в 1888 г. Здание неоднократно ремонтировалось, но его внешний и внутренний облик при этом не изменялся. В Кишиневе сохранилось еще несколько значимых проектов С. Гингера, известного зодчего-новатора начала XX в., представителя модерна и неоклассицизма, начинавшего здесь свою карьеру и активно работавшего в Кишиневе вплоть до переезда в Санкт-Петербург в 1907 г.

В самом центре города, на улице Букурешть (Бухарестская), приходит в упадок изысканный двухэтажный особняк, построенный по проекту С. Гингера в 1899 г. Несколько лет зодчий проживал здесь с семьей. Над одним из балконов сохранился изящный вензель с монограммой из заглавных букв «Ц» и «Г», обозначающих инициалы владельца: Цалек Гингер — так звали архитектора, прежде чем он перешел в православие и принял имя Сергей. В связи с отъездом Гингеров из Кишинева здание было продано семье Розенфельд-Шапиро и позднее превращено в доходный дом, поэтому во всех официальных документах строение указывается как «дом Шапиро».

По проекту архитектора С. Гингера возведен главный и главный корпус комплекса кишиневской еврейской больницы. При проектировании главного корпуса в 1891 г. автор принял симметричную схему решения фасада, как самую удобную для объекта, несущего сложную технологическую функцию. Архитектурный образ здания определяют три ризалита: центральный и два боковых, каждый из которых завершен

* В Кишиневе все синагоги (за исключением хоральной) разделялись согласно профессиональной принадлежности прихожан, т. е. синагога переплетчиков, дровосеков, мясников, стекольщиков и т. д.

Особняк С. Гингера. 1899 г.

треугольным фронтоном. Центральный ризалит акцентирован главным входом в больницу со стороны улицы. Элементы эклектики деликатно использованы в оформлении фриза и наличников окон второго этажа — миниатюрные горельефы, стилизованные под детали ордера, оживляют восприятие образа больничного здания. Цоколь и стены первого этажа выполнены в вертикальной и горизонтальной рустовке, очень популярной и в современной архитектуре Кишинева. Природный камень, известняк, являющийся основным строительным материалом на данной территории, в силу своей структурной мягкости легко поддается декоративной обработке. Этот художественно-пластический прием уходит в далекое средневековое прошлое Молдовы и применяется в монументальных искусствах всех народов, населяющих край. Фасад второго этажа выполнен в более сдержанной манере, стены гладко оштукатурены*.

В 90-е гг. XIX в. Сергей Гингер совместно с Александром Бернардацци разрабатывает проект психиатрической лечебницы, крупнейшей на юге Российской империи. Генеральный план больничного комплекса, расположенного в 10 км южнее Кишинева, представляет собой двухрядное размещение 19 корпусов параллельно продольной оси всего комплекса. Ось направлена с северо-запада на юго-восток. Длина ее — около 400 м. Расстояние между двумя параллельными рядами больничных корпусов — более 80 м. Здесь находится зеленый сквер с многолетними породами древесных насаждений, кустарниками и партерной зеленью. По контуру сквер окаймлен асфальтированной дорогой. Такое построение генерального плана отвечало требованиям строительства больницы, согласно которым необходимо было обеспечить большие озелененные площади, составляющие зону отдыха и создающие соответствующий микроклимат для больных.

Больница состояла из большого количества корпусов, образующих единый комплекс и расположенных в соответствии с единым генеральным планом. Архитектурное решение фасадов одного ряда корпусов с некоторой переработкой повторяется в зеркальном изображении на противоположной линии застройки. Все корпуса были покрыты красной марсельской черепицей

* Gangal B., Nesterov T., Râbalco E. [et al]. Op. cit. F. 207.

Водонапорные башни

(в настоящее время — серым волнистым шифером), которая живописно перекликалась с красным кирпичом фасадов, сочетающимся с котельцом. Особенность кровли зданий, а именно размер ее выноса, в полтора раза превышающий общепринятый, позволила сохранить фасады в первозданном виде. Характерно также устройство высоких цоколей, что позволяет освещать помещения в цокольном этаже естественным светом.

На территории больницы были возведены водонапорные башни, автономно снабжавшие комплекс водой. Эти сооружения стали одной из наиболее прогрессивных инженерных построек в Бес-

сарабии в начале XX в. В строительстве башен был впервые применен новый строительный материал — железобетон, прежде не использовавшийся в крае. Сметная стоимость постройки составила 10 тыс. руб. золотом*. Другой инженерной новинкой была идея замены традиционных деревянных перекрытий на «кирпичную систему Клейна». Кирпичи укладывались на ребро на двутавровых стальных балках, скреплялись цементно-песчаным раствором с обязательной прокладкой между рядами кирпича непрерывных железных полос толщиной 1,5 мм и шириной 2,5 дюйма. Эта же методика, только в упрощенном виде, традиционно употреблялась в молдавском народном зодчестве при строительстве глубоких погребов. Постоянная влажность подземных помещений становится причиной коррозии железных элементов, которые разрыхляются, увеличиваются в объеме и тем самым по-

* Бубис И. Зодчие Бернардацци. Кишинев, 1997. С. 56–59.

вышают сцепление кладки. Использование старинной технологии в сочетании со стальными балками давало особую прочность перекрытиям этого уникального инженерного сооружения.

За сто лет больничные корпуса претерпели значительные изменения из-за неправильной эксплуатации, а также из-за нескольких землетрясений, но в целом комплекс психиатрической больницы сохранен и функционирует по сегодняшний день.

Талантливый архитектор Александр Бернардацци является автором многих шедевров, составляющих архитектурное наследие города. Он происходил из семьи потомственных зодчих, прибывших в Россию из Швейцарии в конце XVIII в. Отец Александра, Джузеппе Бернардацци, отличился при строительстве Исаакиевского собора* и был отмечен самим Александром I. Но после конфликта с главным архитектором собора О. Монферраном братья Бернардацци (Джузеппе и Джовани) уезжают на Кавказ, где приступают к строительству Пятигорска. Бернардацци работали на строительстве всех курортных мест Северного Кавказа — Кисловодска, Железноводска, Ессентуков, Георгиевска и Ставрополя. Но основные места их деятельности — Пятигорск и Кисловодск, для которых Джузеппе составил генеральные планы развития**.

Александр Бернардацци родился в Пятигорске в 1831 г. После окончания Санкт-Петербургского строительного училища юноша был направлен в Бессарабскую областную строительную и дорожную контору на должность помощника архитектора. Но уже в 1856 г., в возрасте двадцати пяти лет, его назначили городовым архитектором Кишинева. В этой должности зодчий проработал 22 года. Именно при нем Кишинев достиг своего архитектурного расцвета.

К числу лучших работ Бернардацци относится здание Городской думы, ныне мэрии Кишинева. Помпезное строение, выполненное в характере флорентийской готики, содержит элементы дворцовой архитектуры. Наклонная плоскость стен ризалита первого этажа главного фасада у входа в ворота пассажа со стороны главной улицы города (нынешнего проспекта

* Бубис И. Зодчие Бернардацци. С. 9.

** Там же. С. 15.

Штефана чел Маре) выглядит как декоративный контрфорс, характерный для крепостей и замков. Мощное ограждение балкона второго этажа, зубчатое очертание над воротами входа во двор и герб города — всё это должно было подчеркнуть силу городской губернской власти. Во время Второй мировой войны здание было частично разрушено, восстановлено в 1951 г.

Особого внимания заслуживает здание Второй женской гимназии имени княгини Натальи Дадиани, учредившей данное учебное заведение. Строение возведено в 1900 г. в стиле итальянской готики по заказу княжеского дома Дадиани. Здесь Бернардацци использовал сочетание котельца и красного кирпича как на главном, так и на дворовых фасадах. Черепичная кровля в форме четырехгранной пирамиды над средним ризалитом здания с его восьмигранной надстройкой подчеркивает парадность сооружения*. В настоящее время здание находится на реставрации.

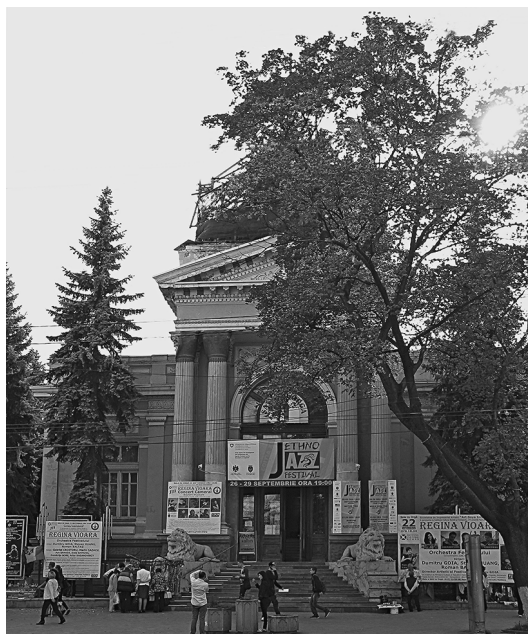
По общепринятому мнению историков архитектуры, на творчество Александра Бернардацци в значительной мере оказала влияние флорентийская архитектура, откуда он заимствовал приемы обогащения фасадов деталями и орнаментами.

В начале прошлого века Кишинев переживал настоящий строительный бум, возводилось множество жилых и общественных сооружений, большинство из которых сегодня внесено в Государственный реестр памятников истории и культуры Кишинева. Среди жилых построек особо выделяется особняк дворянина Владимира Херца на проспекте Штефана чел Маре, построенный в 1905 г. в характере эклектики с элементами венского барокко. Проектировал его предположительно Генрих Лонский.

На той же улице севернее расположилось здание Городского банка (архитектор Михаил Чекеруля-Куш), датируемое 1908 годом. Оно примечательно как в архитектурном, так и в конструктивно-техническом отношении. Назначение сооружения требовало наличия в нем надежных хранилищ, поэтому объем возведен на высоком цокольном этаже, под которым располагается подвальное помещение для хранения денег и золотого запаса губернии. Его особенностью является то, что помимо соблюдения всех мероприятий по гидроизоляции стены его облицованы пластинами из

* Бубис И. Зодчие Бернардацци. С. 39.

Органный зал
(бывший Городской
банк)

коры пробкового дерева, что позволяет создать особый сухой микроклимат во всех помещениях подвала. Симметричное здание банка, решенное в духе неоклассицизма, носит помпезный и монументальный характер. Его образ символизировал могущество капитала губернии. Здание венчает сферический купол со скульптурой бога торговли, покровителя путешественников Меркурия, выполненной известным бессарабским скульптором Михаилом Лукашевским. Рациональна планировочная схема здания. В центральном основном объеме был запроектирован операционный зал, имевший высоту от пола до потолка 6,5 м. Зал освещался арочными окнами во всю высоту стены. Такой планировочный прием позволил по всему периметру сделать антресольный этаж, опирающийся на колоннаду. В таком виде банк просуществовал до 1969 г., когда было принято решение перестроить здание под органный зал. Проект реконструкции предусматривал сохранение общей композиции и неизменность фасадов. Главный операционный зал после демонтажа антресолей, благодаря своим уникальным геометрическим параметрам, приобрел акустические возможности, позволившие разместить в нем большой орган. Сегодня это одно из красивейших зданий в Кишиневе и один из лучших органных залов Восточной Европы.

Из архивных документов следует, что на момент начала Первой мировой войны Кишинев официально входил в десятку самых процветающих городов Российской империи. В результате серии сильнейших землетрясений осенью 1940 г. и военных действий 1941–1944 гг. Кишинев оказался в числе наиболее пострадавших городов. По свидетельству военных корреспондентов газет «Правда» и «Известия», посетивших город в августе 1944 г., «Кишинев был разрушен так, как ни один виденный нами до сих пор город Советского Союза». Он разделил печальную судьбу Минска, Смоленска, Сталинграда, Харькова. Было разрушено более 70% жилого фонда. В 1947–1949 гг. под руководством Алексея Щусева был разработан Генеральный план реконструкции и строительства Кишинева. В 1951 г. состоялось его официальное утверждение. Благодаря колоссальным совместным усилиям профессионалов и простых горожан восстановительные работы были завершены в кратчайшие сроки.

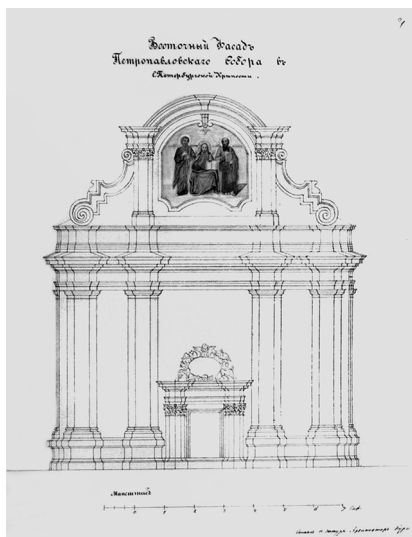
К сожалению, в постсоветский период многие памятники архитектуры местного и национального значения пострадали из-за халатного к ним отношения городской администрации, а некоторые были незаконно снесены. Все здания, упомянутые в статье, внесены в Государственный реестр памятников истории и культуры как памятники архитектуры национального значения.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЖИВОПИСНОГО ПАННО
«ПРЕДСТОЯНИЕ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА
ПЕРЕД ИИСУСОМ ХРИСТОМ»
НА ВОСТОЧНОЙ СТЕНЕ
ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ (Петропавловская) крепость, заложенная на маленьком Заячьем острове в дельте Невы 16 (27) мая 1703 г., явилась зерном, из которого произрос новый город, ставший столицей новой страны — Российской империи. Сама церковь, так непохожая на храмовые сооружения допетровской эпохи, определила иной подход к православной архитектуре государства, возникшего по воле первого русского императора, признанного в мире, — Петра Великого. Крепость, город и церковь были посвящены святому патрону Петра I — апостолу Петру. Это нашло отражение не только в культуре XVIII в. вообще, но и в конкретных деталях внутреннего и внешнего убранства Петропавловского собора.

Живописное панно «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Иисусом Христом» на восточном фасаде Петропавловского собора является важным объектом для Санкт-Петербурга. Храм, построенный по проекту архитектора Доминико Трезини в 1712–1733 гг., стал первым кафедральным собором столицы Российской империи и усыпальницей российских императоров, в которой все они, начиная с Петра I, были похоронены, за исключением Петра II и Иоанна Антоновича. Восточная стена собора с аттиком, ориентированная на главный вход в Санкт-Петербургскую (Петропавловскую) крепость, повторяет контуры единственных триумфальных ворот петровского времени, сохранившихся до наших дней, — парадных Петровских ворот и соединена с ними единством композиционного решения. Переписанная много раз роспись в аттике восточного фасада «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Иисусом Христом» к началу XXI в. была практически полностью утрачена, в настоящее время завершены работы по ее воссозданию.

В. П. Куроедов. Восточный фасад
Петропавловского собора. 1860.
Бумага, тушь, акварель. РГИА

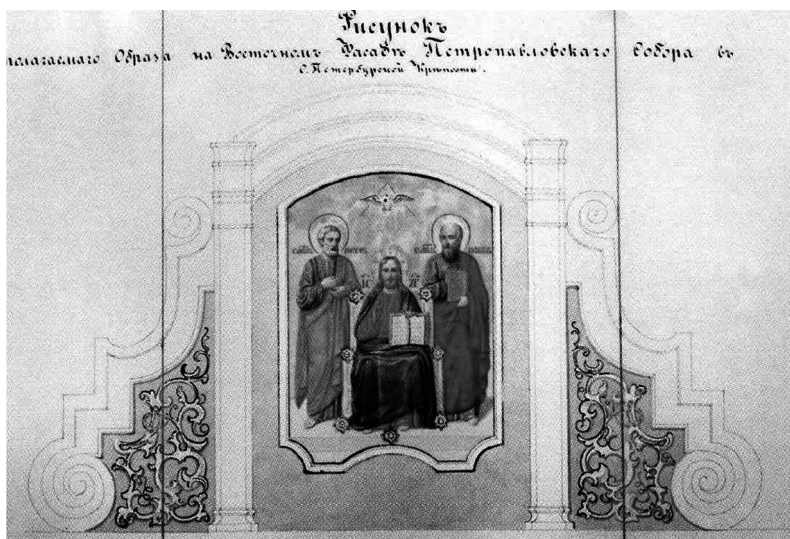

Иконографического материала, позволяющего судить о том, как выглядела композиция изначально, не имеется. Есть свидетельство о том, что в 1732 г. Д. Трезини сообщил Феофану Прокоповичу о намерении поместить в восточном фронте собора «образ Спасителя и апостолов Петра и Павла»*. Однако, за неимением свидетельств о технике, авторах и собственно композиции, сказать определенно, как она выглядела в XVIII в., нельзя. Возможно, это была роспись на медной доске, созданная художниками Андреем Матвеевым и Александром Захаровым, на что имеются некие ссылки, не подтвержденные, правда, архивными материалами**.

Первое достоверное свидетельство о технике, авторе и сюжете датируется 1860 годом, когда в контексте больших реставрационных работ в Петропавловском соборе, развернувшихся в связи с заменой деревянных конструкций шпиля металлическими по

* ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 119. Д. 4. Л. 1–4. 1732 г. Цит. по: Нарышкина Н. А. Петропавловский собор. Данные о картине на восточном фасаде. Краткая историческая справка. Государственный музей истории Ленинграда. 1974 г.

** Петропавловская крепость: альбом / авт. ст. С. Степанов и др. СПб., 2003. С. 122.

П. Титов. Предстояние апостолов Петра и Павла перед Христом.
Эскиз. 1859. Бумага, тушь, акварель. РГИА

проекту инженера Д. И. Журавского (1857–1858), живописное панно «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Христом» в аттике восточного фасада Петропавловского собора было написано в технике настенной масляной живописи академиком живописи Петром Титовым*. Образ размещен на стене высотой в 4,9 м, шириной 5,8 м. Выбранная техника — масляная живопись по сухой штукатурке — на внешней стене здания оказалась весьма чувствительной к неблагоприятным условиям петербургского климата. Прошло всего десять лет, роспись разрушилась, и в 1872 г. архитектор А. Пуаро с прискорбием констатировал, что «существующий писанный по штукатурке образ Спасителя и Апостолов Петра и Павла от времени выгорел и местами осыпался»**. Образ восстановлен в 1873 г. живописцем Жоржем Больдини (Балдиным) по собственному эскизу («взамен поврежденного от времени») масляными красками, с сохранением рисунка и колорита

* РГИА. Ф. 207. Оп. 3. Д. 102. Л. 22 (П. Титов. Предстояние апостолов Петра и Павла перед Христом. Эскиз. 1859. Бумага, тушь, акварель).

** Нарышкина Н. А. Указ. соч.

Ж. Больдини.
«Эскиз священного
изображения
предполагаемого...
взамен поврежденного
от времени». 1873 г.
Бумага, тушь,
акварель.
Архив КГИОП

первоначальной композиции. Основание было выполнено заново портланд-цементом с примесью мраморного порошка и песка, а также пропитано горячей льняной олифой. Акварельный рисунок Ж. Больдини, завизированный осуществлявшим архитектурный надзор в соборе архитектором А. Пуаро и всеми ответственными лицами, хранится в архиве КГИОП*.

Прошло немного времени, и живопись, вновь пришедшая в аварийное состояние, в 1908 г. опять была полностью переписана по старому образцу (рисунку П. Титова) неизвестным художником в контексте последних предреволюционных реставрационных работ, проводимых в Петропавловском соборе перед освящением придела святого благоверного великого князя Александра Невского в

* Архив КГИОП. Ф. П-90-1. Д. Г-84.

Великокняжеской усыпальнице, пристроенной к собору на рубеже XIX—XX вв. С момента освящения Великокняжеской усыпальницы сформировался комплекс, все объекты которого должны рассматриваться без отрыва от целого. В перечне «наиболее значительных ремонтов» в Петропавловском соборе говорилось о том, что «образ апостола Петра и Павла на восточном фасаде написан вновь». Автор создания новой композиции неизвестен, однако есть данные, что при этом использовался рисунок П. Титова (1860 г.)^{*}.

Состояние фасадов и интерьеров собора в 1930-х гг. требовало срочного ремонта. Смета на работы была составлена в 1940 г., но события Второй мировой войны отодвинули реставрацию на годы. К данной теме вернулись уже в послевоенные годы. В 1952 г. проведена реставрация фрески бригадой художника-реставратора Р. П. Саусена Специальных научно-производственных мастерских. Произведено укрепление красочного слоя и грунта, использовались пчелиный воск и канифоль, с очищением поверхностных загрязнений и запылений.

В 1954 г. Петропавловский собор перешел в ведение Государственного музея истории Ленинграда, в связи с чем в соборе начался крупномасштабный ремонт, касавшийся и фасадов. В 1957 г. проведено укрепление живописи с применением воска и смолы-даммары^{**}, удаление загрязнений производилось с помощью уайт-спирита, проходило замастикование цветной мастиковкой утрат с последующим заполнением их в ответственных местах красочным тоном. В качестве завершающего этапа на поверхность живописи был нанесен покрывной лак с введением воска для предохранения от повреждений. Реставрационные работы 1950-х — 1960-х гг. разбились на два этапа и были продолжены в 1963 г. под руководством Я. А. Казакова; тогда проводили закрепление красочного слоя воско-смоляным составом с тонированием крупных утрат с последующим покрытием парафином. В обоих случаях реставрации 1950-х — 1960-х гг. применялись смола-даммара, воск и канифоль.

^{*} Нарышкина Н. А. Указ. соч.

^{**} Даммара (мал. Dammar — смола) — прозрачная смола без запаха с блестящим изломом; получается из дерева того же имени, растущего на Малукских островах; идет для приготовления даммарового лака, употр. в живописи и фотографии.

Восточный фасад
Петропавловского
собора. Роспись
«Предстояние
апостолов Петра
и Павла перед
Иисусом Христом».
Фотография 1952 г.

Вопрос о реставрации или восстановлении росписи активно обсуждался в 1990-х гг., однако трудности политические и, главное, финансовые не позволили провести реставрацию росписи, к этому времени уже почти нечитавшуюся. Следующий этап реставрационных работ в Петропавловской крепости относится к началу XXI в., когда город готовился к празднованию своего 300-летия.

Обследование росписи с лесов реставраторами фирмы «Акмедек» в 2003 г. показало, что живописный слой осыпался почти полностью. Остались лишь слабые очертания фигур, остатки красочных слоев, находящиеся на основании из портланд-цемента с добавлением мраморной крошки и пропитанном горячей олифой, практически потеряли свой цвет и имели очень слабую адгезию. Это связано с агрессивным воздействием внешней среды: постоянные ветра, повышенная влажность воздуха, прямое попадание воды и солнечных лучей на незащищенное панно, резкие перепады температур воздуха сказались на состоянии живописи. Но главной причиной утраты росписи в данном случае можно считать несовместимость основания из портланд-цемента, имеющего очень малую впитываемость, с масляной живописью. Для сохранения живописного слоя требовалось вмешательство

реставраторов не реже одного раза в год для профилактического укрепления, что невозможно осуществить без строительства лесов. В тот период обсуждался вопрос о возможности замены росписи на мозаику. Несмотря на кажущуюся смелость предложения, проект имел вполне объяснимую аргументацию. Последние предреволюционные реставрационные работы 1908 г. связаны со строительством здания Великокняжеской усыпальницы, все четыре фасада которой украшены мозаичными иконами, созданными в мастерской В. А. Фролова по эскизам художника А. А. Харламова и по инициативе Л. Н. Бенуа, трепетно относившегося к мозаичному искусству. Трудно сказать, почему живописное панно «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Иисусом Христом» было переписано в технике, заведомо обреченной на недолгое существование (подтвержденное предыдущим опытом), а не воспроизведено в мозаике, активно использованной для фасадов Великокняжеской усыпальницы и явно более долговечной. Возможно, причиной тому послужили финансовые вопросы, все-

Восточный фасад Петропавловского собора. Роспись. Фотография 2008 г.

гда имеющие большое значение. Как бы то ни было, и через столетие в споре новаторов и архаистов последние, как обычно, одерживали верх, и применение техники мозаики для композиции на аттике восточной стены Петропавловского собора в начале XXI в. сочли неприемлемым. В 2004 г. КГИОП утвердил разработанную ОАО «Санкт-Петербургский институт „Ленпроектреставрация“» методику воссоздания живописного панно «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Иисусом Христом». Однако реализация проекта опять была отложена. Реставрационные работы в Петропавловском соборе растянулись на долгие

годы в связи с изменением политического и, как следствие, экономического положения в стране. Возобновление реставрационных работ следует отнести ко второму десятилетию нынешнего века.

17.11.2010 г. было подписано задание КГИОП на научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы по воссозданию живописного панно на восточной стене Петропавловского собора (срок действия задания — 3 года). В документе были прописаны виды планируемых работ: снятие калек с сохранившихся фрагментов, воссоздание фрески в авторской технике (реконструкция в условной манере). В 2013 г. КГИОП утвердил методику воссоздания живописного панно «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Иисусом Христом» на восточном фасаде Петропавловского собора, в которой предлагалось заменить неустойчивую к атмосферным явлениям и резким перепадам температур масляную технику живописи на силикатные материалы с высокими адгезивными характеристиками, а также превосходной устойчивостью к агрессивным условиям внешней среды. История данной живописной композиции показала невозможность сохранения красочного слоя на долгий срок из-за неблагоприятных факторов внешней среды и непригодности масляной техники живописи по штукатурке на фасаде. В связи с этим было принято решение об использовании силикатных материалов всемирно известной фирмы «КЕИМ» — «Кайм» (Германия), производящей минеральные силикатные краски и реставрационные системы. Большой опыт данной фирмы, основанной в 1878 г., и положительные результаты работы стали прекрасной рекомендацией для выбора данной техники для столь важного объекта. Силикатные краски «Кайм» производят на основе жидкого стекла, иногда добавляя в состав смолы на основе кремния, что улучшает свойства покрытия. В качестве устойчивых пигментов используются в основном оксиды разнообразных металлов (железа, алюминия, цинка и пр.), а также производимые из них порошки. Специалисты дают гарантию сохранности росписи, исполненной в данных материалах, минимум на 50 лет. Долговечность и надежность изображения определили выбор техники.

Для того чтобы использовать силикатную программу, обеспечивающую сохранность композиции на данной поверхности в течение более длительного срока, необходимо было уда-

лить остатки красочного слоя, т. к. подготовка под силикатные материалы несовместима с укрепляющими составами для масляной живописи. Перед удалением старого деструктурированного красочного слоя было необходимо снять фиксационные кальки и по возможности обозначить контуры остатков живописи на сохраняемом историческом основании. На панно были выбраны фрагменты прежней композиции (участки на плече апостола Павла и на открытом Священном Писании обозначены комиссией КГИОП под руководством первого зам. председателя А. Г. Леонтьева) и определены под музейфикацию.

Стремясь вернуть изначальный архитектурно-художественный лик собора, музейщики через Фонд развития «Петропавловская крепость» привлекли на эти цели 12 млн руб., благотворителями выступили сам Фонд и ЗАО «БалтСтрой», ставшее генподрядчиком работ. Субподрядчиком работ по воссозданию живописной композиции «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Иисусом Христом» на восточной стене являлось ООО «Реставрационно-строительная компания „Сфера 21 век“». Работа над панно была поручена художнику И. В. Болотову, создававшему эскиз и картон. Эскиз утвержден КГИОП в августе 2013 г. Картон закончен в сентябре 2013 г. Начало фасадных работ пришлось на сентябрь 2013 г. Окончание планировалось на ноябрь 2013 г., одна-

И. В. Болотов. Эскиз композиции «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Иисусом Христом». 2013. Фотография автора, 2013 г.

Живописное панно «Предстояние апостолов Петра и Павла перед Иисусом Христом». Декабрь 2013 г.

ко жизнь внесла свои коррективы и работы были завершены месяцем позже. Художнику в его работе помогали ассистенты, восстановление памятника явилось плодом усилия целой группы людей, равнодушных к своей работе, своей истории и своему городу.

Роспись, практически полностью потерянная и неизвестная посетителям крепости на протяжении десятилетий, теперь полностью восстановлена. Эта работа является весьма резонансной и важной для Санкт-Петербурга. Спустя многие десятилетия петербуржцы и гости города могут вновь увидеть Петропавловский собор таким, каким он был задуман при создании.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗДАНИЙ В РАМКАХ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ПАМЯТНИК истории и культуры неотделим от окружающей его исторической среды. В Санкт-Петербурге историческую среду памятников (объектов культурного наследия) составляют исторические здания. По определению закона Санкт-Петербурга № 820-7, это здания в центральных районах города, построенные до 1917 г., не состоящие под государственной охраной. Однако так как исторические здания составляют единую городскую историческую среду с объектами культурного наследия и являются постоянным источником пополнения списка памятников, можно признать, что исторические здания также являются культурным наследием в широком смысле этого слова. В основе термина «наследие» лежит понятие о подлинности. Сохранение наследия означает сохранение его подлинности, на что должна быть направлена вся работа по сохранению объектов наследия.

Сегодня одним из видов работ с объектами наследия является их реконструкция. Реконструкция (в соответствии с Градостроительным кодексом РФ) — это изменение параметров объекта, его частей (высоты, количества этажей, площади, объема), в том числе надстройка, перестройка, расширение, а также замена и (или) восстановление несущих строительных конструкций. Реконструкция — это метод модернизации наследия, попытка «вернуть в строй» обветшавшие городские пространства. В литературе выделяют несколько способов современной реконструкции: фасадализм; метод архитектурных дополнений; стилистическая реконструкция; реконструкция с элементами археологической реставрации.

Фасадализм — метод реконструкции, подразумевающий сохранение лицевых фасадов при полном демонтаже остальных конструкций. Примером может служить здание по Галерной улице, 6, — Конногвардейскому бульвару, 5, дом причта Исаакиевского собора. В результате реконструкции весной 2008 г.

от здания осталась только фасадная стена. По планам инвестора дом реконструируют под современную трехзвездную гостиницу.

Метод фасадизма внешне создает позитивное впечатление, иллюзию исторической достоверности: чаще всего здание выглядит как раньше. Однако этот метод, безусловно, никак нельзя отнести к способу сохранения наследия, так как из подлинного удастся сохранить только фасад.

Метод архитектурных дополнений подразумевает изменение облика здания с включением новых элементов, без их стилизации. Метод не предполагает масштабных перестроек. В нашем городе наиболее ярким примером метода архитектурных дополнений является надстройка дома мансардами. Например, в доме по наб. р. Фонтанки, 8, пространство чердака было реконструировано в жилой мансардный этаж с устройством 8 квартир. В результате конек крыши по сравнению с первоначальным был поднят; заменена кровля; в кровле выполнены мансардные окна. Всё это существенно изменило внешний облик дома.

Метод архитектурных дополнений не ведет к физическому уничтожению объекта и позволяет сохранить его историческую аутентичность. Также при этом не создается ложного ощущения подлинности, так как не скрывается несоответствие новой вставки первоначальному оформлению здания, но разрушается подлинность исторического облика объекта, и приходится прилагать усилия, чтобы представить его первоначальный вид без дополнений.

При стилистической реконструкции во внешний облик объекта включаются новые элементы с учетом его стилевых особенностей. В этом случае объем работ с объектом также ограничен, часто это надстройка на один или два этажа. Метод часто применялся для реконструкции в послевоенные годы, надстройка позволяла увеличить количество квартир в доме. Так, многие лицевые корпуса домов по левому берегу Фонтанки между ул. Белинского и Невским пр., выполненные в разных стилях, от классицизма до эклектики, в середине XX в. были надстроены двумя-тремя этажами.

Стилистическая реконструкция позволяет сохранить общее архитектурное решение объекта, однако часто бывает очень трудно

отличить стилизованное дополнение от подлинника, отчего возникает сомнение в аутентичности здания.

Реконструкция с применением архитектурной реставрации основана на минимальном вмешательстве как в структуру, так и в облик объекта. При сохранении внешнего облика здания могут быть стилистические различия и различия в материале между новыми добавлениями и подлинными частями. В Петербурге такой метод был применен в ходе реконструкции здания манежа лейб-гвардии Измайловского полка (1-я Красноармейская ул., 15). В 2006 г. здание было приспособлено под торгово-развлекательный комплекс. Внутреннее пространство разделено на три яруса; восстановлена крыша. Стены укреплены, оштукатурены, но значительные участки стен намеренно оставлены без отделки, чтобы продемонстрировать старинную кирпичную кладку. Утраченные элементы не стилизуются, а открыто позиционируются как новые.

Нельзя не согласиться, что отсутствие имитации исторических форм обостряет ощущение подлинности сохранившихся конструкций. Можно признать, что этот метод больше всего подходит для сохранения наследия. Однако для эффективного применения данного метода в целях модернизации нужна готовность оставить структуру объекта без изменений, что не всегда согласуется с планами инвестора и требует больших финансовых затрат.

Как правило, для модернизации наследия применяется комплекс методов, а не изолированно один из них.

Большая часть методов реконструкции исторических зданий, которые применяются в нашем городе, не позволяют сохранить культурное наследие. Если мы будем продолжать их применять, то совсем скоро окажемся в окружении исторических «обоев» и не сможем представить историческое пространство глазами наших предков. Ни один метод реконструкции не может защитить среднестатистическое здание XVIII–XIX вв. от утраты подлинности, а значит, фактически от разрушения.

Совершенствование методов модернизации должно идти в направлении минимизации вмешательства в историческую структуру и облик объекта. Если мы хотим сохранить подлинность исторической среды, преобладающими видами работ с историческими зданиями должны стать консервация, реставрация, ремонт.

Источники и литература

Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004. № 190-ФЗ.

Душкина Н. О. Подлинность как базовое понятие сохранения историко-культурного наследия // Отчет об использовании субсидии из бюджета города Москвы. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский архитектурный институт (государственная академия)» на 2012 год. Мероприятие № 1. Подраздел 2.1. URL: www.marhi.ru.

Закон Санкт-Петербурга от 19.01.2009. № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга „О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга“» (принят ЗС СПб 24.12.2008). Социальный специализированный ресурс содействия сохранению и реставрации материальных памятников истории и культуры. URL: <http://art-con.ru/>.

Матвеев Б. М. Деконструкция архитектурного наследия. СПб., 2012.

Санкт-Петербург: наследие под угрозой = St. Petersburg: Heritage at Risk / сост. Е. Минченко, К. Сесил. СПб.; М., 2012.

Федеральный закон от 25.06.2002. № 73-ФЗ (ред. от 12.11.2012, с изм. от 03.12.2012) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013).

СОХРАНИМ ЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАБЕРЕЖНЫЕ ПЕТЕРБУРГА?

Закон остается законом. Его исполнение обязательно всегда — независимо от того, нравится это кому-то или нет.

Вл. Путин. Сирийская альтернатива // Нью-Йорк таймс. 12.09.2013

В 1762 г. вышел указ Екатерины II, предписывавший «в Санкт-Петербурге против всех наших дворцов, садов и казенных домов берега сделать каменные»*. С тех пор и вплоть до наших дней на реках и каналах Петербурга сооружено более 140 км гранитных набережных. Старейшие из них по берегам Невы, Фонтанки, Мойки, многочисленных каналов находятся под охраной государства. В общей сложности это 38 км. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» не допускает искажения внешнего облика и интерьеров недвижимого памятника истории и культуры. Об этом прямо сказано в ряде статей федерального закона, например ст. 33, п. 1: «Объекты культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения, изменения облика и интерьера...» Надзор за их сохранностью возложен на Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников Санкт-Петербурга (КГИОП). Горестно признавать, но организация, в которой я проработал много лет, несет ответственность за то, что капитальный ремонт набережных сопряжен с грубым искажением их исторического облика. Стенки набережных, до которых еще не дошли строители, облицованы гранитными блоками, уложенными «в переплет». Кружевная вязь без единого

* РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 108. Л. 5, 103.

А. Е. Мартынов. Вид реки Мойки со стороны Императорских конюшен. 1809

Б. Патерсен. Полицейский мост через Мойку на Невском проспекте. 1800

А. Е. Мартынов. Усадьба М. В. Ломоносова на набережной Мойки. 1800-е

сбоя тянется от моста до моста, и лишь около мостов сделаны необходимые вертикальные усадочные швы. Вопреки требованиям закона, КГИОП выдал разрешение фирме «ПИЛОН» на изменение рисунка кладки. В ответ на мое обращение в прокуратуру начальник управления КГИОП Е. Е. Ломакина сообщила, что «изменения кладки гранитной облицовки (рисунка) не происходит»*. Что тут скажешь! Через каждые 25–30 м кладку разрезают вертикальные швы, превращая уникальные набережные в череду заплаток. Чтобы состыковать блоки торцами, строители подгоняют камни подтеской, заменяют их подходящими по размеру, иногда даже другого цвета и сорта гранита. Председатель КГИОП А. И. Макаров на запрос депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга А. А. Ковалева сообщил: «Одним из предметов охраны набережных канала Грибоедова является каменная горизонтальная кладка стенки из гранитных блоков (рисунок). При устройстве вертикальных деформационных швов горизон-

* Письмо КГИОП главному редактору интернет-газеты «Карповка» Д. С. Ратникову от 27.11.2012. за № 22-012722-1.

Набережная канала Грибоедова. 2013 г.

тальность (предмет охраны) не нарушается»*. Горизонтальная кладка, как верно заметил А. И. Макаров, это всего лишь один из предметов охраны. Увы, даже горизонтальность соблюдается не всегда, в чем легко убедиться, а перевязки швов нарушаются повсеместно. Ограда, очевидно, входит в «предмет охраны». Тогда почему на Фонтанке оказались звенья решеток с набережной Мойки, причем в самом ответственном месте, у Аничкова моста? Почему часть ограды на левом берегу канала Грибоедова, напротив Казанского собора, окрашена в голубой цвет, притом что ограда черного цвета? (В тот же нестерпимый «гламурный» цвет окрашена знаменитая решетка Шарлеманя у Летнего сада!) Во многих местах упрощен профиль перил. На гранитных тумбах появились примитивные «нашлепки» взамен подлинных профилированных, а сами тумбы при необходимости их замены изготавливаются из другого сорта гранита. Но всё это поправимо и не так страшно по сравнению с тем, что изменен рисунок кладки. «Уникальный памятник архитектуры и строительной

* Письмо КГИОП депутату ЗС А. А. Ковалеву от 24.06.2013 за № 17-49-1.

Набережная Зимней канавки, отремонтированная в 1930 г.

техники, созданный титаническим трудом наших предков, безвозвратно искажается. Обидно, что и работа наших строителей безнадежно скомпрометирована. Эти швы — свидетельство неумения и неуважения к памятнику»*.

Набережные простояли не одно столетие, и на многих участках в советское время был произведен капитальный ремонт. Рабочие, сохранившие рисунок кладки при реставрации Зимней канавки, с законной гордостью высекли на гранитном блоке дату: «1930». А теперь даже на набережной Мойки перед Инженерным замком, где уж точно никакого транспорта нет, гранитная облицовка обезобразена вертикальным швом. К тому же реставраторы «забыли» вернуть на место причальные кольца. Испорчен очередной откровенный вид! В свое оправдание строители уверяют, что теперь набережные простоят века. Обрадовали! Главное условие реставрации — ее обратимый характер, а то, что сделано сейчас, практически невозможно исправить. Да и обещанная долговечность вызывает сомнение: отремонтированный участок набережной у

* Коренцвит В. А. Спасти историческую набережную. Открытое письмо председателю КГИОП А. И. Макарову // Новый Петербург. 2013. № 20. 23 мая. С. 3.

Набережная реки Мойки у Михайловского замка. 2013 г.

Набережная канала
Грибоедова у Казанского
собора.
Участок отремонтирован
в конце 1990-х гг.

Набережная канала Грибоедова у Казанского собора.
Повторный ремонт. 2013 г.

Казанского собора, где почти нет движения транспорта, не просто я и 15 лет, как его вновь вынуждены были переложить.

Организация «Мостострой № 6» ведет строительство Ушаковской набережной на правом берегу Большой Невки и набережных на Обводном канале. Гранитные плиты в облицовке стенок укладываются «в переплет» с устройством вертикальных швов через 100–150 м, а не 25–30 м, как в историческом центре Петербурга. Почему игнорируется этот опыт?

СПб ГО ВООПИиК получило «Заключение» от специалистов НПО «Наука — Строительству», в котором приводятся ссылки на нормативный документ ВСНЗ-80 «Инструкция по проектированию морских причальных сооружений». Основной вывод «Заключения» таков: «...возможно выполнить вертикальный температурно-осадочный шов, повторяющий форму перевязочного шва между массивами каменных блоков»*. «Заключение» было передано в КГИОП, который мнение свое не из-

* Письмо НПО «Наука — Строительству» председателю СПб ГО ВООПИиК А. Д. Марголису от 18.07.2013.

Ушаковская набережная на Большой Невке

менил: «принимаемое решение при устройстве гранитной облицовки набережной с вертикальным деформационным швом до 2 см является наиболее оптимальным в части обеспечения и надежности, и визуального восприятия облика набережных Санкт-Петербурга»*. Проще говоря, так оно надежнее и красивее. По части надежности время покажет. Набережные Невы стоят без ремонта 250 лет, а у Казанского собора «заплата», повторим, не простояла и 15 лет. Аварийное состояние набережных — следствие повреждения свайного основания, что никак не связано с рисунком кладки облицовочных плит «в переплет». Что же касается «наиболее оптимального обеспечения визуального восприятия», то обсуждать этот аспект так же странно, как доказывать сотрудникам КГИОП необходимость соблюдать закон об охране объектов культурного наследия. Нет сомнений, что если бы КГИОП, давая разрешения на ремонтно-реставрационные работы, руководствовался этим законом, решение было бы найдено. Косвенным образом об этом свидетельствует и «Заключение» ГУП «Ленгипроинжпроект»: «Устройства шва по рисунку кладки

* Письмо КГИОП В. А. Коренцвиту от 06.09.2013 за № 2-3049/5-1.

затруднено, так как при таком шве могут возникнуть от неравномерных осадок секций недопустимые напряжения...»*. «Затруднено», но не сказано, что невозможно! Оно и понятно: утверждать такое — значит расписаться в собственной некомпетентности. Если выполнение главного требования федерального закона «затруднено», то что же делать? Воспользоваться советом градоначальника города Глупова Бородавкина? Первый и единственный параграф его устава «О нестеснении градоначальников законами» гласил: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя. И тогда всё сие, сделавшись невидимым, много тебя в действии облегчит».

В «Санкт-Петербургских ведомостях» опубликованы мои статьи «Разорванные кружева», «Исправить будет невозможно»**. В «Новом Петербурге» помещено мое «Открытое письмо» председателю КГИОП А. И. Макарову. В интернет-газете «Карповка» прошла дискуссия по поводу ремонта петербургских набережных. На канале Россия-1 «Вести. Санкт-Петербург» вышел телерепортаж о том, как ведутся работы на канале Грибоедова. Той же теме посвящено мое выступление на радио «Эхо Москвы». Вопрос обсуждался на президиуме СПб ГО ВООПИиК.

После выступлений в газетах, на радио и телевидении, заключений специалистов, запроса депутата А. А. Ковалева, обращения прокуратуры что собирается предпринять КГИОП для сохранения исторического облика петербургских набережных? Вот вопрос, на который общественность должна получить ясный ответ.

То, что безнадежно испорчено, исправить, по-видимому, невозможно, но еще можно спасти от неумелого ремонта петербургские набережные.

* Письмо ГУП «Ленгипроинжпроект» в КГИОП от 11.06.2013 за № 05233.

** Коренцвит В. А. Разорванные «кружева» // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 29 марта. № 55; Он же. Исправить будет невозможно // Там же. 2013. 26 июля. № 140.

ШОРОХОВЫ — АКТИВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ НА РЫНКЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

СЕГОДНЯ Шороховых, вероятно, не помнит никто. А между тем они представляли собой яркое явление в деловом мире Петербурга, были активными общественными деятелями. Попытаемся воссоздать неизвестные страницы биографии Шороховых, материальных свидетельств о которых на сегодняшний день осталось немного. Доходные дома, построенные на их средства, уничтожены или перестроены. Сохранился только старый семейный альбом, подаренный мне дальней родственницей Шороховых, Зоей Александровной Русецкой (1932–2013). Этот альбом и лег в основу данного очерка.

Основоположником династии был Петр Иванович Шорохов (1831–1892), уроженец села Затока Костромской губернии Галичского уезда. Образование получил домашнее, в купечестве с 1870–1871 гг. по 2-й гильдии, позже по 1-й гильдии; потомственный почетный гражданин с 1879 г., имел орден Станислава 3-й степени*. Трудовые университеты П. И. Шорохова пришлось на 1850-е гг., когда вместе с земляками он приехал на заработки в российскую столицу. В XVIII–XIX вв. в Галичском уезде широкое распространение получили строительные отхожие крестьянские промыслы. Галичане считались лучшими плотниками и каменщиками, были известны далеко за пределами края. К середине XIX в. в Петербурге насчитывалось около тридцати строительных артелей, состоящих из костромских крестьян. Шорохов вместе с земляками попал в одну из таких артелей. Непьющий и исполнительный, он из подмастерьев довольно быстро выбился в мастера. Полезные знакомства и связи способствовали сбору ценной информации о продаваемой недвижимости. К тридцати годам Петр Иванович стал заниматься строительными подрядами, накопил первоначальный капитал и в 1863 г. купил участок земли

* Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и лиц других званий, получивших сословные свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям... в 1886 году. СПб., 1886.

Большая Пушкарская ул., 30–32. 1960-е гг.

на углу Пушкарской улицы и Сытнинского переуллка (Большая Пушкарская ул., 30–32 — Шамшева ул., 1). Первоначально были построены деревянный одноэтажный с мезонином дом и дворцовые службы. В 1866 г. на месте деревянного был построен каменный трехэтажный дом, надстроенный и расширенный в 1877 г. архитектором П. Ю. Сюзором, который одновременно пристроил к дому со стороны двора четырехэтажный жилой флигель*. Дом сохранился до наших дней.

Помимо жилых квартир в доме располагались и торговые помещения: хлебопекарная, булочная, сливочная, свечная, мелочная лавки. Десять комнат занимало Введенское училище, пять комнат — Матвеевское благотворительное общество. Жильцы в основном были людьми небогатыми: артельщики, мелкие чиновники, вдовы, крестьяне**.

В 1872 г. в тридцати верстах от Петербурга, на Неве, на островках, П. И. Шорохов приобрел паровую мельницу. Отремонтировав находившиеся там старые строения, он возвел трехэтажные

* ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8371.

** Там же. Ф. 256. Оп. 3. Д. 2766; Ф. 515. Оп. 1. Д. 1870.

корпуса, в которых открыл лесопильный завод: «12 декабря 1873 купцом Шороховым по реке Неве, на островках, в 30 верстах от Петербурга вновь построен завод»*.

К 1870-м годам П. И. Шорохов владел недвижимостью по 17-й линии В. О., 44, 46; Ямской ул. (ул. Достоевского), 25; Малой Монетной ул., 16; Малой Белозерской ул. (ул. Кропоткина), 1; Большому Сампсониевскому пр., 69; Кронверкской ул., 17.

П. И. Шорохов был женат на Евлампии Никитичне Елизаровой. От этого брака родился сын Петр, продолжатель отцовского дела. Рождение сына подтолкнуло Петра Ивановича к постройке нового деревянного дома-особняка на уже имевшемся участке по Большой Пушкарской ул., 30–32. В конце 1870-х гг. архитектором А. А. Докушевским здесь был возведен деревянный двухэтажный дом-особняк с элементами итальянского ренессанса (разобран в 1962 г.).

Петр Петрович Шорохов (1860–?) закончил Петропавловское училище (Петришуле). Это учебное заведение давало хорошее образование и практические навыки, необходимые в коммерческой деятельности. После окончания он совершил поездку в Германию, в Лейпциг, где, возможно, вольнослушателем посещал Лейпцигский университет. После возвращения стал заниматься делами отца.

Вернемся к П. И. Шорохову, который в 1878 г. приступил к строительству бань на Малой Белозерской ул., 1. К разработке проекта был привлечен ранее уже работавший на других участках Шороховых архитектор П. Ю. Сюзор, активный строитель бань в Петербурге**. К 1882 г. бани были построены (ул. Кропоткина, 1 — Кронверкская ул., 10 — ул. Ленина, 3). Трехэтажные, в «кирпичном стиле» Белозерские бани выделялись из тогдашней по преимуществу деревянной застройки. Помещения были большими и вместительными, с толстыми стенами, высокими потолками и асфальтовыми полами. В первом этаже работали 5-, 10-копеечные бани, во втором и третьем этажах 40-копеечные, семейные, с душевыми кабинами. Более состоятельной публике

* ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 3. Д. 2766.

** Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 292; ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5874, 5874а.

Петр Петрович Шорохов

предлагались отдельные кабинеты, бассейн, услуги банщиков. При банях работало несколько ларьков*.

В 1901–1902 гг. П. П. Шорохов купил участок земли по Колтовской наб. (наб. Адмирала Лазарева), 12, 14, на котором построил двухэтажный жилой дом и еще одни бани. Это был обдуманый шаг. Район Колтовских улиц — рабочая окраина, где без бань не обойтись. Основные посетители — рабочие находившихся рядом Донецко-Юрьевского металлургического завода, завода «Вулкан», лесопильного завода братьев Колобовых. Бани

считались недорогими, 5-, 20-копеечными, и работали почти круглосуточно. В 5-копеечных отделениях работницы иногда стирали белье, чего делать не полагалось**. Трехэтажные краснокирпичные корпуса бань разрушены в конце 1990-х гг., на их месте сегодня идет строительство жилого комплекса.

К началу XX в. П. П. Шорохов помимо Белозерских и Колтовских бань владел несколькими доходными домами в Петербурге, преимущественно на Петербургской стороне: на Малом пр. П. С., 24; Ораниенбаумской ул., 16; Гатчинской ул., 32; Большой Монетной ул., 2; Большой Пушкарской ул., 30–32; в Матвеевском пер., 2; на Матвеевской ул. (ул. Ленина), 14, 16; на Колтовской наб., 12–14; на Кронверкской ул., 14, 16, 17, 18, 19, 20. Многие адреса изменились, лишь некоторые из этих зданий дожили до наших дней.

* ЦГИА СПб. Ф. 1254. Оп. 5. Д. 870, 871.

** Там же. Д. 867, 868, 869.

П. П. Шорохов был женат на Прасковье Филипповне Тянуевой, дочери купца 2-й гильдии Филиппа Андреевича Тянуева, владельца трактира и мелочной лавки за Московской заставой, на Царскосельском пр., 37 (Московский пр., 107). От этого брака родилось четверо детей: Александр (1888 г. р.), Кирилл (1892 г. р.), Геннадий (1893 г. р.), Мария (1895 г. р.). Растущая семья Шороховых продолжала жить в приходе Матвеевской церкви, в 1-м участке Петербургской части, в собственном деревянном особняке на Большой Пушкарской ул., 30–32.

Сыновья П. П. Шорохова учились в Введенской гимназии, старейшем учебном заведении на Петербургской стороне. Дочь Марию родители отдали в Институт принцессы Терезии Ольденбургской. После окончания Введенской гимназии Александр Петрович поступил на юридическое отделение Петербургского университета*, Кирилл Петрович в 1910 г. — на историко-филологическое отделение университета, в 1911 г. перевелся на юридическое отделение**; Геннадий Петрович в 1911 г. поступил на физико-математическое отделение университета, в 1912 г. перевелся в Институт гражданских инженеров***.

В 1898 г. по проекту архитектора Е. Ф. Бржозовского Шороховы на обжитом участке по Большой Пушкарской ул., 30–32, построили каменный двухэтажный особняк с элементами итальянского ренессанса. Старый деревянный особняк не сломали, новый каменный дом-особняк вплотную примкнул к нему. Каменный особняк Шороховых был устроен добротно и прочно, с расчетом на долгую жизнь не одного поколения. В первом этаже находились две передние — домашняя и хозяйная, откуда вход был в его деловую половину — приемную, к которой примыкал кабинет с библиотекой, облицованный темными панелями. Далее следовали бильярдная, уборная; во двор выходили комнаты для прислуги. Всё напоминало о том, что в доме жил энергичный и трудолюбивый человек.

Во втором этаже находились гостиная с мягкой удобной мебелью, темноватая столовая с буфетной, жилые покои, кухня.

* ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 49309.

** Там же. Д. 56961.

*** Там же. Д. 59211.

Особой гордостью дома был зимний сад с многочисленными цветущими растениями.

В 1911 г. фасад каменного особняка изменился, приобрел неоклассический вид. Простенки между окнами второго этажа украсили пилоны ионического ордера, под подоконниками протянули гипсовые ленты, крышу увенчала ажурная балюстрада*.

Как и его отец, П. П. Шорохов играл заметную роль в деловом мире Петербурга. Он очень много успевал, сочетал предпринимательскую деятельность с благотворительной. Потомственный почетный гражданин; гласный Городской думы в 1888—1893 гг.; член комиссии по народному образованию в 1912 г.; член правления Второго общества взаимного кредита (в 1917 г. — директор); один из видных деятелей в приходском благотворительном обществе при Матвеевской церкви, председатель этого общества. В 1889 г. П. П. Шорохов был избран депутатом от города по наблюдению за конно-железными дорогами, состоял секретарем Всероссийского общества помощи военнопленным**.

Петр Петрович и его супруга продолжали жить в деревянном родительском доме, сыновья, создав собственные семьи, предпочтение отдали каменному дому. Наступивший 1918 год разрушил мирный уклад жизни. Шороховых, попавших в категорию «буржуазных нетрудовых элементов», уплотнили, оставив им лишь несколько комнат в каменном особняке. Младшее поколение семьи несколько раз пыталось устраиваться на государственную службу, но им редко удавалось продержаться на одном рабочем месте длительное время. В очередной раз уволенные с работы, Шороховы решили использовать предоставленную им советской властью возможность, превратив свое хобби в профессию.

В семье все увлекались театром, устраивали вечерами домашние спектакли. В 1923 г. с введением новой экономической политики (НЭПа) Александр Петрович и Кирилл Петрович Шороховы с женами были зачислены в труппу комического хора А. В. Чарова, их хорошего знакомого. Хор состоял из десяти человек, у каждого участника был свой сценический образ. Артист Александр Шорохов (Саша Дырочкин) выступал в образе задумчивого поэта,

* ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 4. Д. 4586.

** Бочагов А. Д. Петербургская Дума в биографии ее представителей, 1904—1910. СПб., 1904. С. 253.

Семья Шороховых в 1923 г.

в элегантном фраке с хризантемой в петлице. Кирилл Шорохов (Кирюша Пеклеванный) был в образе пьяницы, еле стоявшего на ногах, в костюме с чужого плеча. Валентина Шорохова, жена Кирилла, перевоплощалась в таинственную незнакомку Вальетти, одетую в строгое черное платье, с большим бантом в причёске и вызывающими тенями под глазами. Зинаида Шорохова, жена Александра, стала страстной цыганкой в пестрой шали.

Комхор (комический хор) Чарова был известен и любим в Петрограде — Ленинграде. Труппа выступала на площадках Сада отдыха, Зоологического сада, Народного дома. В репертуаре были незатейливые куплеты периода НЭПа: «Ах, мама, мама», «Наша танцуйка», «У попа была собака». Этим шуточным, а иногда откровенно блатным песенкам артисты придавали такой комический оттенок, изображая все действие в лицах, что зрители от смеха утирали слезы платками*.

После гибели С. М. Кирова в Ленинграде начались крупномасштабные чистки. В 1935 г. Шороховых выслали из города

* Поляков В. С. Товарищ Смех. М., 1976. С. 36–39.

в Боровичи. Там потерялись следы Петра Петровича, Прасковьи Филипповны, Кирилла и Марии. Геннадий Петрович Шорохов работал на Свирьстрое вместе с Г. О. Графтио, был арестован по подозрению в принадлежности к контрреволюционной организации и расстрелян. Из всего многочисленного семейства выжили А. П. Шорохов и его жена Зинаида Алексеевна.

Принадлежавшие Шороховым деревянные дома не были разрушены ни в годы Первой мировой войны и революционных событий, ни во время Великой Отечественной войны, их начали разбирать лишь в 1960-х гг. из-за плохого технического состояния. Уцелевшие каменные дома сегодня страдают от бесцеремонного строительного вторжения. Белозерские бани перестроены и превращены в бизнес-центр «Сенатор». Деревянный особняк на Большой Пушкарской улице сломан в 1962 г., а сегодня варварски надстраивается мансардой каменный особняк Шороховых на Большой Пушкарской ул., 32. Мансарда полностью изменила структуру фасада дома, здание оказалось деформировано и со стороны двора. Безвозвратно исчезло декоративное убранство интерьеров. До недавнего времени этот домик можно было считать гордостью Петроградской стороны, он был предметом интереса туристов и жителей города, своим видом напоминал о подлинной, уютной и патриархальной Петербургской стороне конца XIX в.

На сегодняшний день из всех перечисленных домов, некогда принадлежавших Шороховым, сохранились лишь два дома каменных здания — дом и особняк — на Большой Пушкарской, 30–32, дом на Малом пр. П. С., 24, и здание Белозерских бань, приспособленное в 2005 г. под бизнес-центр «Сенатор».

УНИКАЛЬНАЯ ГРАФИКА АРХИТЕКТОРА О. Р. МУНЦА.
ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ*

НЕЗЫБЛЕНЫМ для Императорской академии художеств (ИАХ) во все времена было правило: основой любого вида искусства является рисунок, и овладеть мастерством рисовальщика в равной степени обязан и живописец, и архитектор, поэтому устав Академии предписывал ученикам архитектурного отделения длительно заниматься в рисовальных классах. Постоянные и систематические занятия рисунком способствовали выработке профессионального почерка зодчего. Многие архитекторы потом всю жизнь не выпускали из рук карандаш. Часто эти рисунки не имели никакого прикладного значения, создавались под влиянием настроения — быстрая зарисовка, портрет с натуры или по памяти, шарж, этюд. Такая графика уникальна, существует в единственном экземпляре, становится самостоятельным произведением. Эти зарисовки не претендуют на высокую художественную ценность, но, безусловно, являются замечательными фактами эпохи, фиксирующими время и лица.

Рассмотрим попавшие в поле моего зрения год назад графические материалы из семейного архива Мунцев. Изучение этой графики не закончено. Получив доступ к личному архиву архитектора, содержащему большой объем неисследованных ранее документов, а также изучив некоторые литературные и архивные источники, я получила возможность познакомиться с неизвестной доселе гранью таланта Оскара Рудольфовича Мунца**, которого мы знаем как крупного архитектора, автора архитектурных решений Волховской ГЭС, педагога, архитектурного критика и теоретика.

* Все рисунки выполнены в карандаше на бумаге; из семейного архива А. В. Мунца.

** См. о нем: Лисовский В. Г. Архитектор О. Р. Мунц // Ленинградская панорама. 1988. № 11. С. 22–24; Он же. Оскар Мунц // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / сост. В. Г. Исаченко. СПб., 2000. С. 30–42.

Представление о достоинствах архитектурной графики О. Р. Мунца мы можем составить из многочисленных публикаций конкурсных работ архитектора (их более 30) в журналах «Зодчий», «Ежегодник Общества архитекторов-художников» и «Архитектурно-художественный еженедельник». Без сомнения, в этих чертежах чувствуется влияние его учителя Л. Н. Бенуа, отличного рисовальщика. О. Р. Мунц не копировал его, не подражал, а постарался воспринять основные приемы мастера. Видно, что ученик имел свой почерк — изображенная архитектура отличается тщательной прорисовкой деталей и умелым насыщением рисунков штаффажем. Его чертежи всегда отличались «безукоризненной точностью и давали возможность безошибочного по ним ведения строительных работ»*.

Фонды архивов и музеев располагают очень небольшой коллекцией графических работ О. Р. Мунца. В фондах Научно-исследовательского музея РАХ их всего 9 — 4 академические учебные работы и 5 работ советского периода, в основном посвященных строительству Волховской ГЭС. В фондах ГМИ СПб всего несколько репродукций технических чертежей, так называемые копии-«синьки» советского периода. Как вспоминала дочь архитектора Наталья Мунц, «после революции мы в течение многих лет намачивали и стирали старые папины чертежи — и получался чудный батист. Это была полотняная калька, на которой тогда постоянно чертили архитекторы»**. Большая часть архитектурной графики Оскара Мунца, возможно, пропала во время блокады и переезда семьи в Москву в 1944 г.

Изобразительное же наследие О. Р. Мунца никогда не рассматривалось, деятельность его как художника не изучалась. Между тем ближайшие его родственники и друзья считали архитектора прекрасным рисовальщиком и акварелистом.

Что же представляет собой рисуночное наследие мастера? Способности к рисованию Оскар проявлял уже в раннем детстве. Как только он научился держать в руках карандаш, принялся удивлять и родителей, и всё высокое общество, частенько собиравшееся в гостеприимном доме, своими необычайными художественными

* Лисовский В. Г. Оскар Мунц. С. 31.

** Мунц Н. О. Путешествие из Ленинграда в Москву с пересадками. М., 2013. С. 116.

способностями. Изображал он не домики, как можно было бы предположить, а... людей, которые бывали в доме его отца, генерального консула Нидерландов в Одессе. И изображения эти были не просто портретами, а остроумными и точными карикатурами.

Способного мальчика в 1883 г. отдали в Одесское реальное училище, где уже во втором классе его наградили именным альбомом «За отличные успехи в рисовании и черчении». Все его страницы заполнены карандашными зарисовками животных, незатейливыми пейзажами с натуры. Эти наиболее ранние из рисунков юного художника, известные мне, датированы 1885 годом. С ранних лет О. Р. Мунц с немецко-голландской точностью и скрупулезностью подписывал и датировал большинство своих работ, что значительно облегчает их атрибуцию.

Склонность к художественному творчеству привела его в январе 1889 г. в широко известную в то время Одесскую рисовальную школу Общества изящных искусств, находившуюся в ведении ИАХ. По свидетельству художественного совета школы, имеющемуся в личном деле канцелярии ИАХ, Оскар был награжден «малою бронзовою медалью на экзамене в фигурном классе кроме того за рисунки с гипсовых голов»*, поэтому у юного голландца никаких сомнений относительно дальнейшего выбора пути уже не возникало. В августе 1889 г. без конкурсного экзамена по рисованию О. Р. Мунц был принят в число академистов архитектурного отделения ИАХ**.

Академические учебные работы 1892 г., хранящиеся в семье Мунцев и в НИМ РАХ, уже отличаются очевидными художественными достоинствами, им присущи уверенность и изящество исполнения.

Полученным правом на пенсионерскую поездку Мунц не воспользовался по множеству обстоятельств, а отправился за границу за собственный счет. Молодой архитектор посетил несколько европейских стран, где с увлечением изучал памятники зодчества и опыт современного строительства. В этом ему помогли систематические занятия под руководством Эдуарда Ниермана, голландца по происхождению, парижанина по месту житель-

* РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 105. Л. 7.

** Там же. Л. 10.

ства и эстетическим вкусам, в те годы бывшего одним из самых модных архитекторов-декораторов Парижа. В семейном архиве я обнаружила два карандашных рисунка из этой поездки, копирующих скульптурные группы известного итальянского скульптора Лоренцо Рубини и часть композиции, посвященной королеве Марии Лещинской, знаменитого французского скульптора Огюстена Пажу. Обе работы, по моему мнению, отличаются остротой и точностью рисунка.

Начало активной самостоятельной архитектурно-строительной практики совпало с женитьбой (в мае 1902 г.) и рождением (в марте 1903 г.) первенца — Володи, будущего известного советского архитектора. Тогда возник целый ряд ироничных и трогательных зарисовок, что стало началом многочисленной коллекции забавных рисунков для домочадцев, добродушных шаржей

на близких и на самого себя. Это, прежде всего, веселая спутница жизни одесситка Лина (Магдалина Львовна Шорштейн) сразу после свадьбы и Лина за два месяца до родов. В портрете месячного младенца Володи уже просматриваются черты взрослого Владимира Оскаровича Мунца. В Ленинградском высшем художественно-техническом институте (бывшей Академии художеств) сын будет учиться у наставника своего отца Л. Н. Бенуа и у самого Оскара Рудольфовича, с которым они позднее станут равноправными коллегами. Увлекающийся Володя в детские годы часто попадал на острый карандаш отца — на одной карикатуре «высохший» Володя на коньках, на

Магдалина Львовна Шорштейн,
жена О. Р. Мунца. 23 сентября 1902 г.

Володя Мунц. 1 апреля 1903 г.

Карикатура на Володю Мунца. 11 января 1915 г. (слева)
В. О. Мунц, советский архитектор. 7 февраля 1938 г. (справа)

А. А. Грубе, русский и советский архитектор

другой — добродушный Сева Покровский (сын архитектора В. А. Покровского) с ракеткой хочет идти на теннис, а сердитый Володя с дрожащими от гнева губами идет удить рыбу.

Тася — Наталья Оскаровна Мунц, будущий известный иллюстратор детских книг, — самый спокойный член семейства. В своих воспоминаниях она пишет, что «в доме легко вспыхивали ссоры, шумные, хотя и быстро проносившиеся, как весенние ливни. Все были вспыльчивы: и папа, и мама, и Володя. Особенно вспыльчив был папа»*. Многие вне домашних стен воспринимали архитектора как спокойного, строгого и сдержанного, именно такого О. Р. Мунца мы знаем по известной фотографии 1935 г. А сам он однажды изобразил себя в виде сидящей за столом мартышки, очевидно после очередного подобного

случая. В подписи к рисунку читаем: «Зачем я насмерть испуган, Хотел бы я Вам пояснить, Когда все те, кому я страшен, Придут меня благодарить». Возможно, этот сумбурный текст передает состояние и раскаяния, и праведного гнева одновременно.

О. Р. Мунцу посчастливилось быть в составе первого блистательного выпуска так называемой бенуавской школы в 1896 г. Ф. И. Лидваль, А. И. Гунст, Е. И. Гружевский, Б. Н. Николаев и Н. П. Козлов получили впоследствии достаточно широкую известность в мире архитектуры. Со многими «бенуавцами» своего и других выпусков Оскара Рудольфовича на долгие годы связали

* Мунц Н. О. Указ. соч. С. 23, 81.

совместное творчество, преданная дружба, прежде всего с архитекторами Б. Н. Николаевым, В. А. Покровским. Своим друзьям Мунц посвящал беззлобные шаржи и карикатуры. Как вспоминала Наталья Оскаровна о 1910-х гг., у отца была многолетняя традиция — «раз в неделю по четвергам в подвальчике на набережной подле Академии художеств после заседаний на факультете распивали пиво в таком составе: Николаев (старый друг, большой оригинал и стихоплет), Артур Александрович Грубе (вылитый король Георг V), дядя Сережа Беляев (мой крестный) и папа» *.

О. Р. Мунц в своих рисунках сохранил для нас портреты малоизвестных, но очень оригинальных друзей-коллег. В литературе упоминается имя архитектора Е. Н. Фелейзена как мастера интерьера, сотрудничавшего с О. Р. Мунцем в 1907 г. при постройке и отделке здания Первого общественного (Екатерининского) собрания, украшающего набережную канала Грибоедова (д. 90)**. Звания художника-архитектора он не получил: в 1903 г. Е. Н. Фелейзен был исключен из Академии художеств за вопиющий поступок — после получения неудовлетворительной оценки по строительному искусству он дважды ударил по лицу одного из экзаменаторов. Делочуть некончилось тюремным заключением***. О. Р. Мунц не оставил близкого друга, взял его к себе помощником. По свидетельству современников, Фелейзен был человеком большого вкуса и архитектурного таланта. Женечка Фелейзен, как вспоминают члены семьи Мунцев, был крупным, рыжим, веселым, обаятельным, громкоголосым человеком, всеобщим любимцем. Сгинул он в 1918 г., предположительно пострадав как монархист, во время первой волны «красного террора»^{4*}. Только благодаря рисункам Мунца мы можем представить себе этого незаурядного человека или, например, авантюрного помощника архитектора В. А. Покровского — Е. И. Константиновича, прославившегося своими приключениями в Нью-Йорке и Бомбее^{5*}. Подобных проиллюстрированных архитектором сюжетов из жизни близких друзей в архиве немало.

* Мунц Н. О. Указ. соч. С. 118.

** Лисовский В. Г. Оскар Мунц. С. 36.

*** РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. 61 «И». Л. 37–63.

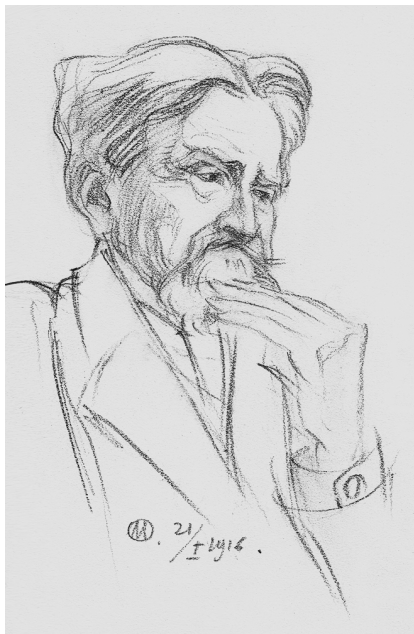
^{4*} Мунц Н. О. Указ. соч. С. 46.

^{5*} РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. 14 «И».

Самая ценная часть графического наследия — это несчетное количество, не менее сотни, небольших пожелтевших листков с карандашными зарисовками своих коллег по Академии, в первую очередь архитекторов. Многие лица хорошо узнаваемы, что говорит о несомненном таланте автора зарисовок. Всего-то штрих и линия. Но как чисто, тонко и точно удалось быстрому карандашу О. Р. Мунца создать целую галерею живых портретов своих современников, как маститых и известных, так и талантливых мастеров второго плана, изображения которых не всегда можно найти в архитектурных справочниках и монографиях.

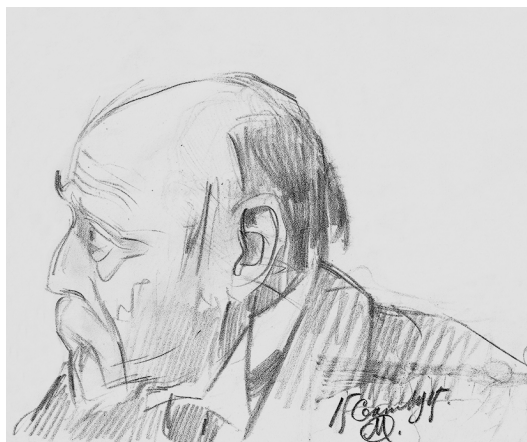
Наверняка многие зарисовки были сделаны на собраниях Общества архитекторов-художников, во время обсуждения новых выпусков ежегодников и еженедельников Общества, постоянным членом редколлегии которых О. Р. Мунц был многие годы. Большая часть этих рисунков создана в 1914–1916 гг. Благодаря точ-

ным датам в архивах можно свериться со стенограммами заседаний правления и общих собраний Общества и оживить эти сухие протоколы. Здесь и председатель правления академик архитектуры П. Ю. Сюзор, и Э. К. фон Липгардт, академик живописи, член общества «Старый Петербург», старший хранитель картинного собрания Императорского Эрмитажа, и В. В. Матэ, заведующий граверным отделением Высшего художественного училища (ВХУ) при ИАХ с 1893 г. С В. А. Беклемишевым, академиком скульптуры, руководителем ВХУ с 1893 г., Мунц в 1904 г. участвовал в создании памятника Ермаку в Новочеркасске.

П. Ю. Сюзор, академик архитектуры.
21 января 1916 г.

В. В. Суслов,
русский архитектор,
реставратор, археолог.
15 сентября 1915 г.

Есть в этой коллекции, насчитывающей более 50 фамилий, портреты архитекторов В. В. Суслова, И. С. Китнера и Г. И. Котова, А. И. фон Гогена и Г. Я. Леви, неизменного помощника Л. Н. Бенуа. Неоднократно зарисовывал Оскар Рудольфович А. А. Стаборовского и А. Е. Белогруда, В. С. Ястржембского и С. С. Серафимова. Архитектор запечатлел М. Х. Дубинского, своего конкурента в конкурсном проектировании застройки местности Тучкова буяна в 1913 г.

Портрет мужчины в военной форме — это изображение художника-архитектора Леонида Романовича Сологуба. С началом Первой мировой войны он пошел вольноопределяющимся на фронт, отказавшись от брони, которая полагалась ему как пенсионеру ИАХ. В декабре 1916 г. провел в залах Академии благотворительную выставку этюдов и рисунков «На войне» в пользу детей сражавшихся воинов. Она вызвала отклики многих представителей культурной общественности, в том числе А. Н. Бенуа, который сравнивал Сологуба с Верещагиным*.

Оскар Рудольфович не выпускал из рук свой быстрый карандаш и в период строительства Волховской ГЭС. Это самое значительное сооружение архитектора, где помимо решения

* Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Сологуб (собств. Салогуб) Леонид Романович // Искусство и архитектура Русского зарубежья. URL: <http://www.artz.ru/articles/1804786602/index.html>.

Л. Р. Сологуб, русский художник и архитектор. 21 января 1916 г.

функциональных и конструктивных задач автор талантливо решил и задачи эстетические, создав сооружение, напоминающее, как он сам говорил, «кирпичные средневековые постройки Северной Италии...»*. На одном из рисунков Р. Т. Стуколкин, С. В. Рубанов и Н. П. Гундобин корпят над чертежами главной понижающей подстанции Волховской ГЭС на Выборгской стороне.

Галерею советских архитекторов дополняют молодые А. К. Баручев и Л. В. Руднев, узнаваемый Е. А. Левинсон, серьезные Л. К. Суходольский, В. А. Шуко и Я. О. Свирский, наконец, Яков Германович Гевирц, с которым О. Р. Мунц

сотрудничал до революции, вступал в «Диалоги об архитектуре, наследии и прочем»** и упокоился в одной братской могиле на Смоленском кладбище в первую блокадную зиму.

Графическое наследие О. Р. Мунца не исчерпывается упомянутыми в этой статье произведениями, но рассмотренные работы дают представление об авторе как о художнике. Выявленные рисунки мастера имеют несомненную художественную, историческую и иконографическую ценность и требуют дальнейшего исследования и введения в научный оборот.

* Лисовский В. Г. Оскар Мунц. С. 41.

** В семейном архиве Мунцев хранится машинописная рукопись под названием «Быть или не быть. Диалог об архитектуре, наследии и прочем», автор которой — Я. Г. Гевирц, с посвящением «Дорогому Оскару Рудольфовичу от автора 8.11.1939 г.». Рукопись датирована 24.09.1939 г. К «Диалогу...» приложен эпилог «Автор и читатели» (рукописный и машинописный варианты), подписанный О. М. [Оскар Мунц].

ОТ «СТАРОГО ТАШКЕНТА» К САДУ ИМ. 9 ЯНВАРЯ

БЛАГОУСТРОЙСТВО территории нынешнего сада им. 9 Января на пр. Стачек началось еще в XVIII в. Стосаженные участки вдоль Петергофской дороги от будущей Нарвской заставы до деревни Автово были «высочайше» розданы в 1762 г. С 1830-х гг. дача на левой стороне дороги, южнее деревни Тентелевой, принадлежала обер-секретарю сената А. К. Галлеру. Он построил большой дом с концертным залом, в котором регулярно проводились праздники и устраивались концерты. Отставной статский советник Галлер умер 15 мая 1850 г. «от каменной болезни, шестидесяти одного года» и 18 мая был погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры (надгробие сохранилось). Дача перешла к наследникам — вдове Александре Карловне и детям: Николаю, Алексею, Анне и Софье. Им достались «наличные денежные суммы; капиталы, в акцизно-откупных комиссионерствах обращающиеся, и недвижимые имущества, как-то: дом в С.-Петербурге, дача на Петергофской дороге, село Знаменское в Московском уезде и писчебумажная фабрика, там же находящаяся». Наследники жили в родительском доме «в 4-й Адмиралтейской части, 1-го квартала, под № 47/92», а загородный дом с садом сдавали в аренду*.

«На этой даче жил владелец безвыездно, — читаем у М. И. Пыляева. — По смерти его дети давали здесь роскошные праздники, на которых пели итальянцы и давались целые акты балетов». В 1850-х гг. в усадьбе открылся кафе-ресторан «Александрия», где посетителям предлагалось «роскошно отделанное помещение. Комнаты для свадеб и именинных балов». На льду огромного в те годы пруда зимой катались на коньках и финских санях**.

Загородную дачу «в 1-м стане на 1-й версте от заставы» площадью 18 десятин 330 кв. саж., граничившую с землями казенной деревни Тентелево и дачей купца Ушакова, наследники выста-

* ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1–1 об., 3.

** Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1991. С. 115; Алянский Ю. Л. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 1996. С. 23.

вили на продажу. В сентябре 1857 г. имение «по Петергофскому шоссе при безымянном пруде» приобрел с публичных торгов дворянин Адам Францевич Бояровский*, но к концу 1860-х гг. некоторые дачные постройки настолько обветшали, что пристав Петергофского участка пригородной полиции распорядился снести ветхие строения. Бояровский к тому времени умер, а его наследники еще не вступили в права наследства**.

Купец А. Синелобов, вскоре купивший эту дачу, сразу затеял ремонт усадебных построек. Бдительный пристав Петергофского участка 12 июля 1872 г. рапортовал губернскому правлению: «На даче № 28 по Петергофскому шоссе купца Синелобова в строении, где устраивается кофе-ресторан, производится внутри перестройка из бывшего домашнего театра в танцевальный зал без надзора со стороны архитектора», и поэтому просил назначить архитектора «для освидетельствования вышеупомянутой перестройки». Через неделю участковый архитектор Э. Г. Юргенс указал в протоколе, что «строение это деревянное, рубленое из деревьев, на каменном сплошном фундаменте и крытое железом, что такое состоит из одного высокого этажа, на нежилом под сводами подвале; включает в себя до 22-х комнат, в том числе зал, длиной до 9 саж., шириной до 6 саж. Зал это, где помещался в прежнее время домашний театр, в настоящее время приспособляется к танцевальному залу, а именно внутреннее устройство бывшего театра уничтожено и нижние балки заменяются новыми с предположением сделать новые полы, остальные же части остаются непеределанными; верхний потолок, где уложены балки поперек зала, прогнулся, и стропильные связи и укрепления вышли из своего положения, почему описанный потолок подлежит переделке с надлежащим его укреплением; все остальные части строения в весьма прочном состоянии».

Архитектор Ю. О. Дютель составил «надлежащие чертежи на переделку потолка над танцевальной залой», и Строительное отделение «дозволило» «обращение театрального зала в танце-

* ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп. 3. Д. 36. Л. 12; Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом МВД. Т. 37. СПб., 1864. С. 5.

** ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 2. Д. 391. Л. 3.

вальный»*. После реконструкции здание арендовал известный столичный антрепренер, купец В. Н. Егарев, открывший в нем ресторан «Ташкент». М. И. Пыляев отмечал, что в конце 1870-х гг. в Петербурге появилась цыганка Пиша, «эта певица пела в хоре известного цыганского композитора Родиона Аркадьевича Калабина, в „Ташкенте“»**.

К весне 1875 г. земля Синелобова была уже во владении купца 2-й гильдии В. И. Мальцева, который решил построить здесь мыловаренный завод, но приглашенная им комиссия указала, что «заведения подобного рода не дозволяется строить ближе 50 саж. от соседних домов», а потому устройство завода не допускается***, но в том же году в глубине дачи Синелобова все-таки началось строительство завода: 14 февраля ученые-химики Александр Баг и Владимир Шнейдер обратились в губернское правление за разрешением построить «химический завод для приготовления серной и азотной кислот и побочных химических продуктов». Местность, где они собрались устроить свое «заведение», «принадлежит ныне купцу Синелобову, который обязался из принадлежащего ему сего места продать нам около 8 десятин земли. <...> передняя граница будет находиться от Петергофского шоссе почти в ста саженьях и прилегать к земле купца Синелобова, на которой находятся строения, задняя же граница должна прилегать к пустопорожней местности купца Синелобова». Получив разрешение, Баг и Шнейдер приступили к сооружению заводских корпусов. От Петергофского шоссе к химическому заводу была проложена узкая проезжая дорога, которая постепенно застраивалась и получила в 1890-х гг. название Химического переулка^{4*}.

«Товарищество Тентелевского химического завода, — сообщали газеты, — открыло свои действия 1-го ноября 1875 г.». Директором-распорядителем правления был доктор химии

* ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 3. Д. 2703. Л. 4-4 об., 12.

** Пыляев М. И. Старый Петербург. М., 1997. С. 404.

*** ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 36. Д. 75. Л. 4.

^{4*} Там же. Оп. 5. Д. 16. Л. 1-2 об., 4 об.-5. В протоколе осмотра петербургский губернский архитектор А. Р. Гешвенд указал: «Для проезда к месту существует дорога на земле, принадлежащей Синелобову, от шоссе... считаем необходимым, чтобы вышеупомянутый проезд от шоссе до участка завода непременно оставался бы для общего пользования и был бы вымощен камнем или шоссирован».

В. Шнейдер*. К 1910-м гг. предприятие стало одним из крупнейших химических заводов империи, а Владимир Васильевич Шнейдер оставался одним из директоров товарищества. Несмотря на передовые для того времени способы производства, санитарное состояние местности со временем было неисправимо нарушено: вредные отходы отравляли воду, а выбросы — воздух.

Изменения коснулись и общественного заведения на даче Синелобова. «На месте бывшего ресторана „Ташкент“ был разведен Даниловым сад в 1892 г. с открытой сценой, но он существовал недолго, — его заглушил вновь открытый „Екатерингоф“...», — вспоминал путиловец А. Теплов. Вскоре «служащие Путиловского завода Вильдман и Ф-в, — продолжал Теплов, — дали дорогу только что зародившемуся отделению Общества трезвости, перебравшись с любителями сценического искусства на дачу Синелобова по Петергофскому шоссе, где поставили для новоселья три водевиля... На этом месте в прежнее время был шумный ресторан „Ташкент“ Егарева...»**.

Летом 1894 г. по духовному завещанию Синелобова имение площадью 3 дес. 200 кв. саж. (из них больше трети «неудобной земли») по Петергофскому шоссе, 42–44***, перешло к жене коллежского асессора Марии Александровне Бутовской. Стоимость имущества по оценочной ведомости составила 102 079 руб., в т. ч. земли — 48 000 руб.

Судьба бывшего усадебного дома Галлеров в начале XX в. изучена^{4*}: «На Петергофском шоссе, в глубине небольшого сада, стоял покосившийся заколоченный дом... Некогда здесь помещался аристократический кабачок, позже — дешевый трактир „Старый Ташкент“, а с тех пор как хозяин его разорился и выехал, здание пустовало и разрушалось. В мае 1904 г. в „Старый Ташкент“ явились новые хозяева. Они оторвали доски, распахнули две

* Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 16 января. С. 6.

** Теплов А. Записки путиловца: воспоминания 1891–1905 гг. СПб., 1908. С. 15, 17.

*** Полицейские номера участков периодически увеличивались из-за их постоянного дробления и появления новых владельцев-налогоплательщиков.

^{4*} Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода: 1801–1917. М., 1961. С. 169, 186, 190.

ри, растворили окна... Застучали топоры и молотки, раздались громкие голоса... Возле подновленного, разукрашенного зеленого дома с полудня 30 мая было шумно. Люди... говорили, что в „Старом Ташкенте“, в большом зале, будут танцы под оркестр». Рабочие шли в «Старый Ташкент» на открытие Нарвского отдела «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города Петербурга». Прибыл и градоначальник И. А. Фуллон, пожертвовавший сто рублей (к 1905 г. в одиннадцати отделах «Собрания...» состояло около 10 тысяч человек). Увольнение в декабре 1904 г. четырех путиловцев, состоявших членами общества, стало поводом обращения рабочих к царю с просьбой «заступиться за них». Рабочие так описывали события января 1905 г.: «В четверг 6 января с утра отдел был полон. Ждали приезда „батюшки“... Обсуждение петиции происходило в „Старом Ташкенте“ непрерывно в течение трех дней, вплоть до субботы 8 января». «Рабочие... слушали петицию, затем семьями продвигались к толстым конторским книгам, подписывались и, отходя, крестились: — Теперь всё в царской воле». Вечером 8 января в «Старый Ташкент» приехал Гапон. «Он взобрался на стол и вновь прочитал петицию. Он читал, как актер <...> в экстазе возгласил, что наступающее воскресенье будет для народа „воскресением из мертвых“». По словам одного из участников, 9 января «к восьми часам все закусили и пошли на Путилов, чтобы поспеть к выходу крестного хода». Другой припомнил, что по пути «зашли на „Квасниковскую дачу“, взяли оттуда два портрета царя и царицы в золоченых рамах и, имея их в голове колонны, тесной массой продолжали путь». Перед мостом через р. Таракановку возле Нарвских ворот шествие остановили войска. Раздались выстрелы... Рабочий Кириллов вспоминал, что после расстрела «раненные распозались по соседним дворам, убитые грузились на заранее приготовленные подводы и отправлялись в покойницкую Ушаковской больницы, которая моментально оказалась заполненной; трупы складывались в дровяной сарай» *. В морге ближайшей Алафузовской больницы, расположенной почти напротив «Старого Ташкента», лежало 34 трупа; их запретили выдавать родственникам до

* Кириллов. Бунтарь не утих // Ленинградская правда. 1925. 22 января. С. 4.

проведения судебно-медицинской экспертизы. Следующей ночью полицейские тайно вывозили на подвоях тела погибших на Преображенское кладбище для захоронения в братских могилах. Но «за Нарвской тайные похороны не удались. Через три дня после расстрела на Митрофаньевском кладбище собралась десяти-тысячная толпа... На могильных крестах, поставленных в этот день, была одна и та же надпись: „Невинно убиенный 9 января 1905 года“. У „Старого Ташкента“, поблескивая штыком, стоял часовая. Двери бывшего трактира были опечатаны и заколочены досками»*.

Усадьба с трактиром-чайной опустела (но тем не менее в городском справочнике на 1916 г. среди двадцати трактиров на Петергофском шоссе вновь указан «Старый Ташкент», под «№ 42, влад. Ив. Льв. Волков»).

После октября 1917 г. местность за Нарвской заставой обезлюдела. Заброшенное усадебное здание, скорее всего, было разобрано на дрова в годы Гражданской войны.

1 мая 1920 г. на бывшей даче Галлера между Химическим переулкем и Тихомировской улицей по проекту Р. Ф. Катцера был заложен первый в городе «сквер для рабочих». В сентябре 1924 г. газеты сообщили, что «работы по устройству сквера на улице Стачек закончены полностью. Осталось только обнести сквер оградой», но катастрофическое наводнение 23 сентября 1924 г. затопило новый рабочий сад**.

Жители предлагали свои идеи благоустройства сада: «За Нарвской заставой, на месте настоящих построек, рос дивный фруктовый сад — яблони, груши. А наискосок стоит почти голый планирующий парк,— писал в 1925 г. в „Красную газету“ рабочий Романов. — Мое предложение таково: покуда не срублены деревья, их выкопать и пересадить в парк». Наконец, 14 июня 1925 г. газеты сообщили, что в воскресенье, «в 12 час. дня торжественно откроется новый парк, расположенный вблизи завода „Красный путиловец“ по улице Стачек, № 42–46», а «в скором времени здесь будет установлена решетка от Зимнего дворца»***.

* Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. Указ. соч. С. 196.

** Ленинградская правда. Экстренный выпуск. 1924. 25 сентября.

*** Пересадить // Красная газета. 1925. 2 июля. С. 7; Открытие парка // Ленинградская правда. 1925. 14 июня. С. 4.

В августе 1925 г. рабкор-краснопутиловец Петр Салтыков предложил дать пролетарскому саду подходящее название: «По улице Стачек, близ завода „Красный путиловец“, распланирован и открыт новый сад. По фасаду установлена решетка от бывшего Зимнего дворца. Этот сад имеет историческое значение. На месте, где он расположен, был создан первый Совет Рабочих Депутатов. Здесь 9 января Гапон подбивал рабочих идти к Зимнему дворцу с петицией. Решетка дворца нынче напоминает о Кровавом воскресенье. Я считаю, что этому саду следует дать название „Сада памяти жертв 9 января“» (надо признать, что название неоригинально, поскольку в феврале 1925 г. Губисполком постановил переименовать Преображенское кладбище в кладбище памяти жертв 9 января)*.

Благоустройство сада продолжалось. В 1929 г. ленинградцы узнали, что «Сад им. 9 января на ул. Стачек будет расширен и оборудован эстрадой. Президиум Московско-Нарвского райсовета передает сад в бесплатное пользование рабочим Путиловского завода и других ближайших предприятий»**.

В 1931 г. газеты отметили, что «впервые в этом году все городские сады взяты на особый учет и прикреплены к различным культурно-просветительным организациям... В Нарвском районе сад 9 января будет обслуживать ежедневно до пяти тысяч человек. К саду прикрепляется завод „Красный путиловец“». «В саду „Памяти 9 января“, прикрепленном к „Красному путиловцу“, дело обстоит благополучно: сад имеет чистый вид и к намеченному 22 мая открытию уже готов, — отрапортовали газеты весной 1931 г. — Путиловцы к своей работе привлекают и Северную судостроительную верфь, с рабочими которой намечен совместный вечер в саду»***.

В 1936 г. в сад перенесли бронзовый бюст Васи Алексева работы скульптора М. Я. Харламова, с 1930 г. стоявший в сквере, разбитом

* Салтыков П. Сад памяти жертв 9 января // Ленинградская правда. 1925. 28 августа. С. 4; Обо всем // Ленинградская правда. 1925. 25 февраля. С. 4.

** Обо всем // Ленинградская правда. 1929. 1 июня. С. 4.

*** Городские сады // Красная газета. Вечерний выпуск. 1931. 11 мая. С. 3; Скобелев, Раубель, Блаженков. Зелени много, бестолковщины еще больше: «Сладкие трели» ГОМЭЦа // Красная газета. Вечерний выпуск. 1931. 19 мая. С. 3.

за Домом культуры им. Горького. С осени военного 1941 г. в саду находилась позиция зенитной батареи, его прорезали блиндажи и траншеи. За годы войны сад, граничивший с заводом «Красный химик», пострадал от бомбежек и артобстрелов. После освобождения Ленинграда от блокады в 1944 г. по проекту архитекторов В. А. Каменского и А. В. Модзалевского его территорию планировалось протянуть до здания Кировского райсовета, расширив сад с 5,5 до 10 га*. Начальная часть Химического переулка стала одной из центральных из аллей «Сада памяти жертв расстрела 1905 года»**.

В 1953 г. сад им. 9 Января был расширен к востоку за счет территории завода «Красный химик». В 1954 г. он был реорганизован в Детский парк имени 9 Января. В старинном корпусе химического завода открылась станция «Юный техник». О благоустройстве сада в послевоенный период рассказывает статья Н. Н. Весниной***. Последний капитальный ремонт Детского парка «Памяти жертв 9-го января» происходил в 2001–2004 гг.; при этом пруд опять сократился вдвое.

С садом им. 9 Января неразрывно связана и ограда бывшего Царского сада, украсившая нынешний проспект Стачек. На низком цоколе она смотрится демократичнее по сравнению с первоначальной установкой на высокой глухой стене у Зимнего дворца.

В 1917 г. отмечалось: «Надо отметить некоторое несоответствие уничтожения железных гербов на ограде у Зимнего дворца с обращением общественного градоначальника, который «приглашал оберегать старинные здания и всякие на них украшения»^{4*}. Вероятно, во время Февральской революции 1917 г. не все орлы

* Баранов Н. В. Архитектура и строительство Ленинграда за 30 лет // Архитектура и строительство Ленинграда: сб. Л.; М., 1948. С. 9. Ил.: Район сада им. 9 Января до реконструкции (1941); / Район сада им. 9 Января после реконструкции. Авторы планировки: арх. В. А. Каменский, арх. А. В. Модзалевский (1947); / Ограда Зимнего дворца у сада им. 9 Января. С. 14.

** Горбатенко С. Б. Петергофская дорога: ист.-арх. путеводитель. СПб., 2002. С. 72.

*** Веснина Н. Н. Сад в память жертв расстрела 1905 года // История Петербурга. 2007. № 1. С. 54.

^{4*} Гречук Н. В. Она была в Париже! // Петербург. События. Лица. СПб., 2010. С. 68–70.

и вензеля были выломаны — их лишь задрапировали красными полотнищами, что видно на одной из тогдашних фотографий. Две иллюстрации сноса ограды сада Зимнего дворца опубликованы весной 1919 г. * Тогда работы не были закончены, их завершили через год, когда 1 мая 1920 г. за разборку ограды взялся многотысячный отряд добровольцев, в основном курсантов, солдат и матросов. В тот день «было перетащено 127 000 пудов тяжестей. <...> Цокольные же камни и самое решетку решено отвезти на Волково кладбище, где огородить место, называемое литераторскими мостками, — писал корреспондент „Правды“ 4 мая 1920 г. — Меж тем и камни с ограды, и части решетки еще долго продолжали лежать на набережной, на Литераторские мостки их так и не перевезли...» **.

«Садово-парковое управление откомхоза предполагало оградить сквер (будущий сад 9-го Января. — Н. Г.) оградой, взятой с какой-либо из дач на островах, по примеру сквера на ул. Красных Зорь и улице Моисеенко. При осмотре островов подходящей ограды не было найдено, и садово-парковое управление поручило сделать художникам эскизы оград с тем, чтобы по ним дать заказ одному из ленинградских заводов» ***.

В 1924 г. обнаруженные звенья решетки Царского сада по воде перевезли на завод «Красный путиловец» для ремонта. Весной 1925 г. сообщалось, что уже «закончена переделка решетки бывшего Зимнего дворца. Украшения и вензеля на ней заменены советской эмблемой „серпа и молота“. Решетка предназначается для сада, устраиваемого на ул. Стачек» ^{4*}. Готовые звенья доставили к месту установки ^{5*}. Работы в сквере были продолжены:

* Петроградская правда. 1919. 27 апреля. С. 4: «а) снятие колонн и решетки, б) снятие фундамента».

** Конивец А. В. Первое Мая 1920 г. Как снесли решетку у Зимнего дворца // История Петербурга. 2009. № 1. С. 22. Фотография: субботник у Адмиралтейства 1 мая 1920 г.; Там же. С. 24: «каждая глыба имеет от 20–25 пудов», — писала «Петербургская газета» 19 мая 1899 г.; «каждый пролет весил 4100 кг», — указала А. Скородумова в статье «Реставрация... с оглядкой» в «С.-Петербургской панораме» № 2 за 1992 г.

*** Новый сквер на ул. Стачек // Красная газета. 1924. 31 августа. С. 5.

^{4*} В рабочем саду // Ленинградская правда. 1925. 10 марта.

^{5*} Каменский М. Строим рабочий городок // Ленинградская правда. 1925. 12 марта. С. 6.

«На ул. Стачек возле „Красного путиловца“ приступлено к окончанию разбивки парка. Скоро начнется установка вокруг парка решетки, служившей прежде для ограждения сада у Зимнего дворца», «летние общественные работы по благоустройству и разбивке новых садов начнутся с 11 мая. В первые дни будет работать около 500 безработных»*, как это происходило и в 1920 г.

В июле 1925 г. горожанам сообщили: «вчера приступлено к установке решетки Зимнего дворца вокруг нового парка на улице Стачек»**. Ограду начали устанавливать (по проекту проф. Л. А. Ильина) только 9 июля 1925 г., уже после 14 июня — дня официального открытия «путиловского сада». «Вновь разбитый рабочий сад по ул. Стачек (близ „Красного путиловца“) обносится решеткой от сада бывшего Зимнего дворца. На новую каменную ограду пока установлена половина всей решетки, — информировала газета. — Окончательная установка решетки и скрепление промежуточными столбами будет выполнено к 25 июля, после чего начнется отделка каменной части ограды под гранит. На места царских гербов и корон в решетку будут вставлены металлические серп и молот, окаймленные колосьями. Общее протяжение решетки — около 140 метров». В начале 1926 г. сообщалось, что «на общественные работы в садах и парках Ленинграда на нынешний сезон Ленинграду отпущено 450 000 рублей... В первую очередь будет закончена установка и отделка решетки Зимнего дворца на ул. Стачек, возле Нового парка»***.

Позднее обнаружили и другие звенья знаменитой решетки. По свидетельству корреспондента газеты, «у сада бывшего Зимнего дворца сняли решетку. Часть ее, вероятно, использовали, а шесть пролетов брошены у Волкова кладбища у конца трамвайного маршрута № 4. Если решетку нельзя использовать в каком-нибудь другом саду, то ее место в мартеновской печи». В 1929 г. «Завком „Красного путиловца“ просил Откомхоз предоставить ему остальные части решетки с бывшего Зимнего дворца, разбросанные в разных частях города. Но они оказались проданными

* Установка решетки // Ленинградская правда. 1925. 9 мая. С. 4; Летние работы // Там же.

** Из дворца на окраину // Ленинградская правда. 1925. 10 июля. С. 4.

*** Решетка Зимнего дворца на ул. Стачек // Ленинградская правда. 1925. 18 июля. С. 2; Начало общественных работ // Там же. 1926. 14 апреля. С. 5.

Совкино за... 600 руб. Путиловцы требуют расторжения договора с Совкино и передачи им решеток»*.

Орлы и вензеля в ограде так и не были заменены серпом и молотом. «Вензеля, двуглавых орлов изъяли. Остались большие дыры. Я вспоминаю, с какой охотой мы пользовались этими дырами для входа в парк. Ограда превратилась в абсурдное сооружение», — вспоминал Д. А. Гранин**. После войны в пустые центры звеньев решетки в красные дни календаря вставляли портреты членов Политбюро ЦК КПСС.

В конце XX — начале XXI в. сад долго стоял без решеток, снятых для реставрации. Их воссоздание в реставрационной мастерской «СКИТ» («Союз культуры и творчества») в г. Пушкине шло медленно: «за 13 лет было восстановлено 12 звеньев решетки из 28». Последние звенья установили в 2010 г.*** Реставраторы отметили, что самым сложным, длительным и дорогим было восстановление вензелей и орлов решетки.

Сейчас мы видим в трех ближайших к зданию администрации звеньях исторической решетки императорских орлов и вензеля. Остальные звенья остались пустыми. Если это образец реконструкции ограды Царского сада, то звеньям решетки место в Музее городской скульптуры. Могут найтись «историки», которые предложат переименовать первый рабочий «путиловский сад» в «Сад памяти жертв расстрела 17 июля 1918 г.».

* ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 2519. Л. 1–1 об., 3.

** Гранин Д. А. Город дважды // Петербург сквозь столетие = Petersburg through the Century: фотоальбом / авт.-сост. С. Компанийченко. СПб., 2008. С. 5.

*** Гавриэлова А. Кропотливая работа реставраторов // Мой район. 2004. № 11. С. 4; Парк будет за решеткой // АиФ. 2009. № 29. С. 16.

Ф. О. ТЕЙХМАН — АВТОР ЗДАНИЙ ОРАНЭЛЫ

НА ПЕРВЫХ Тихоновских чтениях из зала был задан вопрос: кто был автором проекта Центральной станции общества Ораниенбаумской электрической железной дороги (в дальнейшем ОЭЖД) на ул. Калинина, 55?

Я считаю таковым инженером путей сообщения Фридриха Оскаровича Тейхмана (1874–1942), хотя пока и не обнаружил подписанных им чертежей. Они могли находиться у самого Тейхмана, погибшего в осажденном Ленинграде, или в архивах Пермского края, куда в 1920–1921 гг. было эвакуировано оборудование электростанции общества для сооружения Кизеловской ГРЭС.

В 1921 г. особоуполномоченные ВСНХ по демонтажу электрической станции ОЭЖД проф. А. Ф. Квасков и М. Д. Каменский сообщили в ВСНХ, что инженер Тейхман, «строивший Ораниенбаумскую станцию и располагающий массой мелких деталей чертежей здания станции, явился бы наиболее подходящим лицом для составления проекта и материальной сметы» этой ГРЭС. Они предложили ему «составить материальную смету и проект здания на месте», и от него было «получено соответствующее предложение об условиях выполнения данного поручения»*.

Строительство первой в России электрической железной дороги началось в июне 1913 г., и государственной инспекции «была предъявлена копия плана участка под силовую станцию, скрепленная подписью главного производителя работ инженера Тейхмана», подтверждающая его авторство**.

«План строительных работ на 1914 год» предусматривал сооружение обществом путевого полотна, линейных сооружений дороги и производственных зданий с указанием ответственных лиц. Строительством путевых сооружений руководил инженер А. Г. Яковлев, старший производитель строительных работ

* ЦГА СПб. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2. Л. 25 об.–26.

** ЦГИА СПб. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 9. Л. 113.

управления по постройке ОЭЖД. Второй группой работ заведовал Ф. О. Тейхман. Он же руководил строительством центральной электростанции общества*.

В предложении правления общества «инженеру п. с. Федору Оскаровичу Тейхману» от 5 декабря 1912 г. подтверждается решение правления от 30 мая поручить ему «составление проекта здания и сооружения Центральной электрической станции (набережная для разгрузки судов, каналы для конденсационных вод, отстойные камеры, угольные склады, фундамент транспортера для угля, котельная, машинный зал, помещения для распределительного устройства и пр.). Станция будет возведена на участке земли в дер. Волынкиной на берегу р. Екатерингофки у Портовой ветки Николаевской ж. д. <...> поручаем Вам составить по данным, касающимся механического и электрического оборудования станции, которые Вам впоследствии будут сообщены нами, как предварительные чертежи, смету и другие данные для представления их на утверждение, так и детальный рабочий исполнительный проект, расчеты прочности отдельных частей здания, сметы, общую и на отдельные сооружения, технические условия и кондиции на сдачу отдельных работ по постройке, как-то работ фундаментных, каменных, столярных, слесарных и т. д. <...> Выработанные Вами технические условия, кондиции, чертежи, расчеты и сметы послужат для вызова конкурентов, причем мы оставляем за собой выбор подрядчиков. Полная ответственность за правильность составления проекта и расчета лежит всецело на Вас; <...> Вознаграждение Ваше определяется в размере 1,2% с общей подрядной цены, по которой будет сдана постройка здания электрической станции и других сооружений, если проектирование таковых Вам будет поручено»**.

Несомненно, правление общества ОЭЖД пригласило для проектирования и строительства зданий своей железной дороги именно Тейхмана как опытного и ответственного специалиста, проектировавшего здание электростанции первой очереди столичного трамвая в качестве заведующего отделом гражданских сооружений строительства городского трамвая.

* ЦГИА СПб. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 13. Л. 18, 19.

** Там же. Д. 24. Л. 2–4.

В марте 1913 г. Тейхман отправляет в правление первые чертежи: «Генеральный план расположения здания Центральной электрической станции», «согласованные с г. Рассон (бельгийский подданный Леон Рассон — начальник электротехнического отдела общества ОЭЖД, отвечающий за электрическую «начинку» сооружений. — Н. Г.) эскизные чертежи Центральной станции (разрезы и план), а вскоре и «Пояснительную записку к проекту Центральной станции». В июне 1913 г. Ф. О. Тейхман посылает «в одном экземпляре чертежи с 1–17 общего проекта Центральной станции», затем «эскиз пристройки шириною 8 метров»*. Он докладывает Правлению общества: «что касается фасада станции, то в настоящее время мною заканчивается переработка фасада и я на днях вышлю исправленный фасад». 8 июля 1913 г. Тейхман обратил внимание инженера организации-подрядчика Гюбнера «на то, что если какая-нибудь работа будет произведена по чертежу, не удостоверенному мною или моим помощником В. Ф. Бульба, то вся ответственность за возможные переделки лежит на обществе „Вайс и Фрейтаг“ (АО «Вайс и Фрейтаг» — петерб. отделение немецкой фирмы-подрядчика. — Н. Г.)»**.

Правление общества ОЭЖД предлагает Тейхману еженедельно высылать отчеты о начавшемся строительстве. Контроль за строительством сотрудники технической конторы Ф. О. Тейхмана осуществляли круглосуточно. На время своего отсутствия в Петербурге Тейхман передал свои обязанности «помощнику моему архитектору Оскару Францевичу Шульцу», а «Доклад № 3» 15 июля подписан сотрудником Тейхмана: «За инженера Ф. О. Тейхмана — В. Бульба». В сентябре 1913 г. Тейхман сообщил в правление общества, что «непрерывно на работах по постройке здания находится мой техник студент технолог Вадим Петрович Гертопан и десятник Волков. При ночных работах я ставлю еще десятника Балаина. <...> когда я считаю это необходимым... я высылаю на постройку своего техника Вениамина Федосеевича Бульбу»***.

В июле 1913 г. Тейхман передал «помощнику главного инженера А. А. Каменскому в трех экземплярах чертежи Центральной станции для представления в МПС», затем «в 15-ти экземплярах

* ЦГИА СПб. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 24. Л. 37, 39, 53–63, 86, 88.

** Там же. Л. 113, 149.

*** Там же. Л. 138; Д. 133. Л. 71.

чертежи на 6-ти листах Центральной станции». Подписывает Тейхман и финансовые документы: «Вследствие просьбы г. Рассон сообщаю, что общество „Вайс и Фрейтаг“ будет просить об уплате за нижеуказанные материалы и исполненные работы по 1-е августа с. г. <...> Указанное количество материалов и работ м. б. мною удостоверено»*.

«Все чертежи по контракту были мной изготовлены и переданы 12-го июля с. г., — сообщает Ф. О. Тейхман. — В этих чертежах г. Рассон пожелал сделать целый ряд исправлений, согласно последних переговоров с Обществом „Вайс и Фрейтаг“. Изменения эти потребовали значительного исправления калек, а частью полной замены их новыми, что не могло быть быстро мною исполнено, т. к. я занят в настоящее время усиленной работой по выработке рабочих чертежей. Выработка этих чертежей отнимает очень много времени благодаря тому, что как фирма „Броун и Бовери“, так равно и „Бабкок и Вилькокк“ постоянно меняют свои данные и поэтому приходится по несколько раз изменять чертежи и расчеты, что... совершенно не дает возможности целесообразно распределить работу»**. В конце августа 1913 г. Тейхман выслал «в пяти экземплярах чертежи на 6-ти листах исполнительного проекта Центральной станции»***.

В сентябре 1913 г. Ф. О. Тейхман просит правление общества «безотлагательно дать окончательное распределение помещений в пристройке» центральной станции. Вскоре он получил «исполнительный проект Г № 5» с отметками правления: «В первом этаже помещаются: вестибюль, комната для швейцара, аккумуляторная, мастерская, помещение фильтров. Мы указываем площадь аккумуляторной в 4,3×9 метров». Правление же просит Тейхмана предоставить «чертежи крыш всех строящихся в настоящее время зданий общества (центральная станция, вагонный сарай, мастерская)». Он отвечает, «что балки пристройки будут уложены согласно чертежа Броун и Бовери. При этом должен указать, что столь позднее получение данных потребовало полного переставления уже законченного проекта»^{4*}.

* ЦГИА СПб. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 24. Л. 153–154, 169–169 об.

** Там же. Л. 220.

*** Там же. Л. 253.

^{4*} Там же. Д. 133. Л. 18, 47.

В октябре правление общества обращается к Тейхману с пожеланием «иметь все вообще какие-либо вырабатываемые Вами чертежи и эскизы по постройке здания центральной станции и мы покорнейше просим Вас прислать нам их незамедлительно в 6 экз. каждый», т. к. «непредставлением упомянутых чертежей и эскизов Вы задерживаете все вырабатываемые нами проекты электрического и механического оборудования центральной станции, существенно связанные с постройкой самого здания, как-то: транспортер, трубопроводы, распределительное устройство, отопление и т. д.»*.

В начале 1914 г. Тейхман напоминает представителю общества «Вайс и Фрейтаг», «чтобы на работах по постройке центральной станции не производилось никаких работ без моего разрешения. В случае получения каких-либо распоряжений помимо меня непосредственно от правления общества... прошу немедленно мне сообщить для получения от меня разрешения на производство означенных работ». Главный инженер общества ОЭЖД считает это «заявление инженера Тейхмана совершенно правильным», так как «Тейхман является ответственным производителем работ»**.

Инженер Ф. О. Тейхман проектировал не только Центральную электростанцию, но и здания тяговых подстанций общества, а также вагонного парка и депо в Княжеве. «Для возможности сделать эскиз служебного дома в Княжево прошу сообщить, хотя бы приблизительно, — пишет он в августе, — какие помещения и каких площадей желательно разместить в означенном здании». Передавая эскизный проект служебного дома в Княжево, Тейхман указывает, что, не получив «каких-либо указаний относительно величины необходимых помещений таковые во избежание задержки назначены мною по моему личному соображению»***. Так как «освещение мастерских в Княжево может оказаться недостаточным в средней части здания, — предлагает Тейхман, — для его улучшения следовало бы устроить на крыше фонари, как показано на прилагаемом эскизе. На том же эскизе показаны и вентиляционные вышки»^{4*}.

* ЦГИА СПб. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 133. Л. 107, 110.

** Там же. Д. 133. Л. 207, 208.

*** Там же. Д. 122. Л. 39; через три недели чертежи были готовы (Л. 44).

^{4*} Там же. Л. 30 (на крыше депо и сейчас видны стеклянные фонари, изготовленные на заводе Сан-Галли).

28 августа 1913 г. правление общества просит Тейхмана «узаконить» чертежи своей подписью: «Прилагая при сем детальные чертежи железобетонных конструкций Центральной станции... вагонного сарая... мастерских... имею честь просить возвратить таковые с необходимыми исправлениями и Вашей подписью»*.

На основе изложенного можно назвать инженера п. с. Ф. О. Тейхмана автором реализованных проектов производственных зданий общества ОЭЖД, т. к. в 1913–1915 гг. ему пришлось творчески перерабатывать как проекты самого общества, так и проекты поставщиков энергетики, и проекты строительного общества «Вайс и Фрейтаг».

В те же годы Ф. О. Тейхман был сначала помощником, затем главным инженером строительства Дворцового моста, преподавал в Политехническом институте (с 1896 г.), где организовал инженерно-строительное отделение института и был первым преподавателем курса «Строительное искусство».

* ЦГИА СПб. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 122. Л. 32.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЛОТИНА И КАСКАД НА РЕКЕ СЛАВЯНКЕ НАПРОТИВ ДАЧИ К. А. МАННА В ПАВЛОВСКЕ

СЕРЕДИНЫ XIX в. Павловск становится любимым дачным местом жителей Петербурга. Владельцем одной из дач являлся Константин Александрович Манн (28.03.1830, Владимир — 27.12.1882, Петербург). Он был видным чиновником Морского министерства (1861–1875), директором канцелярии министерства, членом Адмиралтейств-совета, организатором флотских музыкальных хоров. Окончил институт восточных языков (1846) и Московский университет (1850). В ответ на прошение от тайного советника К. А. Манна о предоставлении ему участка земли на пустопорожном малопригодном, в овраге, месте он в 1873 г. получает ответ о пожаловании ему испрашиваемого участка в Павловске по Кладбищенской дороге, между дачами Юрьевича и Брюллова, а также рассрочку платежа поземельных денег на 10 лет*. Генерал-адъютант Семен Александрович Юрьевич (1798–1865) владел соседним участком с 40-х гг. XIX в. Он был помощником воспитателя наследника, цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Вокруг дачи был разбит небольшой парк, на пологом склоне которого С. А. Юрьевич в 1863 г. поставил памятник «Мишень» в память посещения этого места своим воспитанником. После смерти С. А. Юрьевича дачей владели его наследники, которые в 1896 г. подарили участок со всеми постройками Обществу Красного Креста, здесь был открыт «Приют для престарелых и бывших воинов имени генерал-адъютанта Юрьевича». Остатки построек исчезли во время Великой Отечественной войны, но гранитный обелиск и вековые дубы вокруг него сохранились.

В этом месте с высокого берега в излучине реки открывался красивейший вид на долину реки Славянки, парк Мариенталь,

* РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 16753. Эту информацию любезно указал А. Н. Садиков.

Обелиск «Мишень»

крепость Бип. Известно, что к концу XIX в. всё меньше оставалось мест в наиболее престижной части Павловска. И указанное К. А. Манну место для застройки было малопригодным, поскольку представляло собой глубочайший овраг, который хорошо виден на картах Павловска 1803, 1813* и 1842 гг. Овраг был частично засыпан, на верхней береговой террасе построен усадебный деревянный на каменном подклете двухэтажный дом, главным фасадом обращенный к реке. По обрывистому склону каменные (частично сохранившиеся) ступени спускались к небольшому озерку, которое образовалось в русле оврага в результате постройки запруды (или дамбы) в этой части реки. На территории дачи были проложены дорожки, посажены декоративные деревья и кустарники, неплохо сохранившиеся до наших дней. Дом был окружен большим садом, напоминавшим маленький парк, и хорошо виден с Мариинской дороги, проходившей по противоположному берегу реки Славянки. Территория дачи К. А. Манна разграничена

* Автор выражает благодарность С. В. Выжевскому за возможность ознакомления с картами г. Павловска 1803 и 1813 гг.

Фрагмент карты Павловска 1813 г. «Языками» показан овраг.
Фотокопия из музея г. Павловска

с дачами Брюллова и Юрьевича двумя ручьями, созданными по левой и правой сторонам засыпанного оврага, по крутому перепаду рельефа с высоты вниз к реке, которая была нижней границей участка. К. А. Манн, знавший древние языки, наверняка читал Одиссею, в которой Гомер воспевал пейзажные сады Алкиноя, где «свободно струятся воды и саду границей два источника были; один обтекал, извиваясь, сад <...>, а другой, светлой струею бежал» (перевод В. А. Жуковского). Рядом, в прибрежной зоне, сохранился родник, выход которого на поверхность оформлен в виде небольшого грота, сложенного из туфового камня.

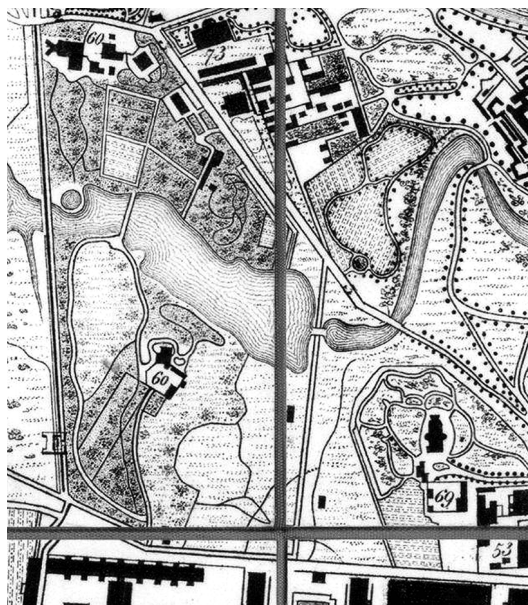
Племянник К. А. Манна (сын его брата Ипполита*), Александр Ипполитович Манн (1864–1922), филолог, переводчик, композитор, в журнале «Исторический вестник» в 1917 г. опубликовал фрагменты воспоминаний своего дяди, в предисловии к которым писал, что «летом 1882 г. гостил в Павловске у своего дяди, члена Адмиралтейств-совета, Константина Александровича, который передал мне свои воспоминания с просьбой опубликовать их после его смерти»**. По завершении публикации племянник

* И. А. Манн (1823–1894) — драматург, музыкальный критик.

** Исторический вестник. Т. 147. 1917. № 1. С. 43–57.

Родник

Фрагмент карты
Павловска Шуберта
1842 г.
Под № 60 — дача
Брюллова, 69 — дача
Юрьевича

Уголок парка

Ледник

Здесь была плотина

возрастными деревьями (дуб, лип, клен, ясень, ива, лиственница европейская) и декоративными кустарниками (сирень, жасмин, корнус, спирея, смородина альпийская, жимолость и др.). Парк зарос самосевом малоценных древесно-кустарниковых видов. Чрезвычайно богат видовой состав травянистой растительности. Из представителей зоофауны встречается редкая для Северо-Запада разновидность лягушки — лягушка озерная (*Rana ridibunda*), возможно, завезенная из Франции*. Сохранились Вторая Линновская дорога и несколько древних гигантских лип, которые растут вдоль нее. Плотина была разрушена (старожилы помнят, что до войны у нее любили купаться). Утрата плотины привела к исчезновению небольшого озера, очертания береговой линии которого остались. На месте бывшей плотины в воде сохранились остатки деревянных свай и две земляные насыпи по обе стороны реки Славянки. В первозданном виде сохранился

* Лягушка озерная // URL: http://biom.narod.ru/ecolog/zoophoto/gady/amphibia/rana_ridib.htm.

Линновский каскад

Архитектурный элемент Большого каскада в Павловском парке.
До реставрации

каскад, созданный из огромных валунов, уложенных ровной грядой. Вода, с шумом падая с каскада, создает бурлящий, пенящийся поток, что производит впечатляющий эффект. Вдоль береговой линии в живописном порядке разбросаны массивные валуны. Отметим, что каскад был одним из обязательных элементов парков пейзажного стиля.

Плотина находится в границах парка Мариенталь, включена в основной список «Памятников истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящих под государственной охраной», и названа как «Линновский мост и плотина через р. Славянку, 1790-е гг.»*. Исторический каскад, однако, не включен в этот список, что вызывает большое сожаление, так как по времени создания он явно связан с общим проектом этой гидросистемы и сам по себе является уникальным объектом.

Мариентальский парк был сформирован после того, как в 1790 г. начались работы по углублению р. Славянки. В настоящее время он является общегородским парком Павловска. В 2014 г. были закон-

* Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: справочник. СПб., 2003. № 1673. С. 422.

Бертанов мост и плотина с каскадом ступенчатого профиля в парке Мариенталь. Фрагмент открытки. Издательство «Rishard». 1906 г.

чены работы по реставрации Большого каскада (Ч. Камерон, 1787; В. Бренна, 1792) в Павловском парке, который был оформлен в виде отвесной каменной стены, увенчанной балюстрадой с двумя вазами по бокам. Всего же в парках Павловска было тридцать каскадов.

Дирекция парка Мариенталь готовится к воссозданию исторического облика парка. Предполагаются снос новодельных хозяйственных построек, воссоздание пешеходных дорожек, устройство газонов, посадка деревьев и кустарников с учетом исторического ассортимента. В 2013 г. были проведены работы по очистке русла и береговой линии реки Славянки от валежа, строительного и бытового мусора. Нам кажется, что настало время восстановления и исторической Линновской плотины, которая поднимет уровень воды в реке в одном из самых живописных районов парка Мариенталь, являющегося объектом культурного наследия федерального значения.

Материалы, представленные в публикации, вводятся в научный оборот впервые.

ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗАЮЩИХ УЛИЦ.
ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ КРЕСТОВСКОГО ОСТРОВА

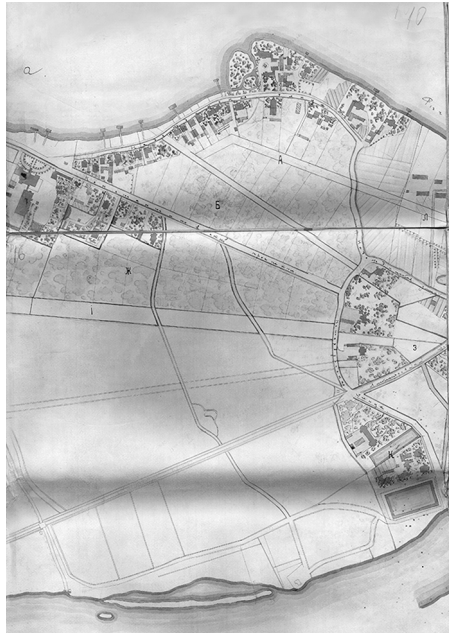
КРЕСТОВСКИЙ остров был и остается островом контрастов. Здесь изящный необарочный дворец кн. Белосельского-Белозерского соседствовал со скромными деревенскими постройками; поле для конного поло — с покосами, а блестящий Императорский речной яхт-клуб — с достаточно демократичными спортивными обществами, во множестве арендовавшими участки у владельцев острова. Это, в частности, нашло отражение и в планировке острова. Основу планировочного решения составляет пятилучие просек-проспектов, проложенных в XVIII в. Это современные Морской, Динамо, Крестовский, Константиновский проспекты и улица Вакуленчука. Состояние планировки на 1789 г. отражает «План восточной части Крестовского острова» Н. Бетлинга*.

Главная ось композиции — Морской проспект, который делит остров пополам и соединяет восточную его оконечность (здесь находились и шведская допетровская деревня, и «дворцы» первых владельцев: царевны Натальи Алексеевны, а затем А. Д. Меншикова и Б. Х. Миниха) со взморьем. Александровский проспект (пр. Динамо) также проложен от освоенного участка на восточной стрелке к «Охотничьему замку» очередных владельцев острова, Разумовских, в дальнейшем перестроенному другими владельцами, Белосельскими-Белозерскими. Крестовский проспект подводит к парадному въезду в эту усадьбу и далее идет к реке Чухонке. Константиновский проспект заканчивался у моста на Елагин остров, где образовалась деревня Новая, затем Ново-Крестовская. От пятого луча (Сергиевский пр.) остался только небольшой отрезок — нынешняя улица Вакуленчука.

При продаже острова в августе 1803 г. отмечалось, что «граф Петр Кирилов что сын Разумовский продал действительному тайному советнику и ордена Св. Иоанна Иерусалимского командору

* ГРМ. Р-5157.

«План Крестовского острова во владении кн. Белосельского-Белозерского». Фрагмент. ЦГИА СПб.

кн. Александру Михайлову сыну Белосельскому крепостное свое неделимое имение за 120 тысяч рублей ассигнациями* . Остров был продан «со всеми на нем имеющимися строениями, лесом, санными покосами и рыбными ловлями и с находящейся на том острове деревней именуемую Новою, с написанными на ней по пятой ревизии крестьянами мужеского полу 27 душами»** . Деревня эта, первыми жителями которой были принадлежавшие Разумовским крепостные крестьяне, в дальнейшем разрослась и стала резко контрастировать своей достаточно хаотичной застройкой с четкой планировочной основой острова.

На плане атласа Цылова***, составленном в 1849 г., кроме основного пятилучия показана еще одна дорога, соединяющая место расположения первых дворцов владельцев острова на восточной

* ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 573. Л. 3.

** Там же.

*** Атлас тринадцати частей Санкт-Петербурга / сост. Н. Цылов. М., 2003. С. 337.

План части Крестовского острова владения
кн. Белосельского-Белозерского. 1910-е гг. (?). ЦГИА СПб.

его оконечности с деревней и перевозом (затем с мостом) на Елагин остров.

Рассмотрим подробнее развитие восточной части Крестовского острова. Местность эта была в первую очередь очищена от леса, при Меншикове разбит плодовый сад. На плане Шуберта* 1828 г. именно здесь мы видим хорошо обработанную территорию сельскохозяйственного назначения. Вдоль берега реки Крестовки проложена дорога, по направлению соответствующая будущей Ольгиной улице. Есть еще аллея — может быть, будущий Эсперов проспект.

В XIX в. зафиксировано только два случая продажи участков на Крестовском острове. Один участок располагался на Александровском проспекте (пр. Динамо), 1. Генерал-майор Александр Абрамович Перетц, в то время состоявший доверен-

* Подробный план столичного города Ст. Петербурга / сост. Ф.Ф. Шуберт. СПб., 1828.

ным лицом князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского, владел участком с 1865 г. вплоть до своей смерти в 1872 г., затем в 1873 г. это владение перешло вдове тайного советника Елизавете Густавовне Перетц и статскому секретарю Егору Абрамовичу Перетцу (брату умершего)*. От наследников по купчей от 15 октября 1874 г. имущество вновь перешло к князю Константину Эсперовичу Белосельскому-Белозерскому. В деле есть и размеры участка: «по дороге лежащей с дачи князей Белосельских-Белозерских на Каменный остров (т. е. по нынешнему пр. Динамо. — Е. Н.) 422/3 сажени, по правой границе берегом реки Крестовки 14 сажений, перелом влево 71½» и т. д.**

Во владении семейства Перетц в 1870-е гг. находились: «1) Дача деревянная 2-х этажная на каменном фундаменте крыта железом, к ней принадлежат: а) флигель, в коем кухня, 4 людских и прачечная; б) особо конюшня, сарай каретный и кучерская; в) особо ледник и навес для дров. (Вышеперечисленные постройки были в личном распоряжении самих владельцев. — Е. Н.) 2) Оранжерея деревянная с парниками и жилыми строениями и огородным местом в аренде у иностранца Миллера. 3) Дача деревянная с мезонином на деревянных стульях, крыта тесом с огородным местом с домиком для огородников, земли 4100 кв. сажений отданы в аренду мещанину Михайлову»***.

Такое, можно сказать, сельскохозяйственное использование этой части острова подтверждает и архивный «План Крестовского острова, владения князя Белосельского-Белозерского»^{4*}. В архиве документ не датирован, скорее всего, он отражает ситуацию на 1880-е годы^{5*}. План выполнен от руки в единственном экземпляре и раскрашен. Самое удивительное, что здесь находились не только огороды и сады, но и пашни (они обозначены желтым цветом).

На плане уже нанесена Надеждинская (с 1941 г. Депутатская) улица. Свое начало она брала от Александровского пр., где был свободный выход на берег Малой Невки. Трасса достаточно извилиста,

* ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1189. Л. 53.

** Там же. Л. 7.

*** Там же. Л. 3.

^{4*} ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 169. Д. 302. Л. 10.

^{5*} Нестерук Е. В. Неизвестная часовня на Крестовском острове // Фонтанка. 2012. № 12. С. 67.

что, скорее всего, связано с конфигурацией первоначальных участков. Название Надеждинская известно с 1877 г.^{*}, происходит от имени Надежды Дмитриевны Белосельской-Белозерской (урожд. Скобелевой), жены последнего владельца острова, князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского. 16 апреля 1887 г. улица была переименована в Холмогорскую, однако это название не прижилось, и на планах XX в. она вновь именуется Надеждинской. Часть улицы от пр. Динамо до Петроградской ул. существует только в форме проезда по территории больницы № 31.

Интенсивная застройка Крестовского острова началась после 1905 г., когда Опекунское управление, учрежденное по просьбе князя Белосельского-Белозерского, стало продавать участки^{**}. Очевидно, с целью рекламы был выпущен печатный «План части Крестовского острова владения князя Белосельского-Белозерского»^{***}, благодаря которому можно четко определить границы вновь нарезанных участков и их нумерацию. В процессе продажи участки могли быть объединены. Думаю, этот документ привлечен впервые, точную дату составления плана указать сложно, скорее всего, 1910-е гг.

Участок 3 а-б по Надеждинской ул. арендовало «Спортивное гимнастическое общество „Пальма“». Павильон для занятий был построен архитектором Ф. Ф. Постельсом в 1909 г. (не сохранился)^{4*}.

Так как участок № 3 по Надеждинской был протяженным (литеры от «а» до «л»), то участок № 5 (сейчас это приблизительно Депутатская ул., 9) находился уже за пересечением с Ольгиной улицей. Этот адрес связан с поэтом Сашей Черным, он жил здесь в 1911–1913 гг. Ни одна дореволюционная постройка в этой части улицы не сохранилась.

Отрезок Депутатской ул. от Ольгиной ул. до Средней Невки был перекрыт уже в наши дни, т. к. здесь разместили коттеджи для сотрудников Конституционного суда. Судьи получили дома

* Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / авт.-сост. А. Г. Владимирович и др. СПб., 2013. С. 110.

** Зорина Л. М. Чей остров? // Санкт-Петербург. 1994. № 1 (7). С. 3.

*** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8843. Л. 18.

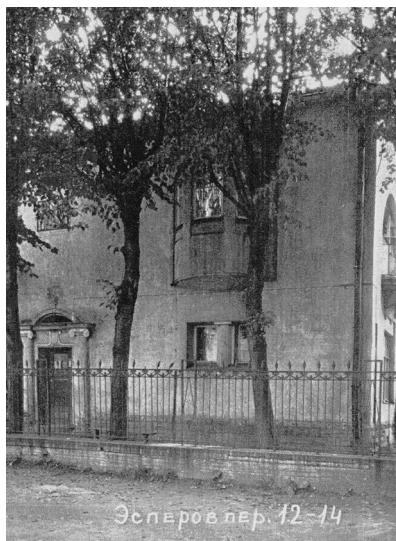
4* Архитекторы — строители Санкт-Петербурга сер. XIX — нач. XX в.: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 251.

с видом на Елагин и Каменный острова, а петербуржцы лишились одной из городских улиц.

Второй проезд, проходящий сейчас по территории больницы № 31, — это бывший Эсперов пр. (с 1930-х гг. был вариант Эсперов пер.), названный в честь одного из Белосельских-Белозерских: или Эспера Александровича (1802–1846), отца Константина Эсперовича, или же Эспера Константиновича (1871–1921), сына последних владельцев острова.

Продолжением Эсперова пр. стала Эсперова ул., сохранившаяся до сих пор, но практически утратившая историческую застройку. Так что, возможно, увековечены были оба Эспера.

От застройки Эсперова пр. на территории больницы сохранились 2 уникальных особняка, построенных архитектором А. И. Клейном в 1910-е гг. * Этот ансамбль называют «Брат и Сестра» **, их владельцами указывают самого Александра Ивановича Клейна и его брата Николая Ивановича. Получается «Два брата», если воспринимать это название буквально. В действительности в 1917 г. участком № 12 владела Фанни Ивановна Флексор ***, а № 14 — Николай Иванович Клейн. Сам же архитектор А. И. Клейн владел участком № 18 по Эсперову пр. Как удалось выяснить, Фанни Ивановна была тещей братьев Клейн. Судя по фотографии из фондов ЦГАКФД СПб, прежняя нумерация еще сохранялась в 1961 г.

Один из особняков,
построенных А. И. Клейном.
Эсперов пер., 12–14.
Фотография 1961 г.

* Архитекторы — строители Санкт-Петербурга... С. 161.

** Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов: справочник / науч. ред. Б. М. Кириков. СПб., 2001. С. 270.

*** Весь Петербург... на 1917 г.: адр. и справ. кн. С.-Петербурга. СПб., [1917]. С. 434.

Ольгина ул., 19 — Эсперов пер., 3
(владелец Р. Ф. Мельцер).
Фотография 1961 г.

Особняки обращены друг к другу совершенно одинаковыми фасадами. Стиль их можно определить как неоклассический, но я бы сказала, что автор как будто «играет» с различными архитектурными формами. Колонны, обрамляющие входы, намеренно более масштабны. Полуциркульные окна второго этажа расположены не совсем традиционно и тоже как будто «велики» фасадам. Сохранились некоторые классицистические детали лепного декора. Сейчас адрес этого маленького ансамбля — пр. Динамо, 3, но, к сожалению, особняки мало доступны для осмотра. Внутри, по заверениям персонала больницы, ничего не сохранилось.

Практически напротив находился участок № 3 по Эсперову пр., принадлежавший Роману Федоровичу Мельцеру*. Очевидно, участок был сквозной и по Ольгиной ул. имел № 19**. Еще в 1961 г. на этом месте сохранился каменный трехэтажный дом.

Название Ольгина улица известно с 1908 г.*** и происходит от имени Ольги Константиновны, дочери Константина Эсперовича и Надежды Дмитриевны Белосельской-Белозерской, в замужестве княгини Орловой. Образ Ольги Константиновны Орловой останется в памяти широкого круга любителей искусства благодаря портрету В. А. Серова (1911 г.).

Улице повезло — она никогда не переименовывалась (существовал также вариант Ольгинская улица). Но, к сожалению, исчезли почти все постройки, возведенные на этой маленькой улице в нача-

* Весь Петербург... на 1917 г.

** Там же. С. 277.

*** Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга... С. 323.

Один из особняков, построенных А. И. Клейном.
Фотография автора, 2013 г.

ле XX в. До наших дней сохранился только один особняк, принадлежавший Ф. И. Андреевскому. Особняк двухэтажный, каменный, построенный в 1910-е гг. в стиле модерн, архитектор не установлен. В щипце помещен картуш с буквой «А». Имена владельцев утраченных зданий были достаточно громкие, в том числе это архитекторы Э. А. Густавсон, Р. Ф. Мельцер, И. А. Претро, Л. А. Ильин.

Участки, имеющие четные номера, были особенно привлекательны, т. к. они выходят на берег реки Крестовки. Не случайно здесь располагалось несколько известных гребных клубов, например «Английское гребное общество „Стрела“» на Ольгиной ул., 6. Юридически участки 4 и 6 принадлежали Артуру Давидовичу Макферсону*, почетному председателю этого клуба, создателю и председателю «Крестовского лаун-теннис клуба», много сделавшему для спорта в Петербурге и в России в целом. Жил же Артур

* См. о нем: Фоменко Б. Три страсти Артура Макферсона. М., 2008.

Давидович с семьей поблизости — на Александровском пр., 1, что подтверждают не только адресные книги «Весь Петербург...», но и воспоминания А. Д. Зиновьева, который писал: «...от внешнего мира и от своих мы не были еще совсем отрезаны, чему доказательством вскоре стало появление жившей против Комиссариата добрейшей Э. Р. Макферсон, угостившей нас, при содействии своей дочери и племянников (Мертенс), чаем, а затем и посещение Лизы Б»*. Комиссариат, где содержались задержанные, находилась на даче Путилова (Александровский пр., 2).

Изображения здания клуба «Стрела» хорошо известны. В советское время клуб получил название «Буревестник», но в конце 1990-х гг. был перепрофилирован в «Базу коммерческого бокса»**. Историческое здание сторело еще раньше, а в наши дни оно воссоздано уже по другому адресу: Депутатская ул., 9. Сейчас здесь гребной клуб СПбГУ.

Участок № 8 по Ольгиной ул. принадлежал И. Ф. Кругу («Весь Петроград... на 1917 год»), есть только изображение дома, находившегося по этому адресу. Участок № 10 принадлежал архитектору Э. А. Густавсону, много строившему на Крестовском острове. Среди его работ — клуб Северного банка***, сохранявшийся на стадионе «Динамо» еще в начале 1930-х гг. До наших дней дошла и другая постройка Густавсона — каменный дом Дмитрия Львовича Бенкендорфа (№ 6–8 по Крестовскому пр.), отставного штабс-капитана^{4*}, а не художника Дмитрия Александровича. Ошибка в одной букве в справочнике «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга» породила эту версию, озвученную в «Санкт-Петербургских ведомостях»^{5*}.

Изображение собственной дачи архитектора Густавсона (дом № 10 по Ольгиной ул.) обнаружить пока не удалось. В представлении старожилов именно здесь находился дом, где жил герой

* Зиновьев А. Д. Переживания в Петрограде в июле и августе 1918 года // От Музея Старого Петербурга к Государственному музею истории Санкт-Петербурга: исследования и материалы / сост. В. А. Фролов. СПб., 1997. С. 179.

** Фоменко Б. Указ. соч. С. 51.

*** Зодчий. 1909. № 38. С. 56.

^{4*} Весь Петербург... на 1913 г.: адр. и справ. кн. С.-Петербурга. СПб., [1913]. С. 49.

^{5*} Петров С. Крестовский остров // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. № 105. 10 июня.

А. Н. Толстого инженер Гарин. Дача была разрушена уже в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Примерно на месте бывших участков 8 и 10 (Ольгина ул., 8), находится современное здание гребного клуба Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ) — раньше ЛКИ, или «Корабелки». Со слов К. М. Немчинова, который как заведующий кафедрой физкультуры этого университета участвовал в строительстве, автором проекта является архитектор Иосиф Григорьевич Буслович. Здание возводилось в начале 1970-х гг. Сам архитектор эмигрировал, единственное, что пока удалось обнаружить о нем: в журнале Союза архитекторов значится, что из состава Союза он «выбыл механически».

Здание гребного клуба выстроено из красного кирпича и очень интересно по объему, оно перекликается с островерхой «Бабой-Ягой» на Каменном острове (собственная дача архитектора Мельцера). С другой стороны, функция здесь явно отражается в конструкциях, что говорит о наследии конструктивизма. СПбГМТУ по-прежнему использует здание как базу гребцов, но второй этаж сдан в аренду ресторану «На речке». Веранды, застекленные для нужд ресторана, искажают объемы здания, а прилегающая улица постепенно превращается в парковку для посетителей ресторана.

Прежние участки 16, 18, 20 по Ольгиной ул. принадлежали архитектору Льву Александровичу Ильину. О них известно только, что участки были застроены. Интересно, что в 1925 г. адрес архитектора Василия Ивановича Шене, лишившегося собственной дачи на Каменном острове, — Ольгина ул., 16*.

Чем так привлекала Ольгина улица именно архитекторов, сказать трудно, может быть близостью реки, уединенностью острова, что способствовало творческим занятиям. Коммерческая выгода от строительства в основном 2–3-этажных домов была сравнительно невелика.

Выше упоминалось, что участок № 19 по Ольгиной ул. был сквозной (№ 3 по Эсперову пр.) и принадлежал архитектору Р. Ф. Мельцеру. Вид этого дома на 1961 г. отражает фотография

* Весь Ленинград... на 1925 г.: адр. и справ. кн. Ленинграда. Л., [1925]. С. 446.

из ЦГАКФФД СПб. Автор постройки не установлен, но выскажем предположение, что застройку собственного участка Мельцер вряд ли бы поручил постороннему архитектору, и тогда это еще одно произведение известного мастера. В архиве КГИОП никаких данных по этой части острова нет. Во всяком случае, такой устный ответ был получен мною в 2013 г. Сам Мельцер дает этот адрес в 1916 г. как рабочий, возможно, здесь была его контора*. Остальные квартиры сдавались внаем, в некоторых случаях указывается номер дома, в некоторых — просто Ольгина ул., дом Мельцера. В такой форме указан адрес Георгия Карловича Бранденбурга**. В доме 19 по Ольгиной ул. была также контора строительных работ архитектора Александра Марковича Эрлиха.

Участок № 15 по Ольгиной ул. принадлежал жене архитектора И. А. Претро Елизавете Ивановне; изображение этого дома пока не найдено. Рядом находились участки: № 13 — владелец Яков Яковлевич Лабгардт; № 14 — владелец Яков Игнатьевич Ковальский; № 1–3 — владелица Устинья Петровна Коняева.

Безвозвратно утрачен бывший Сергиевский проспект, названный по имени Сергея Константиновича Белосельского-Белозерского (1867–1951), сына последних владельцев Крестовского острова***. От проспекта остался только небольшой отрезок — нынешняя улица Вакуленчука (с 1939 г.) с единственным домом № 4 (из красного кирпича с элементами готики), построенным Н. Н. Клименко^{4*}. Этот дом стоит на обширном участке (да по Сергиевскому — за по Константиновскому), который в 1906 г. принадлежал личному почетному гражданину Василию Петровичу Осетрову, в 1911 г. опекуной над имуществом умершего брата была назначена Ольга Петровна Строкова (жена рижского гражданина), от которой 18 февраля 1917 г. оно перешло к полковнику Николаю Ивановичу Одинцову^{5*}. Точной даты постройки дома установить не удалось, но в 1906 г. здание уже обозначено на плане двора. Дом 4-этажный, в нем находи-

* Весь Петроград... на 1916 г.: адр. и справ. кн. С.-Петерб. СПб., [1916]. С. 441.

** Там же. С. 79.

*** Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга... С. 87.

^{4*} Архитекторы — строители Санкт-Петербурга... С. 161.

^{5*} ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8324.

лись квартиры, сдаваемые внаем, чайное заведение и прачечная в мансарде. С 8 января 1906 г. дом находился в арендном пользовании Г. Р. Лонковской*.

Почувствовать атмосферу этого уголка Крестовского острова можно, прочитав стихотворение «Весна на Крестовском» Саши Черного. В 1911–1913 гг. поэт постоянно жил на даче В. А. Ломова (Надеждинская ул., 5) правда, по этому адресу в справочнике указана его супруга М. И. Васильева**. В письме к К. И. Чуковскому поэт точно описывает свой адрес: «По трамваю до угла Введенской и Большого проспекта (№№ 7 и 8), оттуда извозчик (30–40 коп.) или конка (пересадочная от 1-й линии), с которой слезать у Крестовской аптеки. Дом 5 против дома № 20. Дача Ломова»***.

Так и верится, что на фотографии 1910-х гг. Саша Черный сидит в саду на берегу Крестовки:

Сеть лиственниц выгнала алые точки.
Белеет в саду флигелек.
Кот томно обходит дорожки и кочки
И нюхает каждый цветок...

...Качается пристань на бледной Крестовке.
Налево — Елагинский мост.
Вдоль тусклой воды серебрятся подковки,
А небо — как тихий погост...^{4*}

Утрачены улицы, нет милых дач, нет больше и того уклада жизни. Но природа, описанная поэтом, так же расцветает весной, и так же прекрасны «Крестовка, широкое лоно разлива и Стрелки зеленая сень!».

* ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8324; Оп. 4. Д. 1884.

** Весь Петербург... на 1913 г.: адр. и справ. кн. С.-Петербурга. СПб., [1913]. С. 97.

*** Иванов А. Переписка Саши Черного с Корнеем Чуковским // Новый журнал. 2006. № 245.

^{4*} Саша Черный. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 1996.

РАБОТА ЧЛЕНОВ СЕКЦИИ ПРОПАГАНДЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЛГО (СПБ ГО)
ВООПИиК В 1978–1994 гг.: ХРОНИКА СОБЫТИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРА)

В ГОДЫ, указанные в заголовке статьи, Ленинградское городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ЛГО ВООПИиК) проводило большую работу. Ведущие лекторы Ленинграда читали оригинальные циклы лекций по истории и культуре России, лектории: «Памятники России» Г. А. Богуславского, «Архитектура России» Ю. М. Денисова; а также по истории и архитектуре нашего города, лектории: «История Ленинградских улиц» С. С. Бортина, «Архитектура Петербурга — Петрограда начала XX века» Б. М. Кирикова, «Общественные здания Петербурга — Петрограда второй половины XIX — начала XX века» С. Г. Федорова.

Секция пропаганды памятников истории и культуры ЛГО ВООПИиК (далее Общество), кроме того, ежегодно проводила смотры-конкурсы любительских фильмов и «Конкурс фотографий и слайд-фильмов под девизом „Отечество“».

В организации и проведении этих конкурсов, а также в разработке «Положения о Ленинградском городском фотоконкурсе „Отечество“, посвященном памятникам истории и культуры» принимал непосредственное участие Лев Павлович Тихонов — заместитель председателя Президиума Совета Общества, обладающий великолепным художественным вкусом, блестяще знающий историю архитектуры и культуры России и сам являющийся фотолителем с прекрасным видением и пониманием художественной, в том числе и экранной, фотографии. На всех дипломах I, II и III степеней фотоконкурса «Отечество» стоит его личная подпись.

В этих конкурсах участвовали фотолитители — члены фотоклубов дворцов культуры Ленинграда. В 1970-х гг. фотолитители, члены народной фотостудии Выборгского Дворца культуры и фотоклуба Дома ученых им. М. Горького АН СССР перешли от демонстрации отдельных слайдов или серии слайдов к созданию

слайд-фильмов — синтеза изобразительного и звукового ряда. Сначала это были слайды под музыку, но постепенно стали появляться литературно-музыкальные слайд-композиции, а затем и художественные слайд-фильмы.

Зародился новый вид самодетельного творчества — авторский слайд-фильм. Автор слайд-фильма писал сценарий, на основе которого создавал режиссерский сценарий, сам снимал на слайдовскую пленку, то есть был оператором, сам определял звуковое решение (музыка, текст, стихи) и сам же показывал свое произведение. По существу, авторский слайд-фильм использовал весь арсенал кинематографа, за исключением технических средств съемки, поэтому это было своеобразное статическое кино, иногда, правда, выходящее из этого пространства за счет собственной внутренней динамики. У истоков авторского слайд-фильма стояли Евгений Степанович Чижёнок, Лев Николаевич Штерн, Яков Борисович Лехтман, Сергей Иванович Чуруксаев и др.

Постепенно авторский слайд-фильм обрел широкую аудиторию зрителей, прежде всего в творческих союзах, научных институтах и учебных заведениях Ленинграда.

Автор статьи, став членом Общества, в 1972 г. начал слушать лекции по архитектуре и истории города, а участвовать в фотоконкурсах «Отечество» — в конце 1970-х гг. Тогда же в его личном архиве появились первые заметки ленинградской прессы о фотоконкурсах «Отечество».

«В конкурсе 1979 г., — писал В. Ситников в газете „Ленинградская правда“, — приняли участие члены фотоклубов Дворцов культуры. Из 150 представленных на конкурс работ жюри отобрало 46 лучших, которые показываются на выставке, открытой в зале на улице Воинова, 35-а. Среди победителей конкурса Е. С. Чиженок (слайд-фильм „Реквием“), С. И. Чуруксаев (слайд-фильм „Петербург в изобразительном искусстве“), А. Гальперин „Жемчужина Подмосковья“»*.

«Вчера в ЛГО ВООПИиК, — сообщало ЛенТАСС, — состоялось вручение премий и дипломов ленинградцам — победителям VII Всероссийского фотоконкурса „Отечество-79“, на котором

* Ситников В. Победители названы // Ленинградская правда. 1979. 27 ноября.

было представлено более 900 работ со всех концов республики. Слайд-фильм „Поэзия красок Ленинграда“, созданный медиком Я. Б. Лехтманом, отмечен 2-й премией, слайд-фильм геофизика Л. Н. Штерна получил зрительское признание*.

Однако пройдет еще год, пока авторы — создатели слайд-фильмов накопят материал и смогут принять участие в цикле вечеров слайд-фильмов. Первый такой цикл — лекторий «Вечеров слайд-фильмов» ленинградских фотолюбителей, лауреатов фотоконкурсов «Отечество», был подготовлен и представлен секцией пропаганды памятников истории и культуры под руководством Ирэн Александровны Мартыненко.

Л. Азанчевский в заметке «Приглашает Лекторий» в газете «Ленинградская правда» писал, что в ЛГО ВООПИиК открывается новый сезон и что среди получивших популярность лекториев намечается цикл вечеров-встреч с авторами слайд-фильмов, лауреатами Всероссийских фотоконкурсов «Отечество»**.

С октября 1981 г. по май 1982 г. было проведено семь вечеров слайд-фильмов пяти авторов: «Мой город» (Я. Б. Лехтман), «Ленинград и его пригороды» (Л. Н. Штерн), «Памяти героев» (Е. С. Чиженок), «Ленинградская сюита» (Я. Б. Лехтман), «По городам и весям» (Л. Н. Штерн), «Петербург в изобразительном искусстве» (С. И. Чуруксаев), «Русский пейзаж» (А. П. Харченко)***. В ноябрьский 1981 г. план работы Дома общества был включен только что законченный Я. Б. Лехтманом слайд-фильм «Поэзия красок „Краски и слова“» (памяти А. Блока)4*.

На VIII фотоконкурсе «Отечество-81» В. А. Черненко получил свой первый диплом Президиума Совета Общества:

ДИПЛОМОМ / I степени / ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО / ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА / НАГРАЖДАЕТ:
/ Черненко Валентина Андреевича / участника VIII Городского конкурса / «Отечество» / за серию слайдов «Ночной город».

* ЛенТАСС. Награды вручены. «Отечество-79» // Ленинградская правда. 1979.

** Азанчевский Л. Приглашает Лекторий // Ленинградская правда. 1981. 6 октября.

*** Афиша ЛГО ВООПИиК: «Лекторий Вечера слайд-фильмов ленинградских фотолюбителей — лауреатов фотоконкурсов „Отечество“». 1981–1982 гг.

4* Афиша: «План работы Дома ЛГО ВООПИиК на ноябрь 1981 года».

Зам. Председателя Президиума совета / отделения Всероссийского общества / охраны памятников истории и культуры / Л. П. Тихонов / 11 декабря 1981 года*.

28 декабря 1981 г. «Университет кинолюбителя» Ленинградского клуба кинолюбителей при ДК им. Ленсовета провел в Кинотеатре любительского фильма «Вечер любительского слайд-фильма» членов НФС ВДК, а 7 января 1982 г. — вечер «Любительский слайд-фильм (размышления, предложения, рекомендации)»**.

Второй цикл «Вечера слайд-фильмов ленинградских фотолюбителей» был организован секцией пропаганды Общества уже в сезоне 1982/1983 гг. И. А. Мартыненко, ознакомившись с творчеством супругов Галины Сергеевны и Роальда Николаевича Вежелей и супругов Валентины Ивановны и Вадима Валентиновича Михайловых, пригласила их к участию в вечерах. Список участников расширился, вечеров в сезоне стало больше, и они стали еще интереснее.

С ноября 1982 г. по апрель 1983 г. при аншлаге было проведено девять вечеров слайд-фильмов семи авторов: Я. Б. Лехтман провел вечер под названием «Петербург — Петроград — Ленинград» и показал слайд-фильмы «А зори здесь разные» (Петропавловская крепость) и «Краски и слова» (памяти А. Блока); Л. Н. Штерн озаглавил вечер «Поэзия родного края» и представил слайд-фильмы «Отечество нам „Царское Село“», «Вечно живые» и «Белые ночи»; Г. С. и Р. Н. Вежели посвятили вечер культуре Литвы под названием «Плывут века над Литвой» и показали слайд-фильмы «Средневековые реликвии», «Луч литовского солнца — Чюрленис», «Аблинга», «Новый день»; вслед за этим Г. С. и Р. Н. Вежели провели второй вечер под названием «Лики Северной столицы», на котором представили зрителям слайд-фильмы «Венецианские мотивы», «Мастер русского барокко», «Голос из хора» (А. Блок), «Осенняя элегия»; Е. С. Чижёнок обратился к теме «памяти героев» и представил зрителям слайд-фильмы «Реквием», «Саласпилс», «День Победы», «Город мой»; второй вечер Я. Б. Лехтман посвятил природе, назвал его

* Диплом I степени фотоконкурса «Отечество-81» ЛГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за серию слайдов «Ночной город» 11 декабря 1981 г.

** План работы «Университета кинолюбителя» Ленинградского клуба кинолюбителей при ДК имени Ленсовета на 1981/1982 учебный год.

«Времена года» и предложил вниманию зрителей слайд-фильмы: «Валаамские этюды», «Снежная тишь» и «Ленинградская сюита»; свой второй вечер Е. С. Чижёнок провел под названием «Музыка и пейзаж» и показал зрителям слайд-фильмы «Сентиментальный вальс», «Вокализ», «Прелюдия», «Ноктюрн» и «Светлый вальс»; В. И. и В. В. Михайловы представили программу «Садов и парков красота», в которую вошли слайд-фильмы: «Поэзия осени», «Знакомый и незнакомый Ленинград», «Суздаль» и «Осенних парков красота»; завершил цикл В. А. Черненко программой «Пять новелл о Ленинграде», состоявшую из слайд-фильмов: «Мой Ленинград», «Сердце города», «Дом, в котором ты живешь», «Вечерний Ленинград», «Белая ночь на Неве». Для удобства зрителей цикла «Вечера слайд-фильмов ленинградских фотолюбителей», кроме афиш Общество выпустило еще и программы цикла*.

На IX Городском фотоконкурсе «Отечество» в 1982 г. В. А. Черненко получил свой первый диплом уже за слайд-фильм:

ДИПЛОМОМ / I степени / ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО / ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА / НАГРАЖДАЕТ: / Черненко Валентина Андреевича / за слайд-фильм «Белые ночи» / Фотоконкурс «Отечество» / 1982.

Председатель Президиума совета отделения / Всероссийского общества / охраны памятников истории и культуры / Л. П. Тихонов**.

За активное участие в городских конкурсах «Отечество» Президиум Совета Общества награждал фотолюбителей грамотами. В 1983 г. такой грамотой был награжден В. А. Черненко — за активное участие в фотоконкурсе «Отечество» 1983 г. и за активное участие в охране и пропаганде памятников истории и культуры***.

В это время члены секции пропаганды Общества Я. Б. Лехтман, Л. Н. Штерн и В. А. Черненко начинают широко пропагандиро-

* Афиша ЛГО ВООПИиК: «Вечера слайд-фильмов ленинградских фотолюбителей» 1982–1983 гг.; Программа ЛГО ВООПИиК: «Вечера слайд-фильмов ленинградских фотолюбителей» 1982–1983 гг.

** Диплом I степени фотоконкурса «Отечество» ЛГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Белые ночи». 1982 г.

*** Грамота ЛГО ВООПИиК о награждении Черненко В. А. за активное участие в фотоконкурсе «Отечество» и за активное участие в охране и пропаганде памятников истории и культуры. 1983 г.

вать авторский слайд-фильм как самостоятельный новый вид самодетельного искусства уже и на других площадках.

3 мая 1984 г. в Ленинградском клубе кинолюбителей ДК имени Ленсовета на заключительном вечере секции слайд-фильмов сезона 1983/1984 гг. В. А. Черненко выступил с сообщением: «Особенности создания, показа и восприятия слайд-фильма». На том же вечере Я. Б. Лехтман представил зрителям свой новый слайд-фильм «Ленинград: сны и явь», в котором продемонстрировал арсенал средств и приемов повышения художественной выразительности изобразительного ряда (слайдов) слайд-фильма. В заключение вечера развернулась дискуссия по вопросам дальнейшего развития слайд-фильма как самодетельного вида искусства*.

В конце февраля — начале марта 1985 г. в ДК профтехобразования состоялся 1-й фестиваль любительских кинофильмов и слайд-фильмов по туризму. На этом фестивале В. А. Черненко вручили почетную грамоту «За лучшую операторскую работу слайд-фильма „Путешествие в белую ночь“»**.

* Приглашение ДК им. Ленсовета. Кинотеатр любительского фильма. Секция слайд-фильмов. 3 мая 1985 г.

** Почетная грамота ДК профтехобразования В. А. Черненко «За лучшую операторскую работу слайд-фильма „Путешествие в белую ночь“» I Фестиваля любительских кинофильмов и слайд-фильмов по туризму. Ленинград. 1985.

На XI городской фотоконкурс «Отечество» в 1985 г. В. А. Черненко представил слайд-фильм «Героям-панфиловцам», который жюри оценило дипломом II степени*.

В следующем, 1986 г. на Ленинградском конкурсе любительских туристских фотографий, кино- и слайд-фильмов В. А. Черненко был награжден дипломом «За лучшую операторскую работу» слайд-фильма «Ленинград вечерний»**.

На XII городском фотоконкурсе «Отечество-86» в марте 1987 г. В. А. Черненко за слайд-фильм «Дом, в котором я живу» был награжден дипломом II степени***.

За участие в I городском смотре-конкурсе слайд-фильмов и за достижения в этом виде самодеятельного искусства В. А. Черненко 5 апреля 1987 г. был награжден почетной грамотой Ленинградского Межсоюзного дома самодеятельного творчества (ЛМДСТ)4*.

На XIII городской фотоконкурс «Отечество-87», в год 150-летия со дня смерти А. С. Пушкина, В. А. Черненко представил слайд-фильм «Цветы Поэту», которому был присужден диплом III степени5*.

К 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 285-летию Ленинграда И. А. Мартыненко предложила членам секции пропаганды подготовить лекторий вечеров слайд-фильмов «Ленинград в творчестве лауреатов Всероссийских фотоконкурсов „Отечество“». Эта идея была поддержана Л. П. Тихоновым и с успехом реализована авторами в сезоне 1987/1988 гг. Лекторий состоял из семи вечеров пяти авторов: Я. Б. Лехтмана, Л. Н. Штерна, В. А. Черненко и супругов В. И. и В. В. Михайловых.

Открывал лекторий 15 октября 1987 г. Я. Б. Лехтман циклом авторских работ «Петровой волей сотворен и светом ленинским

* Диплом II степени фотоконкурса «Отечество» ЛГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Героям-панфиловцам». 1985 г.

** Диплом ЛТК ЛОСТиЭ о награждении Черненко В. А. «За лучшую операторскую работу слайд-фильма „Ленинград вечерний“» в конкурсе любительских туристских кино- и слайд-фильмов. 1986 г.

*** Диплом II степени фотоконкурса «Отечество» ЛГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Дом, в котором я живу». 1986 г.

4* Почетная грамота ЛМДСТ В. А. Черненко за участие в I городском смотре-конкурсе слайд-фильмов. 5 апреля 1987 г.

5* Диплом III степени фотоконкурса «Отечество» ЛГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Цветы Поэту». 1987 г.

означен», в который вошли слайд-фильмы «Монумент Ленина», «А зори здесь разные», «Соло на арфе», «Ритмы», «Ленинград: симфония красок». Свой второй вечер — пятый вечер лектория — Я. Б. Лехтман проводил 18 февраля 1988 г. с программой «Город мой непостижимый», в которую вошли слайд-фильмы «Александр Блок и Петербург», «Ленинградское взморье», «Голубой город», «Мои туманы» и «Ленинград: и сны и явь».

Второй вечер лектория 19 ноября 1987 г.

Л. Н. Штерн посвятил теме «О Ленинграде говорят стихи», которая была раскрыта слайд-фильмами «Летний сад», «Вечно живые», «Белые ночи». Свой второй вечер — шестой вечер лектория — Л. Н. Штерн проводил 17 марта 1988 г. под названием «Дворцов и парков красота», на котором показал слайд-фильмы «Отечество нам Царское Село» и «Возрожденный из пепла» (Павловск).

На третьем вечере лектория 17 декабря 1987 г. супруги В. И. и В. В. Михайловы представили «Знакомый незнакомый Ленинград» семью слайд-фильмами: «Голос часов», «Окна города», «Гербы», «Осенних парков красота», «Время собирать камни», «Линии» и «Знакомый незнакомый Ленинград».

На четвертом вечере лектория 21 января 1988 г. В. А. Черненко показал цикл слайд-фильмов «Семь новелл о родном городе»: «Мой Ленинград», «Сердце города», «Цветы Поэту», «Дом, в котором ты живешь», «День Победы», «Ленинград вечерний» и «Салют над Невой». Он же и завершил лекторий седьмым вечером

*Навстречу 70-летию Великой Октябрьской
социалистической революции
и 285-летию Лексинграда*

**Ленинградское городское отделение Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры
приглашает Вас**

на

ВЕЧЕРА СЛАЙДФИЛЬМОВ

ЛЕНИНГРАД

**В ТВОРЧЕСТВЕ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКИХ
ФОТОКОНКУРСОВ „ОТЕЧЕСТВО“**

15 <small>1987</small>	„ДЕТРОВОЙ ВОЛЕЙ СТОПОРЕН И СВЕТОМ ЛЕНИНСКИМ ОЗНАЧЕН...“ <small>Автор: Я. Б. Лехтман</small>
19 <small>1987</small>	О ЛЕНИНГРАДЕ ГОВОРЯТ СТИХИ <small>Автор: Л. Н. Штерн</small>
17 <small>1988</small>	ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЫЙ ЛЕНИНГРАД <small>Авторы: В. И. и В. В. Михайловы</small>
21 <small>1988</small>	СЕМЬ НОВЕЛЛ О РОДНОМ ГОРОДЕ <small>Автор: В. А. Черненко</small>
18 <small>1987</small>	„ГОРОД МОЙ НЕПОСТИЖИМЫЙ...“ <small>Автор: Я. Б. Лехтман</small>
17 <small>1988</small>	ДВОРЦОВ И ПАРКОВ КРАСОТА <small>Автор: Л. Н. Штерн</small>
7 <small>1988</small>	„ТВОИХ ЗАДУМЧИВЫХ НОЧЕЙ ПРОЗРАЧНЫЙ СУМРАК...“ <small>Автор: В. А. Черненко</small>

Вечера проходят в Доме ЛГО ВООПИК (улица Воинова, д. 35а) Начало в 19 часов
Транспорт — метро: ст. „Чернышевская“, автобусы: 14, 26, 43, 65, 134 — ост. ул. Воинова,
троллейбусы: 15, 18 — ост. пр. Чернышевского Телефоны: 272-51-68 и 273-44-82

7 апреля 1988 г. слайд-фильмом «Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...» (Мелодии белых ночей) *.

Этот лекторий вызвал необычайный интерес у зрителей, имел огромный успех и великолепные отзывы.

Один из вечеров слайд-фильмов посетили научные сотрудники Государственного Русского музея (ГРМ), среди которых была заведующая лекторием ГРМ Ольга Викторовна Томилина. Они по достоинству оценили ленинградский авторский слайд-фильм и предложили авторам провести свои вечера в лектории ГРМ. Это было, безусловно, признанием достижений нового вида самодетельного искусства. Аудитория зрителей, знакомившаяся с новым творчеством, существенно расширилась. Сначала это были вечера слайд-фильмов, завершающие традиционные циклы лекций лектория ГРМ, а затем авторами был подготовлен и проведен годичный цикл вечеров слайд-фильмов.

Члены секции пропаганды Общества демонстрировали свои слайд-фильмы и в творческих союзах Ленинграда. В Бронзовом зале Ленинградской организации Союза архитекторов (ЛОСА) РСФСР В. А. Черненко, выбранный в это время руководителем секции слайдов и слайд-фильмов НФС ВДК, 11 ноября 1987 г. представил ленинградским архитекторам цикл слайд-фильмов «Пять новелл о Ленинграде» **.

В июле 1988 г. В. А. Черненко демонстрировал слайд-фильм «Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...» в конференц-зале Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина ***.

На IX городском фотоконкурсе «Отечество-88» В. А. Черненко был удостоен диплома I степени за два слайд-фильма — «Город мой заснеженный» и «Прозрачный сумрак...» 4*.

* Афиша ЛГО ВООПИиК: «Ленинград в творчестве лауреатов Всероссийских фотоконкурсов „Отечество“. 1987–1988 гг.»; Программа ЛГО ВООПИиК: «Ленинград в творчестве лауреатов Всероссийских фотоконкурсов „Отечество“. 1987–1988 гг.»

** Афиша. Календарный план работы ЛОСА РСФСР на ноябрь 1987 г.

*** Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Лекционно-массовые мероприятия. Июль 1988 г.

4* Диплом I степени фотоконкурса «Отечество» ЛГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильмы «Город мой заснеженный» и «Прозрачный сумрак...». 1988 г.

В феврале 1989 г. на конкурсе любительских туристских кино- и слайд-фильмов ленинградских авторов В. А. Черненко занял второе место и получил диплом Ленинградского туристского клуба (ЛТК) Ленинградского областного Совета по туризму и экскурсиям (ЛОСТиЭ)*.

На V Ленинградском фестивале любительских туристских кино- и слайд-фильмов слайд-фильм «Лунная ночь на Неве» В. А. Черненко занял второе место и получил диплом**.

На X городском фотоконкурсе «Отечество-89» В. А. Черненко был удостоен диплома II степени за три слайд-фильма — «Петродворец», «Памятник Северной войне» и «Таинство белых ночей»***.

К 150-летию фотографии 18 декабря 1989 г. в НФС Выборгского Дворца культуры и техники состоялся первый творческий вечер В. А. Черненко «15 лет в экранной фотографии» с программой «Архитектура городов СССР: репортаж, портреты, пейзажи». Это было сделано впервые в рамках НФС с типографскими афишами и приглашениями; до этого такими привилегиями пользовались только члены НФС, работающие в черно-белой фотографии и получившие право проведения персональной выставки. Это было свидетельством того, что слайды и слайд-фильмы заняли равные позиции — самостоятельного вида самодеятельного искусства, искусства экранной фотографии^{4*}.

В марте 1990 г. на конкурсе любительских туристских кино- и слайд-фильмов ленинградских авторов слайд-фильм

* Диплом ЛТК ЛОСТиЭ о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Город мой заснеженный» в конкурсе любительских туристских кино- и слайд-фильмов ленинградских авторов. 4–5 февраля 1989 г.

** Диплом ЛТК ЛОСТиЭ о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Лунная ночь на Неве» на V Ленинградском фестивале любительских туристских кино- и слайд-фильмов ленинградских авторов. 31 марта — 2 апреля 1989 г.

*** Диплом II степени фотоконкурса «Отечество» ЛГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильмы «Петродворец», «Памятник Северной войне» и «Таинство белых ночей». 1989 г.

^{4*} План работы НФС ВДКиТ на декабрь 1989 года; Афиша ВДКиТ творческого вечера «15 лет в экранной фотографии» В. А. Черненко. 18 декабря 1989 г.; Приглашение ВДКиТ на Творческий вечер «15 лет в экранной фотографии» В. А. Черненко. 18 декабря 1989 г.

В. А. Черненко «Памятник Северной войне» был признан лучшим и получил диплом ЛТК ЛОСТИЭ за «Лучший фильм»*.

На V Ленинградском фестивале любительских туристских кино- и слайд-фильмов слайд-фильм «Лунная ночь на Неве» В. А. Черненко занял второе место и получил диплом ЛТК ЛОСТИЭ**.

К 45-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне Общество и ДК им. Ленсовета организовали авторский вечер слайд-фильмов В. А. Черненко,

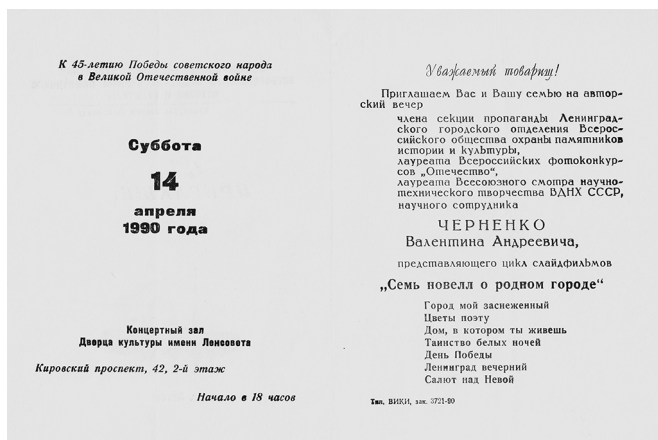
члена секции пропаганды Общества, лауреата Всероссийского фотоконкурса «Отечество» с программой «Семь новелл о родном городе», в которую вошли слайд-фильмы: «Город мой заснеженный», «Сердце города», «Цветы Поэту», «Дом, в котором ты живешь», «День Победы», «Ленинград вечерний» и «Салют над Невой»***.

С октября 1990 г. по май 1991 г. члены секции пропаганды Общества Я. Б. Лехтман, Л. Н. Штерн, В. И. и В. В. Михайловы,

* Диплом ЛТК ЛОСТИЭ о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Памятник Северной войне» — лучший фильм конкурса любительских туристских кино- и слайд-фильмов ленинградских авторов. 17–18 марта 1990 г.

** Диплом ЛТК ЛОСТИЭ о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Лунная ночь на Неве» на V Ленинградском фестивале любительских туристских кино- и слайд-фильмов ленинградских авторов. 31 марта — 2 апреля 1989 г.

*** Приглашение ЛГО ВООПИиК и ДК им. Ленсовета на авторский вечер В. А. Черненко с программой «Семь новелл о родном городе». Концертный зал ДК. 14 апреля 1990 г.

В. А. Черненко, лауреаты Всероссийских фотоконкурсов «Отечество» провели в лектории ГРМ десять вечеров слайд-фильмов «Петербург. Петроград. Ленинград. Пригороды».

28 октября 1990 г. В. А. Черненко прочитал вводную лекцию вечеров слайд-фильмов «Архитектурно-художественный феномен Ленинграда и пригородных дворцово-парковых ансамблей», 27 января 1990 г. выступил с циклом слайд-фильмов «Десять новелл о родном городе», 14 апреля 1991 г. показал слайд-фильм «Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...» и завершил 12 мая 1991 г. вечера циклом слайд-фильмов «Дворцово-парковое ожерелье Ленинграда».

Я. Б. Лехтман представил на вечерах слайд-фильмов программы: 25 ноября 1990 г.— «Город мой непостижимый», 17 марта 1991 г.— «Поэзия красок Ленинграда» и 28 апреля 1991 г. «Петровой волей сотворен...».

Л. Н. Штерн показал циклы слайд-фильмов: 23 декабря 1990 г.— «О Ленинграде говорят стихи...» и 31 марта 1991 г.— «Знаменитые пригороды».

В. И. и В. В. Михайловы 17 марта 1991 г. выступили с циклом слайд-фильмов «Ты всегда таинственный и новый...»*.

* Афиша лектория ГРМ. Циклы лекций на сезон 1990/1991 гг.; Абонемент № 15 лектория ГРМ на цикл вечеров слайд-фильмов «Петербург. Петроград. Ленинград. Пригороды». Ленинград. 1990—1991 гг.

Первый Всесоюзный слайд-фестиваль состоялся 17–18 ноября 1990 г. в городе Харькове; В. А. Черненко стал его лауреатом и был награжден дипломом за слайд-фильмы «Дом, в котором ты живешь» и «Ленинград вечерний»*.

Вслед за этим фестивалем, 19–25 ноября 1990 г., в г. Запорожье состоялся фестиваль слайд-фильмов «Хортица-90». Почти все участники фестиваля из Харькова переехали в Запорожье для участия в новом фестивале. На фестивале слайд-фильмов «Хортица-90» слайд-фильм В. А. Черненко «Дом, в котором ты живешь» вновь получил диплом лауреата и Памятную грамоту**.

На XI городском фотоконкурсе «Отечество» Общества в 1990 г. В. А. Черненко был удостоен диплома II степени за слайд-фильм «Поэтом воспетые» и за активную работу по охране, пропаганде и использованию памятников истории и культуры***.

22 декабря 1990 г. член секции пропаганды Общества, член правления, руководитель секции слайдов и слайд-фильмов НФС ВДКиТ В. А. Черненко провел творческий вечер «Единство слова и образа» члена секции пропаганды Общества, ветерана НФС ВДКиТ Л. Н. Штерна, представившего программу слайд-фильмов: «Белые ночи», «Отечество нам Царское Село», «Коктебельская мозаика», «Вечно живые» и «На берегах туманного Альбиона»4*.

16 февраля 1991 г. В. А. Черненко провел творческий вечер слайд-фильмов члена секции пропаганды Общества, ветерана НФС ВДКиТ Я. Б. Лехтмана, представившего программу слайд-

* Афиша I Всесоюзного слайд-фестиваля, г. Харьков. 17–18 ноября 1990 г.; Диплом лауреата I Всесоюзного слайд-фестиваля В. А. Черненко за слайд-фильмы «Дом, в котором ты живешь» и «Ленинград вечерний», г. Харьков. 17–18 ноября 1990 г.

** Афиша о фестивале слайд-фильмов «Хортица-90», состоявшемся 19–25 ноября 1990 г. в городе Запорожье; Диплом лауреата фестиваля слайд-фильмов «Хортица-90» В. А. Черненко за слайд-фильм «Дом, в котором ты живешь», г. Запорожье. 24 ноября 1990 г.; Кошовий отаман Валерій Пістунов. «Пам'ятна грамота» Валентину Черненко.

*** Диплом II степени фотоконкурса «Отечество» ЛГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Поэтом воспетые». 1990 г.

4* План работы НФС ВДКиТ на декабрь 1990 г.; Афиша ВДКиТ творческого вечера «Единство слова и образа» Л. Н. Штерна. 22 декабря 1990 г.; Приглашение ВДКиТ на творческий вечер «Единство слова и образа» Л. Н. Штерна. 22 декабря 1990 г.

фильмов «Симфония красок Ленинграда», «Ленинградское взморье», «Предрагсветный вальс», «Елагин остров», «Соло на арфе», «Несказанное (природа и фантазия)» и «Ленинград: и сны и явь»*.

О предстоящем творческом вечере Я. Б. Лехтмана, ветерана Великой Отечественной войны, полковника медицинской службы в отставке, было рассказано в заметке В. А. Черненко «Симфония красок Ленинграда» с тремя фотографиями слайдов Я. Б. Лехтмана в газете «Красная звезда»**.

В мае 1991 г. в Ленинграде проходил III Всесоюзный фестиваль народного творчества. Член секции пропаганды Общества В. А. Черненко принял в нем участие и стал лауреатом:

...Оргкомитет фестиваля награждает Черненко Валентина Андреевича и присуждает звание лауреата за слайд-фильмы „Ленинград вечерний“ и „Дом, в котором ты живешь“ члену правления фотостудии ВДКиТ, руководителю секции слайдов и слайд-фильмов, лауреату республиканского „Хортица-90“ и Всесоюзного „Харьков-90“ фестивалей слайд-фильмов. Ленинград. об. 05. 1991***.

На XII городском фотоконкурсе «Отечество» в 1991 г. В. А. Черненко был удостоен диплома II степени за слайд-фильм «Дворцово-парковый ансамбль Павловска»^{4*}.

В сезоне 1991/1992 гг. в работе лектория ГРМ принимал участие только член секции пропаганды Общества В. А. Черненко с авторской программой семи вечеров слайд-фильмов «Петербург — Петроград — Ленинград». 17 ноября 1991 г. автор прочитал вводную лекцию вечеров «Архитектурно-художественный феномен Петербурга — Ленинграда и пригородных дворцово-парковых ансамблей», 12 января 1992 г. провел вечер «Память о Северной войне. Основание Петербурга», 2 февраля выступил с циклом слайд-фильмов «Семь новелл о родном городе», 9 февраля пред-

* План работы НФС ВДКиТ на декабрь 1991 г.; Афиша ВДКиТ творческого вечера Я. Б. Лехтмана. 16 февраля 1991 г.; Приглашение ВДКиТ на творческий вечер Я. Б. Лехтмана. 16 февраля 1991 г.

** Черненко В. А. Симфония красок Ленинграда // Красная звезда. 1991. 15 февраля. С. 4.

*** Диплом о присуждении звания лауреата III Всесоюзного фестиваля народного творчества В. А. Черненко. Ленинград, 6 мая 1991 г.

^{4*} Диплом II степени Петербургского городского фотоконкурса «Отечество» ПГО ВООПИИК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Дворцово-парковый ансамбль Павловска». 11 декабря 1991 г.

ВЫБОРГСКИЙ ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ И ТЕХНИКИ
Санкт-Петербург

Возвращению исторического имени города посвящается

14 марта 1992 года

АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР

Лауреат III Всесоюзного фестиваля художественного творчества, Всесоюзных конкурсов слайдфильмов, лауреат Всесоюзного смотра научно-технического творчества, научный сотрудник

ВАЛЕНТИН ЧЕРНЕНКО

представляет программу слайдфильмов

„СЕМЬ НОВЕЛЛ О САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ“

Город мой заснеженный
Цветы Поэту
Дом, в котором ты живешь
Таинство белых ночей
Память о войне, блокаде
Петербург вечерний
Виват Санкт-Петербург

Народная фотостудия (4-й этаж) Начало в 18 часов

Адрес: ул. Комиссара Смирнова, д. 15
Транспорт: станция метро „Доминика Ливина“ (выход на ул. Дыбенко)
трамвай: П, 20, 33; троллейбусы: 12, 42; автобусы: 282 до остановки — улица Комиссара Смирнова

ставил слайд-фильм «Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...», 5 апреля — «Дворцово-парковое ожерелье Петербурга» («Ораниенбаум», «Царское Село», «Павловск»), 26 апреля — «Репинские Пенаты» и 10 мая — «Давно стихами говорит Нева...»*

Второй творческий вечер лауреата III Всесоюзного фестиваля народного творчества В. А. Черненко состоялся в НФС ВДКиТ 14 марта 1992 г. с программой слайд-фильмов «Семь новелл о Санкт-Петербурге» («Город мой заснеженный», «Цветы

Поэту», «Дом, в котором ты живешь...», «Таинство белых ночей», «Память о войне, блокаде», «Петербург вечерний», «Виват Санкт-Петербург») и был посвящен возвращению городу его исторического имени**.

К этому времени В. А. Черненко создал 31 слайд-фильм, из которых 14 были удостоены дипломов различных конкурсов и фестивалей.

В сезоне 1992/1993 гг. в работе лектория ГРМ принимал участие опять же только один член секции пропаганды Общества В. А. Черненко с авторской программой семи вечеров слайд-фильмов «Дворцово-парковое ожерелье Петербурга»: «Несостоявшаяся парадная резиденция» (Стрельна), «Память о Северной войне» (Петергоф), «Не опаленный войной» (Ораниенбаум), «Поэтом воспетое» (Царское Село), «Возрожденный из пепла» (Павловск),

* Афиша лектория ГРМ. Циклы лекций на сезон 1991/1992 гг. (12. Вечера слайд-фильмов); Календарный план лектория ГРМ на 1991/1992 гг. Санкт-Петербург. 1991. С. 3, 5, 19.

** План работы НФС ВДКиТ на март 1992 г.; Афиша ВДКиТ авторского вечера В. А. Черненко. 14 марта 1992 г.; Приглашение ВДКиТ на авторский вечер В. А. Черненко. 14 марта 1992 г.

«Чудеса природы и искусства» (Гатчина), «Все побывали тут» (Репинские Пенаты)*.

7 октября 1992 г. в Доме Общества В. А. Черненко провел вечер памяти Я. Б. Лехтмана, ветерана Великой Отечественной войны, полковника медицинской службы, кандидата медицинских наук, члена секции пропаганды Общества, лауреата Всесоюзного фестиваля народного творчества, Всероссийских и республиканских конкурсов слайдов и слайд-фильмов и дипломанта международных фотоконкурсов**.

Архитектор Марианна Эрнестовна Гизе представила 18 ноября 1992 г. в Бронзовом зале Дома архитектора Санкт-Петербургской организации Союза архитекторов России слайд-фильм В. А. Черненко «Давно стихами говорит Нева...»***.

На XIII городском фотоконкурсе «Отечество» Общества в 1992 г. В. А. Черненко был удостоен диплома I степени за слайд-фильм «Виват Санкт-Петербург» и диплома III степени за слайд-фильм «Репинские Пенаты»*.

К 290-летию основания Санкт-Петербурга И. А. Мартыненко предложила членам секции пропаганды принять участие в цикле вечеров слайд-фильмов, посвященных этой дате. В нем приняли участие, кроме уже известных (Л. Н. Штерна, В. И. и В. В. Михайловых, В. А. Черненко), еще два фотолюбителя НФС ВДКиТ — Борис Аркадьевич Бомов и Глеб Иннокентьевич Виноградов со своими первыми работами. Цикл вечеров слайд-фильмов к юбилею города состоял из семи вечеров.

* Афиша лектория ГРМ. Циклы лекций на сезон 1992/1993 гг. (5. Дворцово-парковое ожерелье Петербурга. Вечера слайд-фильмов); Календарный план лектория ГРМ на 1992/1993 гг. Санкт-Петербург. 1992. С. 3, 24; Абонемент № 13 лектория ГРМ на цикл лекций «Дворцово-парковое ожерелье Петербурга» (вечера слайд-фильмов для учащихся 8–11-х классов и взрослых). Санкт-Петербург. 1992/1993 гг.

** Приглашение ПГО ВООПИиК на вечер памяти Я. Б. Лехтмана. Санкт-Петербург. 1992 г.

*** Календарный план работы СПбОСАР на ноябрь 1992 г.

* Диплом I степени городского фотоконкурса «Отечество» ПГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Виват Санкт-Петербург». 15 декабря 1992 г.; Диплом III степени городского фотоконкурса «Отечество» ПГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Репинские Пенаты». 15 декабря 1992 г.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
Петербургское городское отделение

ВЕЧЕРА СЛАЙДФИЛЬМОВ

К 290-летию основания Санкт-Петербурга

4 ноября 1992 г. **Северная война. Основание Петербурга**
Автор: В. А. Черненко

2 декабря 1992 г. **На невских берегах**
Авторы: Л. Н. Штерн, Б. А. Бомов, Г. И. Виногорадов

6 января 1993 г. **Семь новелл о родном городе**
Автор: В. А. Черненко

3 февраля 1993 г. **Знакомый и незнакомый Петербург**
Авторы: В. И. и В. В. Михайловы

3 марта 1993 г. **„Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...“**
Автор: В. А. Черненко

7 апреля 1993 г. **Штрихи к портрету города**
Авторы: В. И. и В. В. Михайловы

5 мая 1993 г. **„Давно стихами говорит Нева...“**
Автор: В. А. Черненко

Детало в 10 часов
Вечера проходят в Доме ПГО ВОЮПИК — ул. Шалверная, 35 а (б. Волкова)
Телефон — вступ. ст. Чарльзбургск. телефон: 14, 48, 194; телефонные 11, 14, 48 — вст. „д. Чарльзбургск.“
Телефоны: 273-37-70, 373-44-82

Первый вечер под названием «Северная война. Основание Петербурга» проходил 4 ноября 1992 г., на нем В. А. Черненко представил слайд-фильмы «Память о Северной войне», «Основание Петербурга» и «Лики Северной столицы».

Второй вечер — «На невских берегах» — состоялся 2 декабря 1992 г. Свои работы на вечере представили три автора: Л. Н. Штерн показал слайд-фильмы «Летний сад» и «Белые ночи»; Б. А. Бомов — «Золотой денек»; Г. И. Виногорадов — «Ода городу»,

«Удивительный вальс» и «Подвигу твоему, Ленинград».

Третий вечер — «Семь новелл о родном городе» — провел В. А. Черненко 6 января 1993 г. и показал слайд-фильмы «Город мой заснеженный», «Цветы Поэту», «Дом, в котором ты живешь...», «Таинство белых ночей», «Память о войне, блокаде», «Петербург вечерний» и «Виват Санкт-Петербург».

Четвертый вечер — «Знакомый и незнакомый Петербург» В. И. и В. В. Михайловых прошел 3 февраля 1993 г., на нем авторы показали семь слайд-фильмов: «Голос часов», «Набережная», «Там, где Крюков канал», «Воспоминание о выставке», «Ты всегда таинственный и новый», «Утраты» и «Знакомый и незнакомый Петербург».

Пятый вечер — «Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак... (Мелодии белых ночей)» 3 марта 1993 г. провел В. А. Черненко.

Шестой вечер — «Штрихи к портрету города» провели В. И. и В. В. Михайловы, они представили пять слайд-фильмов: «Гербы», «Маски», «Окна города», «Линии» и «Время собирать камни».

Седьмой вечер — «Давно стихами говорит Нева...» 5 мая 1993 г. провел В. А. Черненко, представив на экране поэтический образ города в сопровождении музыки и стихов*.

Участников юбилейных вечеров слайд-фильмов стали приглашать в различные клубы для демонстрации своих программ. В январе 1993 г. председатель клуба «Феникс» Санкт-Петербургского Дома ученых им. Горького Г. В. Шибакина пригласила В. А. Черненко с программой «Семь новелл о родном городе». Был получен положительный отзыв членов клуба**.

В. А. Черненко, совмещая с основной научной работой в ВИКИ им. А. Ф. Можайского преподавание истории и культуры Санкт-Петербурга в средней школе № 374 Московского района Санкт-Петербурга, стал художественным руководителем праздника «Виват Санкт-Петербург», посвященного 290-летию основания города на Неве, который был проведен им 29 апреля 1993 г. в лектории ГРМ. На празднике школьники читали стихи, пели песни о городе, звучала литературно-музыкальная слайд-композиция «Петропавловская крепость», и В. А. Черненко показал слайд-фильмы «Пять новелл о родном городе»***.

На XIV городском фотоконкурсе «Отечество» Общества в 1993 г. В. А. Черненко был удостоен диплома III степени за слайд-фильм «Давно стихами говорит Нева...»^{4*}.

Петербургское городское и Ленинградское областное отделения Общества и Государственный мемориальный музей обороны

* Афиша ПГО ВООПИиК: «Вечера слайд-фильмов. К 290-летию Санкт-Петербурга». 1992–1993 гг.; Абонемент ПГО ВООПИиК на цикл «Вечеров слайд-фильмов, посвященных 290-летию основания Петербурга». 1992/1993 гг.

** Отзыв членов клуба «Феникс» Санкт-Петербургского Дома ученых им. Горького о вечере слайд-фильмов «Семь новелл о родном городе» В. А. Черненко. 19 января 1993 г.

*** Афиша. Средняя школа № 374 Московского района Санкт-Петербурга, ПГО ВООПИиК и ГРМ приглашают на праздник «Виват Санкт-Петербург», посвященный 290-летию основания города на Неве. 29 апреля 1993 г.; Приглашение. Средняя школа № 374 Московского района Санкт-Петербурга, ПГО ВООПИиК и ГРМ приглашают на праздник «Виват Санкт-Петербург», посвященный 290-летию основания города на Неве. 29 апреля 1993 г.

^{4*} Диплом III степени городского фотоконкурса «Отечество» ПГО ВООПИиК о награждении В. А. Черненко за слайд-фильм «Давно стихами говорит Нева...». 29 декабря 1993 г.

и блокады Ленинграда провели в Обществе 12 января 1994 г. научно-практическую конференцию, посвященную 50-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, на которой был показан слайд-фильм «Великий город» члена бюро секции пропаганды Общества В. А. Черненко*.

18 декабря 1994 г. член бюро секции пропаганды Общества В. А. Черненко в малом зале народного театра ВДКиТ провел свой третий творческий вечер «20 лет в экранной фотографии». На вечере были показаны слайды и слайд-фильмы: репортажи, портреты, пейзажи, архитектура городов России, Украины, Прибалтики и Азербайджана; слайд-фильмы «Уголки России» и «Давно стихами говорит Нева...»**.

Затем наступили большие изменения в жизни страны и судьбах людей. Автору статьи после 29 лет работы в ВИКИ им. А. Ф. Можайского пришлось поменять научную деятельность на практическую — перейти работать в вычислительный центр АООТ «Фольгопрокатный завод» (бывший завод Берда), принять участие в компьютеризации завода, заняться изучением и публикацией его истории и увековечить имя основателя завода Чарльза Берда мемориальной доской***.

На это время приостановилась работа В. А. Черненко в секции пропаганды Общества, но сделанное не было забыто. Об этом свидетельствует письмо заместителя председателя Президиума Совета Общества Л. П. Тихонова генеральному директору ОАО «Фольгопрокатный завод» В. М. Малиновскому от 27 мая 2003 г.,

* Приглашение Петербургского городского и Ленинградского областно-го отделений ВООПИиК и Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда на научно-практическую конференцию, посвященную 50-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. 12 января 1994 г.; Программа научно-практической конференции, посвященной 50-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. 12 января 1994 г.

** Афиша творческого вечера «20 лет а экранной фотографии» В. А. Черненко. 18 декабря 1994 г.

*** Мемориальные доски Санкт-Петербурга. Справочник. СПб., 1999. С. 135; Черненко В. А. Чарльз Берд: Полвека славных дел // Металлы Евразии. Международный промышленный журнал. 1999. № 2. С. 92–95; Черненко В. А. История завода — судьба директора // Цветные металлы. 1999. № 8. С. 73–76.

в котором Лев Павлович писал: «ПГО ВООПИиК просит включить в списки награжденных медалью „300 лет Санкт-Петербургу“ Черненко Валентина Андреевича, члена секции пропаганды памятников истории и культуры с 1978 г., который принимал активное участие в охране и пропаганде памятников и исторических адресов выдающихся людей Петербурга и опубликовал о них ряд статей в печати / о Ч. Берде, об истории завода — судьбе директора и др./».

С 1980—1993 гг. В. А. Черненко было создано более 30 слайд-фильмов — это в

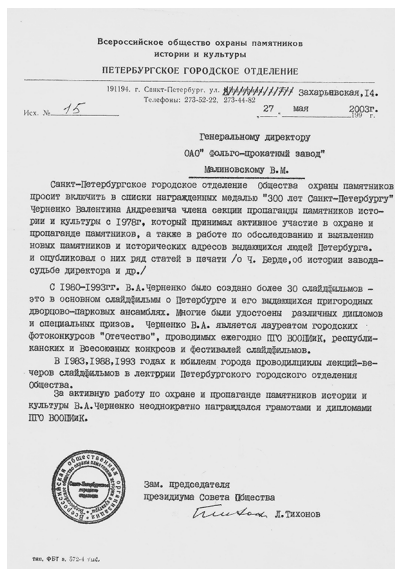
основном слайд-фильмы о Петербурге и его выдающихся пригородных дворцово-парковых ансамблях. Многие были удостоены различных дипломов и специальных призов. В. А. Черненко является лауреатом городских фотоконкурсов „Отечество“, проводимых ежегодно ПГО ВООПИиК, республиканских и всесоюзных конкурсов и фестивалей слайд-фильмов.

В 1983, 1988 и 1993 годах к юбилеям города проводил циклы лекций-вечеров слайд-фильмов в лектории Петербургского городского отделения Общества.

За активную работу по охране и пропаганде памятников истории и культуры В. А. Черненко неоднократно награждался грамотами и дипломами ПГО ВООПИиК*.

Закончить статью хотелось бы отзывом, который написал член совета Клуба знатоков Санкт-Петербурга Николай Михайлович Марков на слайд-фильм В. А. Черненко «Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...», демонстрировавшийся 3 марта 1993 г.

* Письмо Л. П. Тихонова — заместителя председателя Президиума Совета ПГО ВООПИиК генеральному директору ОАО «Фольгопрокатный завод» В. М. Малиновскому. 27 мая 2003 г.

в лектории Общества: «Рецензируемая работа Черненко В. А. из цикла вечеров слайд-фильмов, посвященных 290-летию основания Петербурга в лектории ПГО ВООПИИК, это не первая встреча с его работами. Запомнились увиденные здесь же ранее его новеллы: „Лики Северной столицы“, „Город мой заснеженный“, „Виват Санкт-Петербург“ и другие.

И вот новая встреча. Вновь на нас с экрана под бессмертную „Лунную сонату“ Бетховена плывут таинственные и загадочные образы белых ночей. Город не замер в этой прозрачной тишине, он живет своей, так редко видимой нами, ночной жизнью. На экране одновременно и фильм, и на какое-то время, пусть на секунды, но остановленная красота мгновения. Есть возможность взглядеться в образы, возникают ассоциации с ранее видимым, читаемым, переживаемым. В этом неповторимое очарование слайд-фильма.

Хочется пожелать Черненко В. А. воплощения своих новых замыслов, которыми он поделится со зрителями, а себе новых встреч с поэтическими образами Петербурга»*.

* Отзыв члена совета Клуба знатоков Санкт-Петербурга Н. М. Маркова на слайд-фильм В. А. Черненко «Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...». 5 марта 1993 г.

М. В. Образцова, И. В. Руднева

КОЛЛЕКЦИИ СЛУЖАТ ЛЮДЯМ

Посвящается Льву Павловичу Тихонову

Самые хорошие ценители — это любители.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ произведений искусства зародилось еще в Древнем Риме. С развитием общества оно пережило взлеты и падения, периоды длительного застоя и бурной интенсивной деятельности.

Развитие собирательства неизбежно привело к появлению сравнительно-описательской науки, именуемой историей искусства. История бережно хранит имена Л. Медичи, Д. Орсини, П. Рубенса, Э. Фальконе, И. Шувалова, Строгановых, П. Третьякова и многих других. Их собирательская страсть, любовь к искусству имели общечеловеческий и патриотический смысл. Ведь в чем бы собрании ни находились шедевры, они остаются национальным и общенародным достоянием. Истинные коллекционеры всегда стремились сделать свои собрания доступными для широкого круга любителей искусства. Неоценим вклад П. Третьякова, Н. Лихачева, И. Остроухова, С. Щукина, М. Морозова — их собрания существенно пополнили экспозиции крупнейших музеев России.

Цель собирателей художественных коллекций наших дней — сберечь бессмертные сокровища отечественной и зарубежной культуры, выявить новые имена, доказать авторство, возродить интерес к давно и незаслуженно забытым художникам и многое, многое другое.

1 марта 1977 г. вступил в силу закон «Об охране памятников истории и культуры». В составе ЛГО ВООПИиК была организована секция собирателей художественных коллекций. Секция объединяла людей разного возраста и разных профессий: артисты театра и кино, переводчики, театроведы, литературоведы, спортсмены, преподаватели, инженеры, рабочие. На протяжении многих лет

руководителем секции была знаменитый ленинградский коллекционер, драматург-переводчик В. М. Голод. Независимо от своей основной профессии они стали знатоками и специалистами в той области, где были сосредоточены их коллекционные интересы. Эти люди в какой-то мере являлись исследователями и открывателями. Им была свойственна активная гражданская позиция: они собирали свои коллекции не только для личного удовольствия, но делали свои собрания открытыми и доступными.

Делом своей жизни считал собирательство русского искусства ученый, физик Александр Павлович Ковылов. Его коллекция насчитывала около двухсот произведений русской живописи, где звучали такие громкие имена, как И. Репин, И. Айвазовский, Н. Дубовской. Писатель-публицист Сергей Петрович Варшавский любил и собирал искусство Востока. В его собрании была бронза Монголии, фарфор Китая и Японии. А собранию Святослава Петровича Кузнецова, народного артиста Кировского (ныне Мариинского) театра, мог позавидовать Музей этнографии. В собрание входили изделия Русского Севера из кости и дерева; великолепные, удивительные ларцы-теремки. Прекрасные предметы западноевропейского фарфора и русского стекла, принадлежавшие известному коллекционеру Иосифу Моисеевичу Эзраху, после смерти собирателя заняли достойное место в Музее Большого Петергофского дворца. То же можно сказать о коллекции братьев Якова Александровича и Иосифа Александровича Ржевских: уникальные мебель, картины западноевропейских мастеров вошли в собрание Русского музея в Мраморном дворце. Математик по профессии, преподаватель одного из вузов Санкт-Петербурга Владимир Леонидович Фомин имел в своем собрании картины и графические работы как русских, так и западных мастеров. Он также интересовался русскими книгами и рукописями. Интересным собранием прикладного искусства и живописных полотен обладала Ольга Иосифовна Рыбакова. В собранной ею коллекции можно увидеть работы А. Головина, М. Врубеля, М. Нестерова, Н. Рериха. После смерти Ольги Иосифовны коллекцию бережно хранит ее дочь — искусствовед, сотрудник музея Академии художеств Жозефина Борисовна Рыбакова. Врач по профессии Григорий Михайлович Ливитин, одержимый театром, крупный собиратель театральной живописи художников

XX в., автор нескольких монографий о театральных художниках, в частности о Валерии Дорере, внес большой вклад в историю театрального искусства.

Несколько слов хочется сказать о прекрасном человеке, замечательном художнике Владимире Александровиче Покровском. Он стоял у истоков советского кино, работая в «Белгоскино». В его собрании находились великолепные иконы XVI–XIX вв. и картины таких корифеев русской живописи, как М. Врубель, Н. Рерих, А. Самохвалов, А. Тышлер, А. Дейнека.

Говоря о коллекционерах Ленинграда — Санкт-Петербурга, особенно хочется отметить бессменного руководителя секции собирателей художественных коллекций Валентину Михайловну Голод. Собранию ее знаменитых миниатюр завидовали многие музеи страны. Это собрание заняло достойное место в экспозиции Театрального музея нашего города. Валентина Михайловна много времени уделяла организации всевозможных выставок и встреч с деятелями культуры и музейными работниками. Под ее руководством выпускались каталоги и сборники статей.

В помещении Общества охраны памятников, находившемся в здании церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (ныне действующей) на Шпалерной улице, 35а, постоянно проходили тематические вечера, посвященные знаменательным датам. Своими воспоминаниями об отце, Борисе Михайловиче Кустодиеве, делилась его дочь Ирина Борисовна. О совместно проведенных вместе годах рассказывала дочь Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина Елена Кузьминична. Научный сотрудник Театральной библиотеки Анна Павловна Григорьева, внучатая племянница Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой, вспоминала о своем детстве, проведенном в доме знаменитой художницы.

В работе секции принимали участие известные искусствоведы Марк Александрович Эткинд, Ирина Борисовна Чижова, Иосиф Александрович Бродский, Григорий Наумович Голдовский и многие другие.

О выставках живописи в Центральном выставочном зале (Манеже) и прикладного искусства в залах Музея этнографии вспоминают до сих пор. Сотрудники музея-памятника «Смоленский собор» помнят великолепную выставку «Русский самовар», организованную Андреем Андреевичем Лобановым. Эта

выставка совершила триумфальное шествие и по другим городам России.

Бесценную помощь в организации и пополнении фондов музеев страны оказывали и оказывают наши собиратели. Благодаря их кропотливой и порой фанатичной деятельности по выявлению и сохранению культурного наследия прошлого, в экспозициях известных музеев появляются новые шедевры и создаются новые собрания.

В 1990-е гг., несмотря на тяжелое положение в стране, секция собирателей художественных коллекций продолжала функционировать, к сожалению, постепенно теряя своих членов. Но появились и новые лица, которые к концу 1990-х гг., когда секция прекратила свое существование, создали Ассоциацию антикваров Петербурга и Общество коллекционеров Санкт-Петербурга со своим журналом.

В настоящее время при СПб ГО ВООПИиК создана группа экспертов по культурным ценностям и архитектуре, аттестованных Управлением Министерства культуры России. Экспертами этой группы проведен ряд экспертиз по выявлению культурных ценностей и памятников архитектуры. Наши эксперты тесно сотрудничают с Управлением Министерства культуры, с которым заключен договор о совместной деятельности на проведение консультаций и составление экспертиз для правоохранительных органов, таможни, судебных приставов. При Обществе проводится цикл лекций-занятий по программе «Основы экспертизы предметов искусства и культуры», которые пользуются большой популярностью. Группа экспертов в лучших традициях продолжает плодотворную работу с коллекционерами и собирателями Санкт-Петербурга и других городов.

**ОПЫТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ, ЭКСКУРСИОННОЙ
И МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В НЕПРОФИЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА
«ДВОРЕЦ КОНГРЕССОВ»
УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ ПРЕЗИДЕНТА РФ)**

РАСПОРЯЖЕНИЕМ президента Российской Федерации В. В. Путина 10 декабря 2001 г. Константиновский дворцово-парковый ансамбль, бывшая императорская и великокняжеская резиденция, возвратил высокое звание парадной государственной резиденции, заложенное императором Петром, получив статус Государственного комплекса «Дворец конгрессов» Управления делами президента Российской Федерации.

Реконструкционные работы под эгидой Управления делами президента Российской Федерации были завершены торжественным открытием Дворца конгрессов 29 мая 2003 г.* В указании президента Российской Федерации было особо отмечено одно из главных условий деятельности возрожденного памятника русской истории: сделать дворец свободным и доступным для посещения всеми желающими.

В целях организации и развития экскурсионно-выставочной и музейно-просветительской работы на должном уровне на территории Константиновского дворцово-паркового ансамбля в июне 2003 г. был создан отдел экскурсионно-выставочной деятельности (в связи с расширением объемов и новым наполнением деятельности отдела в 2006 г. на его базе была организована дирекция экскурсионно-выставочной и научно-просветительской деятельности, состоящая из трех отделов: экскурсионного, выставочного и научно-просветительского).

* С темой реконструкции Константиновского дворцово-паркового ансамбля в 2001–2003 гг. можно ознакомиться в: Реконструкция Константиновского дворца: сб. статей. СПб., 2003 (Реконструкция городов и геотехническое строительство: научно-техн. период. изд.: спец. вып.).

Задачи перед коллективом вновь созданного в 2003 г. экскурсионно-выставочного отдела были поставлены достаточно сложные, а сроки для их исполнения отведены сжатые. Приходилось решать одновременно все вопросы, связанные с экскурсионной деятельностью: подбирать квалифицированные кадры; налаживать связи со сторонними организациями и туристическими фирмами; обучать экскурсоводов; разрабатывать методические и справочные материалы; отрабатывать экскурсионные маршруты. Это было время очень напряженного труда, когда сотрудники должны были максимально мобилизовать весь свой творческий потенциал, профессиональный опыт, знания и даже волю к победе, прекрасно понимая, что права на ошибку ни у кого нет. И, как итог напряженной, высокопрофессиональной и слаженной работы отдела, 5 июня 2003 г., через два дня после окончания саммита «Евросоюз — Россия», Государственный комплекс «Дворец конгрессов» открыл свои двери перед посетителями.

Одним из приоритетных направлений работы созданного отдела стало углубленное изучение обширных материалов о почти

Возрожденный Константиновский дворец. 2003 г.

Экскурсия в мемориальной гостиной Константиновского дворца. 2003 г.

трехсотлетней истории Константиновского дворцово-паркового ансамбля, о периоде реконструкции и создания Государственного комплекса «Дворец конгрессов», а также о жизни и деятельности августейших владельцев великокняжеской резиденции. В советское время изучение подобных тем не приветствовалось, поэтому готовых материалов для экскурсий почти не было, приходилось начинать всё с нуля.

Для подготовки квалифицированных экскурсоводов были организованы лекции, консультации со специалистами ведущих музеев Санкт-Петербурга и пригородов, изучение исторических архивных источников и материалов. Главной задачей экскурсоводов являлось ознакомление гостей комплекса с историческим и культурным наследием России — возрожденным Константиновским дворцово-парковым ансамблем и демонстрация временных музейных экспозиций, размещенных в залах Константиновского дворца.

Временные выставки в залах Константиновского дворца, которые были объединены темой развития государственности, знакомили посетителей с историей российской геральдики,

формированием и развитием наградной системы нашего государства на протяжении трехсот лет, еще раз напоминали славные страницы истории Военно-морского флота нашей страны.

Тема владельцев Константиновского дворца нашла отражение в экспозиции «Мемориальная квартира К. Р.». По фотографиям, акварелям и воспоминаниям современников были воссозданы интерьеры трех мемориальных комнат — Столовой, Кабинета и Музыкальной гостиной, входивших в апартаменты великого князя Константина Константиновича.

Выставочные и экспозиционные проекты создавались ведущими музеями и научными центрами Санкт-Петербурга: Государственным Эрмитажем, Государственным Русским музеем, Центральным военно-морским музеем, ГМЗ «Петергоф», ГМЗ «Павловск», ИРЛИ РАН «Пушкинский дом», Российской национальной библиотекой, Российским государственным историческим архивом.

В июне 2003 г. экскурсионная программа включала показ небольшой части Нижнего парка, выставочных помещений и парадных залов Константиновского дворца, но уже в августе гостям комплекса была предложена экскурсия по Нижнему парку с посещением Павильона переговоров на Петровском острове. К летнему сезону 2004 г. гости комплекса смогли совершить прогулку по «Консультской деревне» и посетить один из коттеджей VIP-уровня, побывать в пресс-центре и осмотреть скульптурную композицию Михаила Шемякина «Царская прогулка», расположенную в западной части парка, на побережье Финского залива. Тогда же, летом 2004 г., было получено разрешение показывать гостям Константиновского дворца парадные, представительские апартаменты первого лица делегации Российской Федерации, предназначенные для проведения мероприятий международного и государственного уровня, а также гостиные для встреч официальных лиц в неформальной обстановке.

В 2013 г. исполняется 10 лет со дня открытия Константиновского дворцово-паркового ансамбля для посетителей. В настоящее время Константиновский дворец предлагает посетителям шесть экскурсионных маршрутов. В обзорной экскурсии гости, совершив небольшую прогулку по парку, знакомятся с основными экспози-

циями и парадными залами Константиновского дворца, узнают историю создания и восстановления комплекса, а также основные факты из жизни владельцев дворца.

Экскурсанты, выбравшие для посещения дворца маршрут «Век нынешний и век минувший», знакомятся с историей создания и возрождения Константиновского дворцово-паркового ансамбля в качестве Государственного комплекса «Дворец конгрессов» и посещают не только парадные залы, но и парадные гостиные первого лица делегации Российской Федерации, а также апартаменты, предназначенные для встреч официальных лиц в неформальной обстановке.

О реконструкции и создании интерьеров Константиновского дворца подробно рассказывается в экскурсии «Возрожденный замысел Великого Петра».

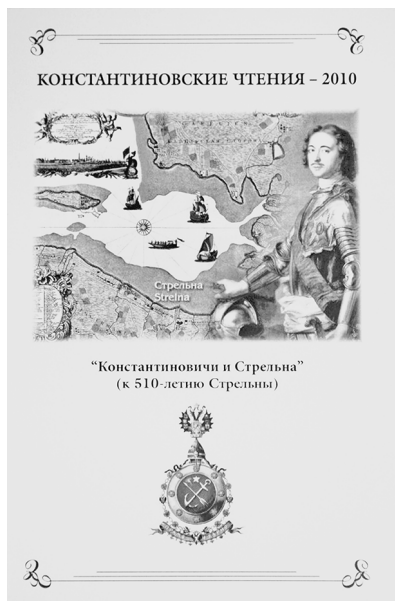
Чтобы познакомиться с Нижним регулярным парком, его уникальной системой прудов и каналов, а также посетить Павильон переговоров, нужно выбрать маршрут «Русская Версалия».

Маршрут экскурсии «Консульская деревня» проходит по территории гостиничного комплекса класса VIP — коттеджного городка, расположенного на побережье Финского залива.

С 2005 г. начали работу автобусные экскурсии: «Прогулка в Стрельну», «Дворцы Санкт-Петербурга», «Театральный Петербург», «Дипломатический Петербург». Теперь гости, начав свое путешествие из центра Петербурга, от Аничкова моста у дворца Белосельских-Белозерских, могут проехать с экскурсионным сопровождением по набережной реки Фонтанки, по историческому центру города, знаменитой Петергофской дороге в Стрельну и в конце путешествия посетить Константиновский дворцово-парковый ансамбль*.

Отдел начал свою деятельность с экскурсионной работы, но дальнейшее развитие и продвижение вперед было невозможно без научной, исследовательской, собирательской и выставочной работы, которая ведется в тесном сотрудничестве с многочисленными музеями Российской Федерации, культурными и обще-

* С темами экскурсионных маршрутов, выставочными проектами, анонсами мероприятий можно ознакомиться на сайте Дворца конгрессов. URL: www.konstantinpalace.ru.

Обложка сборника
«Константиновские чтения». 2010 г.

номерная, кропотливая деятельность по формированию новой коллекции дворца*.

Регулярно с 2005 г. проводятся научно-практические конференции, важнейшей из которых являются «Константиновские чтения», призванные привлечь внимание широкой научной и культурной общественности к личности великого князя Константина Николаевича, владельца Константиновского

ственными организациями и авторами. Основные направления изысканий: история Константиновского дворцово-паркового ансамбля; судьбы его владельцев — великого князя Константина Николаевича и его потомков, также изучение событий, участниками которых были эти представители императорского дома Романовых.

Именно владельцы Константиновского дворца на протяжении почти 150 лет создавали замечательную коллекцию декоративно-прикладного искусства, живописи, графики, книг, которая, к сожалению, в 1920–1930 гг. была утрачена безвозвратно. И теперь, уже в XXI в. ведется пла-

* Эта деятельность освещена в изданных Дворцом конгрессов сборниках: Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: история и современность: сб. статей. СПб., 2006; Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне и его художественные коллекции. СПб., 2009; Константиновский дворцово-парковый ансамбль: хроника, материалы, исследования. СПб., 2010; Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. СПб., 2011; Коллекция Константиновского дворца. Дар Алишера Усманова: альбом-путеводитель. СПб., 2008; Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: путеводитель. Изд. 2-е, доп. СПб., 2011.

Научная конференция «Константиновские чтения». 2012 г.

дворцово-паркового ансамбля. Ежегодно, начиная с 2007 г. выходят сборники статей научной конференции «Константиновские чтения»*.

Создание и реализация образовательных и учебных программ являются еще одной сферой деятельности сотрудников отдела. Каждый год экскурсионный отдел приглашает всех желающих прослушать цикл лекций «Константиновский дворцово-парковый ансамбль: история и современность». В программе курсов — лекции и практические занятия, посвященные истории создания Стрельнинского (Константиновского) дворцово-паркового ансамбля и его реконструкции в XXI в., судьбам владельцев дворца, современной деятельности Дворца конгрессов. Лекции проводят ведущие специалисты Санкт-Петербурга в области истории, краеведения, искусствоведения, а также специалисты, принимавшие непосредственное участие в реконструкции Дворца конгрессов.

* Со статьями сборника научной конференции «Константиновские чтения» можно ознакомиться на нашем сайте (URL: www.konstantinpalace.ru) в разделе «Наши проекты» — «Конференции» — «Константиновские чтения».

Концерт в Голубом зале Константиновского дворца. Ноябрь 2005 г.

Особое место в просветительской деятельности занимали организованные совместно с Государственной академической капеллой концерты, посвященные Русскому музыкальному обществу, покровителями которого в XIX в. были владельцы Константиновского дворца*. Тогда впервые после почти столетнего забвения прозвучали отрывки из музыкальной драмы А. К. Глазунова, написанные на основе произведения великого князя Константина Константиновича. Теперь это сочинение вошло в программу произведений, исполняемых оркестром капеллы.

В 2010 г. были подготовлены и на постоянной основе реализуются проекты под общим названием «Константиновский дворец — детям», в рамках которых совместно со школами города и страны проводятся интеллектуальные игры «Что, где, когда?», конкурсы для юных программистов и роботошкол; отчетные концерты музыкальных школ Санкт-Петербурга; олимпиады

* О музыкальных традициях Константиновского дворца см.: Константиновские чтения — 2009: к 150-летию со дня основания Русского музыкального общества: сборник материалов научной конференции 21–22 октября 2009 г. СПб., 2010.

по истории нашего государства; Пушкинские дни, военные реконструкции и др.

Сотрудники дирекции стремятся осваивать новые формы научно-исследовательской работы. Одна из них — сборники статей «Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: история и современность». В них представлены работы историков, искусствоведов, краеведов, архивистов, посвященные истории Стрельны и Константиновского дворца, судьбам его владельцев, восстановлению и реконструкции Дворца конгрессов, его художественным коллекциям.

Летом 2006 г. для гостей комплекса открыло двери новое, прекрасно оборудованное здание экскурсионного бюро с лекционным залом, где сразу же была размещена выставка детских рисунков «Дети рисуют мир», составленная из работ учеников школ искусств и художественных студий Санкт-Петербурга. Теперь холл экскурсионного бюро является своеобразным выставочным помещением, где постоянно сменяющиеся экспозиции знакомят посетителей с различными выставочными проектами.

Уникальностью данного проекта является удачное и плодотворное совмещение представительских задач государственной резиденции с функциями современного историко-культурного и научно-просветительского центра Санкт-Петербурга и России.

КОРПОРАТИВНЫЙ МУЗЕЙ. МЕЧТЫ И РЕАЛИИ

В ПОСЛЕДНЕЕ время наряду с активизацией деятельности различных музеев в музейном сообществе по всему миру всё чаще стали подниматься вопросы о работе корпоративных (они же — ведомственные, отраслевые, производственные, фабричные, заводские, музеи предприятий и организаций и т. д.) музеев и их роли в сохранении культурного наследия нации.

Современные исследования в этой области указывают на положительные примеры и тенденции, но в то же время выявляют значительное количество проблем, которые мешают сотрудникам этих музеев осуществить свое предназначение.

Музей истории и техники ОАО «Кировский завод» — типичный корпоративный музей. Он создан приказом директора завода И. С. Исаева 3 ноября 1962 г. как структурное заводское подразделение. Музей расположен в здании ДК им. И. И. Газа. Музейные экспозиции размещены в 6 залах общей площадью более 600 кв. м. Музей имеет регистрационный сертификат Государственного регистра баз данных Российской сети культурного наследия (регистрационный номер во Всероссийском реестре музеев). В 1982 г. ему присвоено почетное звание «Народный музей». По классификации это многопрофильный и многофункциональный музей. Основные его функции: собирательная и охранная, образовательно-воспитательная, научно-исследовательская, информационно-справочная, а также создание у общественности благоприятного образа предприятия. Музей является одним из крупнейших музеев на промышленных предприятиях России; его фонды насчитывают более 13 тыс. единиц хранения. С середины 2009 г. согласно штатному расписанию в музее работает лишь один сотрудник — директор музея.

Целями и задачами музея являются: участие в формировании нематериального актива компании, в создании и развитии соответствующей корпоративной среды и культуры, воспитании и закреплении кадров, профориентации молодежи; пополнение, учет

и сохранность фондов, сбор материалов по новейшей истории предприятия; информирование общественности об истории и современном состоянии производства, качестве продукции и производственных отношениях на заводе; формирование позитивного имиджа предприятия в обществе; обеспечение информацией по истории завода руководства завода и дочерних обществ, сотрудников, СМИ, заинтересованных организаций и частных лиц.

Возможности для выполнения задач у музея есть. Богатейшая история завода отражена в музейном архиве, а просторные залы с обновляемыми и пополняемыми экспозициями, музейное мобильное оборудование (в том числе электронная техника) способствуют активной работе музея.

Для выполнения задач музей использует следующие средства: проведение экскурсий; организацию общественных мероприятий — встреч, презентаций, конференций, юбилеев; организацию выставок, в том числе и выездных; публикации в СМИ, каталогах, периодике; издание книг; создание и участие в съемках кинофильмов и телепередач.

Рассмотрим подробнее историю создания музея, идея которого возникла еще в 1920-е гг. и принадлежит организатору партийного комитета на «Красном путиловце» (такое название тогда носил Кировский завод), а позже секретарю Ленинградского комитета ВКП(б) Ивану Ивановичу Газа. В своем выступлении перед путиловцами по случаю 125-летия завода в 1926 г. он призвал «работающих на заводе товарищей заняться сбором материалов по его истории». С этого времени началась систематическая деятельность по поиску документов, фотографий, воспоминаний, различных реликвий; было выделено специальное помещение для их хранения. Стенографировались выступления ветеранов труда, участников и очевидцев революционных событий.

В свою очередь, созданная на заводе авторская группа в составе Б. Д. Глебова, М. И. Миттельмана, А. Г. Ульяновского собрала и обработала огромное количество исторических материалов, и в 1939 г. их усилия завершились изданием первого тома «Истории Путиловского завода». Авторы второго тома С. А. Костюченко, И. Е. Хренов, Ю. Н. Федоров также оставили после себя не только известную книгу «История Кировского завода», но и

систематизированный архив документов и фотографий по истории предприятия. Эти материалы и стали основой для создания заводского музея.

20 июля 1960 г., согласно приказу о создании музея истории предприятия, на общественных началах был учрежден оргкомитет, который привлек к сбору материалов и экспонатов сотни кировцев, а также профессиональных сотрудников ленинградских музеев. Торжественное открытие музея 3 ноября 1962 г. стало праздником для всего коллектива завода.

Первым директором музея был назначен Николай Васильевич Скворцов, председатель оргкомитета по его созданию, который проработал в этой должности в 1962–1977 гг. Первоначально экспозиция располагалась в трех залах и отражала историю завода с момента его возникновения до 1960-х гг.

За время своего существования музей превратился в один из крупнейших в России музеев промышленных предприятий. Теперь это своеобразный методический центр по воспитанию молодежи на примере трудовых свершений путиловцев-кировцев. Ежегодно музей посещают тысячи человек — работники предприятия, школьники, студенты, гости города, среди них и зарубежные. Авторитет музея огромен, он привлекает посетителей не только богатейшей историей завода, но и уникальными залами, экспонатами, выставками, в том числе и по новейшей его истории. Проведение обзорных и тематических экскурсий — не единственная форма работы музея, здесь проводятся встречи в исторической гостиной, выставки, презентации, научно-исторические конференции, семинары по обмену опытом с коллегами (музей третий год является базовой площадкой проведения межрегиональных семинаров для руководителей промышленных музеев России). Многие СМИ постоянно используют фонды и залы музея для создания печатной, аудио- и видеопродукции, кинофильмов не только о Путиловском — Кировском заводе, но и о социальных событиях в истории России. Фонды музея используются и для научной работы.

Регулярно здесь проводятся презентации для тех, кто пришел работать в коллектив кировцев. Знакомство с историей завода помогает новичкам проникнуться уважением к легендарному предприятию и быстрее адаптироваться в коллективе.

Анализ деятельности корпоративных музеев в Петербурге и России показывает существенные различия в подходе к музейной деятельности в зависимости от принадлежности музея, задач и возможностей собственников. Можно констатировать, что в последние годы прослеживается тенденция к созданию новых ведомственных музеев и музейных комплексов, капитальной реконструкции уже существующих, к обновлению экспозиций, изменению функций музеев с переносом «центра тяжести» на комплектование фондов по новейшей истории, информационную работу и связи с общественностью. Независимо от даты рождения этих музеев и их функций, проблемы у них в общем и целом одинаковы. Первостепенной проблемой для «малых» музеев является отсутствие необходимого штата сотрудников. Это влияет на сохранность фондов, ведь тысячи единиц хранения (документов, фотографий, вещей, нумизматики, книг) требуют постоянной плановой заботы в соответствии с инструкциями по уходу за экспонатами; проверки и обеспечения условий их хранения; защиты от плесени, вредителей и пр.; необходимо пополнение фондов материалами, в том числе и по новейшей истории; обновление экспозиций в соответствии с современными задачами корпоративного музея; появление новой техники и технологий; расширение производства; новые направления деятельности предприятий; внедрение современных интерактивных форм работы с посетителями; качественное проведение научно-исследовательской и поисковой работы; организация учета, документирования и архивирования материалов, перевод на электронную систему учета; условия сохранности экспонатов, защиту их от хищения из залов и фондов при отсутствии зрителя; отсутствие возможностей для свободного доступа посетителей в залы музея.

Главная же проблема заключается в том, что богатейшие возможности производственных музеев недостаточно используются. Задачи, которые стояли перед корпоративными музеями в начале их создания (сбор, систематизация и сохранение материалов, рассказывающих о продукции и людях, ее создающих), в последнее время кардинально меняются, а отношение к корпоративным музеям как со стороны собственников, так и со стороны коллег из «больших» музеев, региональных и государственных властных структур остается прежним.

Специалисты в области музееведения стали чаще обращать внимание на отраслевые музеи. Периодически в специальных изданиях появляются статьи на эту тему, в которых авторы пытаются очертить круг проблем «малых» музеев и найти способы их решения, но всё же чаще руководители «малых» музеев не встречаются понимания.

Научный сотрудник Государственного института искусствознания, директор по развитию журнала «Русское искусство» И. В. Пуликова, изучив деятельность корпоративных музеев крупных компаний, таких как «Сургутнефть», «Татнефть», «Лукойл» и др. и разобравшись в их проблемах, предлагает пути решения с государственных позиций. «К сожалению, несмотря на общемировые тенденции активизации деятельности и роста популярности корпоративных музеев, в настоящее время российские корпоративные музеи сталкиваются с рядом проблем, которые препятствуют их полноценной работе: деятельность этих музеев не регламентируется действующим музейным законодательством; коллекции музеев не защищены от уничтожения и „распыления“ в случае утраты интереса к ним со стороны владельцев; российские отраслевые корпоративные музеи находятся вне поля зрения государства и широкой музейной общественности; потенциал корпоративных музеев недооценен и в полной мере не используется; деятельность отраслевых корпоративных музеев финансируется исключительно за счет средств компаний-владельцев, при этом действующее налоговое законодательство не способствует увеличению этого финансирования и соответственно никак не стимулирует деятельность музеев», — пишет она. Для решения этих проблем И. В. Пуликова призывает государство признать полноценными функции отраслевых музеев и закрепить это признание в российском музейном законодательстве, а также разработать общегосударственную программу развития и поддержки этой группы музеев. Надеюсь, если это когда-нибудь произойдет, то перемены коснутся не только музеев крупных корпораций. После этого можно будет говорить о привлечении корпоративных музеев к решению задач региональной и государственной политики.

А пока руководство «малых» музеев бьется (и не всегда успешно) за свое существование в одиночку. Сегодня в Санкт-Петербурге (по неполным данным, таких музеев вместе с музеями НИИ,

учебных заведений в городе более 150) этими музеями муниципальные власти практически не занимаются ни с точки зрения законодательства и права, ни в плане методологии и повышения квалификации сотрудников. При Санкт-Петербургском отделении Российского творческого Союза работников культуры работает музейная секция, в рамках которой проводятся экскурсии и встречи директоров музеев промышленных предприятий с сотрудниками музеев города. Примерно такие же семинары по обмену опытом организуются и для руководителей музеев учебных заведений. Семинары для этой категории музейных работников России на платной основе периодически проводит ЦНТИ «Прогресс». Пожалуй, это вся учеба.

Нас критикуют, поучают, высказывают претензии: непрофессионализм сотрудников; отсутствие научно-поисковой работы; ненадлежащий учет и хранение фондов; слабо внедряются передовые музейные технологии; не проводятся интерактивные экскурсии; не оснащены современной музейной мультимедийной техникой, да и предметов музейного хранения маловато; нет свободного доступа к экспозициям и фондам и т. д. Мы знаем об этом, но вот только об одном умалчивают наши критики — о штатном расписании «малых» музеев.

О сотрудничестве муниципальных и корпоративных музеев пока сказать тоже практически нечего. В течение последних, по крайней мере, десяти лет обсуждается идея создания музея истории промышленности города, периодически исчезая и вновь возникая с приходом в эту тему новых лиц. Промышленный Петербург имеет богатейшую историю не только в создании образцов техники — интересна архитектура производственных зданий и сооружений, которые должны быть сохранены для потомков.

Сегодня с историей промышленности и техники Санкт-Петербурга можно познакомиться как в государственных, так и в музеях промышленных предприятий города. Собрать в едином месте, в новом полноценном музее (а не на выставке образцов техники) и достойно, с использованием современных музейных средств рассказать обо всём разнообразии промышленной продукции, технологиях ее создания, людях, которые ее создавали в течение нескольких веков истории города, — задача архисложная, очень дорогая и долговременная. Это можно сделать, создав

современный музейный комплекс, где будут представлены не только образцы техники, но и модели продукции, фотографии, документы, предметы и т. д.

Состояние музеев промышленных предприятий города, где собраны и хранятся уникальные материалы по истории техники, в основном оставляет желать лучшего. Некоторые музеи с закрытием предприятий просто перестали существовать. А ведь сегодня именно эти музеи, по сути, являются филиалами планируемого городского музея. И первое, что целесообразно было бы сделать, это создать достойные условия для сохранения и пропаганды уже имеющегося богатства, сделать эти музеи доступными для посещения каждому петербуржцу и гостям города.

Что касается городского музея, может быть, надо начать с создания его виртуальной версии, объединив в ней сведения по истории промышленной архитектуры, техники и технологий, имеющиеся в музеях города и хранящиеся в архивах и на площадках предприятий.

Возвращаясь к музею истории и техники ОАО «Кировский завод», необходимо отметить следующее. Сегодня составлена функциональная программа развития музея на ближайшее время, в которой предусмотрены мероприятия, направленные на существенное повышение эффективности использования музея как информационно-культурного центра предприятия.

Литература

Иванов Б. И. «Малые» музеи Петербурга и современное музейное движение // Эмитент. 2004. № 11.

Мастеница Е. Н. Корпоративная культура музея // Вопросы культурологии: научно-практический и методический журнал. 2012. № 6. С. 65–70.

Никишин Н. Зеркало корпорации // Мир музея. 2007. № 6.

Пуликова И. В. Деятельность российских корпоративных отраслевых музеев // Справочник руководителя учреждения культуры. 2010. № 6.

Тульсанова О. Л. Корпоративный музей как ценностно-ориентированный инструмент территориального менеджмента.

РАССУЖДЕНИЯ О РЕСТАВРАЦИИ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ

ПЕРВЫЕ естественно-исторические коллекции в России появились в конце XVII в. вследствие интереса Петра I к естественным наукам. Часть предметов из этих коллекций сохранилась до нашего времени. Во многом это произошло благодаря усилиям хранителей коллекций, которые занимались не только наукой, но также изготовлением и реставрацией естественно-исторических предметов. Этому способствовали публикации различных инструкций и наставлений по сбору, препаровке и сохранению коллекций, в которых иногда встречались указания и по реставрации.

Так, в 1804 г. в Санкт-Петербурге Императорская академия наук начала выпускать «Технологический журнал». Именно здесь было опубликовано первое руководство по таксидермии на русском языке под названием «Рассуждение о способе набивать и сохранять животных. Соч. Академии наук Корреспондента Аббата Манесса». В одном из разделов «Рассуждений» говорится о реставрации чучел птиц*. Необходимость в этом была очевидна уже в то время.

Первой основательной работой по таксидермии птиц на русском языке является публикация в 1844 г. перевода с немецкого книги Кристиана Людвига Брэма (Christian Ludwig Brehm) «Об искусстве готовить, ставить и сохранять чучела птиц. О собирании, накальвании и пересылке насекомых». Большая часть этого руководства посвящена различным методам изготовления коллекционных шкур и чучел птиц, где с немецкой обстоятельностью даны описания особенностей препаровки различных семейств птиц, а также их реставрация**. В конце руководства даны

* Манесс Ж.К. Рассуждение о способе набивать и сохранять животных // Технологический журнал. СПб., 1804. Т. 1. Ч. 1. С. 108–156; Ч. 2. С. 90–115; Ч. 3. С. 87–102.

** Брем К.Л. Об искусстве готовить, ставить и сохранять чучела птиц. О собирании, накальвании и пересылке насекомых // Лесн. журн. СПб., 1844. Т. 2. С. 59–83; 153–189; 294–322.

указания по сбору и хранению энтомологических коллекций. В журнале «Записки ветеринарной медицины», в большой статье «Искусство набивать и готовить чучела из трупов различных животных», также есть указания по реставрации чучел*.

К сожалению, до сих пор в отечественной практике нет специальных руководств по реставрации зоологических экспонатов. По этой теме можно найти лишь разрозненную информацию в немногочисленной таксидермической литературе. Так, в крупнейшем национальном информационном центре ВИНТИ РАН нам удалось найти единственный отчет о работе сектора музейных предметов естественной истории ВНИИ реставрации, где есть пара страниц, посвященных данной теме**. В настоящее время этот сектор расформирован.

Несмотря на то, что первым сохранившимся «натуралиям» из Кунсткамеры уже более 300 лет, а работы по реставрации предметов в естественно-научных музеях и отделах природы проводят регулярно, данного направления в отечественной реставрационной практике официально не существует.

Российская реставрационная школа занимает ведущее место в мире. На сегодняшний день сформировался институт реставраторов (по живописи, скульптуре, дереву, коже и т. д.), созданы учебные и научные центры, где специалисты приобретают необходимые для работы знания и навыки; издается много методической литературы, но при этом отсутствует не только специализация, но даже само понятие — «реставратор естественно-исторических предметов».

Очередным подтверждением этого является текст документа «Положение о Государственной комиссии по аттестации реставраторов Российской Федерации», которая начала функционировать с 1 июля 2013 г. Проект положения в срочном порядке, по указанию Министерства культуры РФ, был разработан Аналитическим центром творческого союза работников куль-

* Розен В. Я. Искусство набивать и готовить чучела из трупов различных животных. По методам Николаса, Шаумбурга и Гофмана / пер. с нем. // Зап. ветер. медицины. СПб., 1859. Т. 7. Ч. 1. С. 33, 35–37.

** Ронин М. Я., Подвигина Н. Л., Обельченко О. В. Изучение основных методов фиксации, консервации и реставрации, используемых при создании естественно-научных музейных предметов. Отчет по теме 5.6. М., 1985.

туры и искусства (НАЦ РОО ТСРКИ) и Санкт-Петербургским союзом реставраторов. В комментариях к проекту сообщается, что в работе над проектом учтены материалы ранее существующей подобной структуры и использован международный опыт для улучшения организации реставрационного дела в стране, но в тексте документа (на 42 страницах) нет ни слова о реставрации предметов из естественно-исторических коллекций. Однако международный опыт по этой теме существует как в Европе, так и в Америке — достаточно обратиться к интернету.

По нашей инициативе в 2012 г. подготовлены и поданы (от СПб ГО ВООПИИК и Ассоциации естественно-исторических музеев РФ) предложения о внесении дополнений в положение по аттестации реставраторов, но, к сожалению, результат оказался нулевым.

По данным Ассоциации естественно-исторических музеев России, в настоящее время в стране существует более 450 специализированных музеев, где в виде отдельных коллекций или больших экспозиций находятся различные естественно-научные экспонаты. Количество единиц хранения исчисляется сотнями и тысячами (в фондах Зоологического и Ботанического музеев РАН их миллионы). Есть также множество музеев другого профиля, в которых хранятся различные естественно-исторические экспонаты. Кроме того, они давно уже стали предметами антиквариата, поскольку «по сложности исполнения, художественной ценности, красоте и жизненной правдивости лучшие образцы таксидермического искусства не уступают шедеврам скульптуры и живописи»*. Как и другие, естественно-научные коллекции представляют собой часть историко-культурного наследия человечества. Это достояние, «оставленное нам специалистами прошлого, которые в течение нескольких столетий последовательно изучали биологическое разнообразие планеты, имеет колоссальную ценность»**.

Только в Санкт-Петербурге находятся 400 музеев, и в половине из них представлены различные экспонаты данной группы.

* Хальбертсма Х. Антиквариат: Иллюстрированная энциклопедия. М., 2003; Заславский М. А. Изготовление чучел птиц, скелетов и музейных препаратов. Таксидермия птиц. М.; Л., 1966.

** Дарвинская декларация. Глобальная инициатива в области таксономии и возможный вклад России в ее осуществление. М., 1998.

Например, чучела птиц и зверей — в Государственном Эрмитаже и Артиллерийском музее; чучела, гербарий, энтомологические сборы, влажные препараты, почвенные и минеральные образцы — в Музее истории Санкт-Петербурга и т. д., а также в мемориальных музеях.

Как известно, большая часть этих экспонатов подвержена разрушению, поскольку по своей природе они не стойкие к воздействию окружающей среды. Долговечность этих предметов зависит от метода и качества их обработки, способа изготовления и условий хранения. Повреждения данных образцов могут быть вызваны как биологическими, физико-химическими, так и механическими факторами, вследствие чего многие предметы из этих обширных собраний нуждаются в реставрации.

В большинстве наших музеев практически отсутствуют теоретические и практические подходы к решению данной задачи. Каждый, кому приходилось заниматься этой проблемой, решает ее по своему усмотрению, что иногда может привести не только к порче ценного экспоната, но и к полной его потере. Этот важный аспект главным образом касается объединенных музеев, сотрудники которых не всегда в полной мере представляют ценность естественно-исторических предметов. Если к произведениям искусства они относятся с должным уважением, то, например, к засушенной бабочке или чучелу птицы, да если оно еще частично ошипано или потрачено молью, отношение как к чему-то второстепенному, и такой подход совершенно недопустим, поскольку даже в таком виде экспонат может иметь научную ценность. Например, в одном музее были списаны загрязненные чучела, потому что сотрудники не знали, как вернуть им экспозиционный вид*.

Сложность разработки методологических подходов реставрации естественно-научных экспонатов связана с их морфологическим разнообразием (зоология, ботаника, минералогия, палеонтология и др.), а также с многочисленными методами их консервации и изготовления (см. приведенную далее таблицу).

* Кракало І.В. Природознавчі дослідження КрКМ та проблеми збереження природничих колекцій // VII Міжнародна науково-практична конференція. Зберігання історико-культурної спадщини. Наука і практика. Київ, 2009. С. 153–157.

Разнообразие естественно-исторических коллекций

Классификационная принадлежность коллекций	Типы хранения коллекционного материала	
	Сухие	Влажные
Зоологические	Коллекционные тушки (шкурки), чучела, мумии, перья, погадки, скелеты, яйца, гнезда, раковины моллюсков, ракообразные, насекомые, беспозвоночные, биогруппы, диорамы, копии, муляжи, микроскопические препараты и т. д.	Целые организмы, анатомические препараты
Ботанические	Гербарии, карпологические (коллекции семян), образцы древесины, биогруппы, диорамы, копии, муляжи и т. д.	Целые организмы, анатомические препараты
Палеонтологические	Окаменелости, отпечатки, скелеты, биогруппы, диорамы, копии, муляжи, микроскопические препараты и т. д.	
Геологические	Образцы пород, минералов, макеты, копии, муляжи и т. д.	Образцы жидких полезных ископаемых
Почвенные	Почвенные образцы, почвенные монолиты, биогруппы, диорамы, муляжи и т. д.	

В последнее время ситуация стала постепенно меняться в лучшую сторону. Так, начиная с 1999 г. Государственный Дарвиновский музей издал сборник, ряд статей в трудах музея

и несколько руководств, где есть главы, посвященные реставрации биологических объектов*.

На региональных научно-практических конференциях Эрмитажной школы реставрации в Екатеринбурге прозвучали сообщения о реставрации предметов из зоологических коллекций**. В методическом центре Государственного Дарвиновского музея, на курсах повышения квалификации сотрудников естественно-исторических музеев РФ читают лекции и проводят практические занятия по реставрации экспонатов биологического происхождения, где мною (начиная с 2001 г.) проводятся занятия и лекции по следующим темам: «Методы современной таксидермии», «Таксидермия рыб», «Реставрация предметов из зоологических коллекций», «Оформление отчетной документации по реставрации предметов из зоологических коллекций», «Особенности реставрации естественно-исторических предметов» и т. д. Проводились также занятия по теме «Приемы реставрации естественно-исторических предметов» на стажировке для начинающих реставраторов в Российском этнографическом музее, со студентами СПбГУ и Академии художеств. Во время зарубежных командировок в программу обучения иностранных таксидермистов мною также была включена тема по реставрации предметов данной группы (Монголия, 2005, Вьетнам, 2010). В различных российских музеях я проводил консультации и индивидуальные стажировки по реставрации таксидермических предметов. В разное время были сделаны сообщения на всероссийских и международных конференциях***, опубликован ряд статей

* Клюкина А. И. (ред.) Методы препаровки и реставрации естественно-научных коллекций // Труды Гос. Дарвиновского музея. Вып. 2. М., 1999; Стариков Ю. В. Краткое руководство по фиксации рыб и изготовлению из них музейных экспонатов. М., 2001.

** Калужников А. В. Краткий обзор повреждений таксидермических изделий птиц и млекопитающих в зоологических коллекциях музейного фонда и причины их возникновения // Проблемы реставрации памятников культуры и искусства в музеях Урала: материалы конференции. Екатеринбург, 2007. С. 126–128; Калужников А. В. Возможные способы реставрации чучел, изготовленных методом накрутки // Проблемы реставрации памятников культуры и искусства: материалы конференции. Екатеринбург, 2012. С. 164–168.

*** Стариков Ю. В., Старикова Л. Г. О проблемах реставрации естественно-исторических предметов // VI Міжнародна науково-практична

по таксидермии и реставрации предметов из естественно-исторических коллекций.

Проблема реставрации естественно-научных предметов актуальна не только для музеев России, но и для всего мирового сообщества, поэтому закономерно, что в 2005 г. на конференции ИКОМ секции естественной истории была создана рабочая группа по искусству таксидермии и его культурному наследию, которая разработала «Кодекс управления для таксидермического искусства»*. В нем даны рекомендации по долговременному сохранению чучел различных животных, имеющих культурную ценность (образцов таксидермического искусства), с учетом таких важных аспектов, как стандарты по уходу за этими экспонатами, их реставрации и восстановлению. Там же указано, что именно определяет ценность данного конкретного экспоната.

Деятельность естественно-исторических музеев в первую очередь состоит в том, чтобы познакомить посетителей с многообразием природы, и представленные экспонаты по своим внешним параметрам должны быть максимально приближены к их естественному внешнему виду. По ряду причин предметы, представленные на экспозиции, не всегда соответствуют этим требованиям. Работа реставраторов с естественно-историческими предметами может оказать значительную помощь в решении этой задачи.

Итогом вышесказанного стала организованная нами специализированная конференция. С 1 по 5 февраля 2012 г. в Зоологическом музее ЗИН РАН состоялась всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы реставрации предметов из естественно-исторических коллекций. Теория и практика».

конференція. Збереження, дослідження, консервація, реставрація та експертиза музейних пам'яток. Частина 2. Київ, 2008. С. 247–252; Стариков Ю. В., Старикова Л. Г. К вопросу о реставрации естественно-исторических предметов // Материалы международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию юбилею ГосНИИР. Вып. 2. М., 2008. С. 251–255; Старикова Л. Г., Стариков Ю. В. Естественно-научные коллекции как часть историко-культурного наследия. Проблемы реставрации // Материалы международной научной конференции. К 15-летию Русско-Голландского клуба. СПб., 2010.

* Норис А. Рабочая группа по таксидермическому искусству и его значение для культурного наследия // Труды Гос. Дарвиновского музея. М., 2007. Вып. 10. С. 230–236.

Идея провести подобную конференцию появилась в 2001 г., во время работы с гигантским чучелом белуги в Национальном музее Республики Татарстан в Казани. Тогда нам довелось познакомиться с реставраторами высшей категории из московского Музея декоративно-прикладного искусства, которые приводили в порядок царскую карету и с интересом наблюдали за нашей работой. В процессе общения выяснилось, что такой специализации в стране не существует, хотя приемы работы частично совпадают с общепринятыми, но имеют свои особенности. Тогда и было решено собрать вместе реставраторов-«естественников» и представителей классической реставрации для обмена опытом. Процесс подготовки конференции был достаточно длительным: несколько раз (по не зависящим от нас причинам) сроки ее работы переносили, менялся состав оргкомитета, но наконец в 2012 г. это событие свершилось.

Организацию и проведение мероприятия взяли на себя Зоологический музей ЗИН РАН, кафедра зоологии позвоночных СПбГУ и Государственный Дарвиновский музей при поддержке Ассоциации естественно-исторических музеев России. На конференции обсуждались следующие темы:

- общая концепция консервации и реставрации естественно-исторических экспонатов;
- специфика реставрации естественно-исторических предметов из различных типов коллекций;
- проблемы определения ценности экспоната: научная, историческая, художественная и материальная;
- адаптация методологических подходов при реставрации памятников декоративно-прикладного искусства из органических материалов для работы с естественно-историческими объектами с учетом отечественного и зарубежного опыта;
- выявление, сохранение и реставрация предметов из естественно-исторических собраний XVIII–XIX вв.;
- опыт реставрационных работ с конкретными предметами из различных групп естественно-научных коллекций.

С пленарными докладами выступили старший таксидермист-реставратор Ю. В. Стариков — «Проблемы сохранности и реставрации предметов из естественно-исторических коллекций»; старший научный сотрудник отдела природы Д. В. Варенов, Самарский

областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, — «Использование бумажных материалов при изготовлении и реставрации макетов и муляжей природных объектов»; ведущий научный сотрудник И. В. Фадеев, Государственный Дарвиновский музей, Москва, — «История дронта. Опыт реставрации уникального экспоната»; художник-реставратор А. В. Калужников, Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург, — «Рельефные картины в экспозициях естественно-исторических музеев на примере работ Ф. Ф. Шиллингера из собраний СОКМ. Особенности их реставрации».

Коллеги по достоинству оценили работу художника-реставратора С. В. Питухина (Музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского, г. Салехард). Тема его доклада — «Реконструкция черепа Монгоченского мамонта». Бурные дискуссии вызвал доклад К. Д. Мильто «Идентификация экспонатов из первых голландских коллекций Кунсткамеры в фондах лаборатории герпетологии ЗИН РАН». Реставратор высшей категории Е. А. Чехова рассказала о проблемах повторной реставрации памятников прикладного искусства из органических материалов на примере археологических находок «ледяных курганов» Алтая из коллекции Государственного Эрмитажа.

В конференции приняли участие 55 человек из 40 организаций: таксидермисты-реставраторы, музейные таксидермисты, реставраторы, имеющие опыт работы с предметами из органических материалов, а также научные сотрудники и другие специалисты музеев из различных городов России. Были зачитаны 37 докладов. Из фондов библиотеки ЗИН РАН и собрания Ю. В. Старикова была представлена выставка отечественной и зарубежной литературы (50 наименований) по тематике конференции.

На кафедре зоологии позвоночных СПбГУ тогда же был организован семинар «Особенности реставрации отдельных групп естественно-исторических предметов». Были проведены мастер-классы по темам:

- «Реставрация чучел рыб» (Ю. В. Стариков, Зоологический институт РАН);
- «Реставрация чучел птиц» (Т. П. Дьяконова, СПбГУ);
- «Реставрация чучел млекопитающих» (А. В. Калужников, Свердловский областной краеведческий музей);

- «Реставрация остеологического материала» (Е. М. Поляницкая-Образцова, СПбГУ);
- «Изготовление и реставрация искусственных растений» (Г. Н. Курилин, Государственный Дарвиновский музей);
- «Сохранение и консервация палеонтологических коллекций» (В. А. Кривошеев, Государственный Дарвиновский музей).

В рамках работы конференции состоялось знакомство с опытом работы и экспозициями Зоологического музея ЗИН РАН, Музея кафедры зоологии беспозвоночных биолого-почвенного факультета СПбГУ, Российского этнографического музея и Музея Горного института. О работе конференции были сообщения в печатных СМИ и в интернете. Подобная встреча на одной рабочей площадке таких различных специалистов проведена в России впервые, но, судя по отзывам участников, поступавшим в оргкомитет после окончания семинара, конференция прошла успешно. В настоящее время готовится к публикации сборник трудов конференции*.

* Материалы Всероссийской конференции «Проблемы реставрации предметов естественноисторических коллекций. Теория и практика». Санкт-Петербург, 1–5 февраля 2012 г. М., 2014 (Прим. отв. ред.).

ИСТОРИЯ ДОМА НА НАБЕРЕЖНОЙ ФОНТАНКИ, 22, В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ВЫБОР темы исследования не случаен. Вот уже второй год я учусь в художественно-эстетической гимназии № 190 при Академии им. А. Л. Штигица. Гимназия располагается на набережной реки Фонтанки, 22, в здании, которое своим видом напоминает классические постройки начала XIX в. Между тем это здание было построено в первые послевоенные годы, так как стоявший на его месте дом был разрушен во время Великой Отечественной войны. На фасаде гимназического здания помещены две мемориальные доски. Они сообщают, что в этом доме жили благотворитель и меценат, русский купец Василий Федулович Громов (1796–1869) и Михаил Иванович Пыляев (1842–1899), историк и краевед Петербурга. Понятно, что и Василий Громов и Михаил Пыляев жили не в этом здании, а в доме, который находился на его месте с середины XIX в. Вот потому-то у меня и возникло желание узнать его историю. Но во всех путеводителях и популярных очерках по набережной реки Фонтанки, за редким исключением*, об этом доме или вообще ничего не говорится, или повторяется информация, содержащаяся в текстах мемориальных досок.

Начали мы поиск с петербургских адресных книг за 1837–1917 гг.; с Атласа 13 частей Санкт-Петербурга Н. Цылова; энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона; справочных книг о лицах Санкт-Петербургского купечества; старинных литографий с изображением Фонтанки. Исследование продолжилось в ЦГИА СПб. на Псковской улице, 18. Здесь нашлось два архивных дела, относящихся к данному участку. Изучив эти источники и краеведческую литературу, я поставила перед собой цель создать по возможности полный очерк истории дома на набережной Фонтанки, 22.

* См.: Фокин М. М. Городское путешествие: Фонтанка. СПб., 2008. С. 35–36.

До середины XVIII в. река Фонтанка служила южной границей города. Ее массовая застройка началась вместе с созданием гранитной набережной в 1780–1790-е гг. Подрядчиком на сооружении этой набережной был Иван Долгов, который, блюдя свой интерес, соорудил на участках 22 и 24 рядом два собственных дома. Первый из них он выгодно продал графу А. К. Разумовскому.

В середине XIX в. участок по Фонтанке, 22, приобрел почетный гражданин Василий Федулович Громов. Первое же упоминание о купеческой семье Громовых я нашла в книге адресов Санкт-Петербурга за 1837 год, где содержится информация о купце 1-й гильдии Федуде Григорьевиче Громове, его сыне Василии Федуловиче и брате, купце 2-й гильдии Сергее Григорьевиче. Тогда они еще жили вместе в собственном доме в 4-м квартале Рождественской части на Орловской улице.

Федул Григорьевич Громов был крепостным из подмосковных Гуслиц. Там он стал заниматься торговлей и, накопив денег, выкупился из крепостной зависимости. Вместе со своим братом, Сергеем Григорьевичем Громовым, он принадлежал к старообрядцам. Купцы-миллионеры, владельцы Громовской лесной биржи, Громовы были главными фигурами поповской общины столицы.

В ноябре 1848 г. Василий Федулович Громов был введен во владение унаследованным имуществом, оцененным в 1 200 000 руб. серебром. Имущество находилось в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургской и Выборгской губерниях, в Великом княжестве Финляндском.

В архивном деле значится, что в 1865 г. Василий Федулович впервые обращается в правление Городского кредитного общества за ссудой под залог своего дома и земли. В архиве среди 10 планов представлен фасад лицевого дома Громова. Этот документ датирован 23 июня 1849 г. Таким образом, именно 1849 г. является годом, когда приступили к постройке дома*.

В общей сложности В. Ф. Громов владел этим домом не менее 30 лет. Возможно, его имя кануло бы в Лету, если бы не его деятельность на поприще благотворительности и меценатства. После смерти Василия Федуловича в 1869 г. большую часть семейного

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4502.

имущества, в том числе и особняк на набережной реки Фонтанки, 22, унаследовал его младший брат, Илья Федулович Громов.

Весной 1878 г. участок перешел во владение княгини Марии Михайловны Голицыной. Новая домовладелица первой превратила дом на Фонтанке, 22, в доходный и начала сдавать квартиры внаем. В июле 1887 г. она продала дом жене отставного гвардии полковника Надежде Семёновне Вонляряльской, и здесь, помимо владелицы, стали жить ее муж Владимир Михайлович, сын Дмитрий и дочь Мария.

В списке жильцов я нашла имя Санкт-Петербургского 2-й гильдии купца Михаила Ивановича Пыляева, известного писателя и краеведа. Его труды печатались в «Искре», «Сыне Отечества», «Петербургском листе», «Петербургской газете» и многих других изданиях. Особенно интересовался Пыляев театральной и художественной жизнью столицы, о чем свидетельствуют его многочисленные статьи, посвященные истории театра, и газетные отчеты о художественных выставках. М. И. Пыляев скончался в 1899 г. в доме на Фонтанке, 22. В «Историческом вестнике» № 3 за 1899 г. был опубликован некролог на смерть М. И. Пыляева, написанный А. А. Плещеевым, писателем, театральным критиком, драматургом, близко знавшим Михаила Ивановича и жившим с ним в одном доме на Фонтанке.

Вернемся к истории дома. Н. С. Вонляряльская владела домом на Фонтанке, 22, до 1910 г., когда здесь разместился Кабинет Его Императорского Величества, точнее одно из его отделений. Бывший доходный дом Вонляряльской был перестроен под нужды Кабинета архитектором управления императорских дворцов Ю. Ю. Бенуа. В ведении Кабинета этот дом был до Февральской революции, когда было ликвидировано само это учреждение.

С домом на Фонтанке, 22, связаны последние годы работы Археологического института. В 1922/23 учебном году институт был преобразован в отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук Петроградского университета*.

Из адресных книг «Весь Ленинград» за 1920–1930-е гг. следует, что дом был превращен в жилой, а в годы войны прямым попада-

* Весь Петроград на 1917 г. С. 560; Весь Петроград на 1922 г. С. 619; Санкт-Петербург: энциклопедия. М.; СПб., 2004. С. 55.

нием бомбы был разрушен. В ходе обследования его территории мне удалось обнаружить сохранившиеся дворовые флигели дома. В 1949 г. на месте разрушенного дома по проекту архитектора Н. П. Всеволожского (1904–1971) было возведено здание школы.

Школа № 190 была открыта в новом здании на Фонтанке, 22, 1 сентября 1949 г. Около 60 лет назад, учитывая ее близкое расположение к Мухинскому училищу (как называлась тогда Академия им. А. Л. Штиглица), в школе были открыты художественные классы.

Подводя итоги исследования, отметим, что в ходе изысканий удалось проследить историю участка на набережной реки Фонтанки, 22, более чем за два столетия; установить ранее не известные имена владельцев находившегося здесь дома; рассказать о наиболее выдающихся личностях, связанных с ним, о деятельности художественно-эстетической гимназии, располагающейся ныне в здании, построенном в послевоенные годы. Надеюсь, что последующий поиск поможет мне установить имена жильцов дома, проживавших здесь в предвоенные годы.

ВОКРУГ ДОМА НА ПАВЛОВСКОМ

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ (Пушкине) кроме знаменитых дворцов и каменных особняков было немало замечательных деревянных домов, проектированием и строительством которых занимались лучшие архитекторы. В середине XIX в. в городе было 230 деревянных домов, к началу XX столетия — уже более 500.

К нашего времени от всей этой деревянной красоты дошло совсем немного зданий, да и они находятся под угрозой полного исчезновения. В канун 300-летия Царского Села, в 2010 г., все деревянные дома (их тогда было около 30) расселили и здания были выставлены на продажу. Жители города часто видят безрадостную картину: расселенный дом на какое-то время остается заброшенным, «вдруг» случается пожар — и дома как не бывало.

Один из сохранившихся деревянных домов расположен на Павловском шоссе, 6. Сначала меня заинтересовала Музыкальная школа И. А. Гляссера, которая работала в этом доме в послереволюционные годы, но по мере накопления материала я пришла к выводу, что тему надо расширить, добавив собранные сведения по дому за период 1874—2013 гг.

Участки земли под строительство дач в Царском Селе стали выделять в 1855 г., о чем свидетельствует подробное описание их размеров и виза министра императорского двора графа Адлерберга: «Высочайше утверждено. 17 ноября 1855 года».

В 1874 г. один из таких участков, в Отдельном парке, был пожалован жене коллежского секретаря Марии Робертовне Ростовцевой, которая в том же году представила проект дома со службами и получила разрешение на строительные работы. Усадьба строилась долго.

В 1890-е гг. усадьбой владел Иван Александрович Ростовцев, предводитель дворянства Царскосельского уезда, действительный статский советник. Он умер в 1901 г. и был похоронен на Казанском кладбище Царского Села.

Архивный материал «Об опеке над имуществом умершего Д. С. С. Ростовцева И. А.» сообщает, что в 1902 г. умер его сын Николай, через 3 года погиб другой сын, Александр. На надгробном камне на Казанском кладбище в Пушкине есть такая надпись: «Ростовцев Николай Иванович (1880–1902) и Александр Иванович (1873–1905), полковник, умер от ран, полученных в войне с Японией, тело его осталось в Манжурии, сыновья И. А., камергера Е. И. В., видного деятеля Царского Села». С 1915 г. М. Р. Ростовцева с дочерьми жила в Петербурге.

Хозяевами царскосельской дачи становятся Дидерихсы, фабриканты. Их главный доходный дом был в Петербурге, на Владимирском пр., 8, а фабрика по производству пианино и роялей располагалась на Васильевском острове. Первая в России фортепианная фабрика появляется в Санкт-Петербурге в 1810 г. Основал ее выходец из Германии Фридрих (Федор) Дидерихс, сыновья которого Роберт и Андрей в 1870-е гг. создают фирму «Братья Р. и А. Дидерихс». На Всемирной промышленной выставке в Париже в 1900 г. инструмент их фирмы получил Гран-при. Интересно было найти рояль фирмы «Дидерихс» в Пушкине в настоящее время. Поиски оказались успешными. Дом-музей П. П. Чистякова (Московское шоссе, 23) приобрел рояль фирмы «Дидерихс» через комиссионный магазин в 1989 г.

После 1917 г. у дома начинается другая жизнь. Сначала здесь чуть больше 10 лет работала музыкальная школа И. А. Гляссера, который в 1918 г. перевез из Петрограда в Детское Село имущество, инструменты, ноты своих знаменитых музыкальных курсов, а в 1920 г. курсы перебравшись в бывший царскосельский дом Дидерихсов. Условия для занятий были прекрасные: двухэтажный громадный особняк с просторными помещениями с высокими потолками, украшенными лепниной, с хорошей акустикой.

По прошению Гляссера в органы советской власти его музыкальные курсы были преобразованы в Народную консерваторию. Музыкальная жизнь Царского Села озарилась новым светом. По воспоминаниям очевидцев, в музыкальной школе давали оперные спектакли, концерты. Здесь учились, потом преподавали Андрей и Леонид Дидерихсы. Сюда приезжали отдохнуть душой поэты и музыканты.

Выпускница 1930 г. 2-й детскосельской школы Л. Баранова (Зегжда) вспоминает: «Музыкальная жизнь Детского Села была неотъемлема от музыкальной школы И.А. Гляссера. Игнатий Альбертович — прекрасный педагог. На этих курсах в Петербурге начинал учиться Дмитрий Шостакович».

Что преподавали? Помимо обучения по классу фортепьянной игры, смычковых инструментов у Глясеров были классы теории музыки, гармонии, вокала. Непревзойденным виртуозом по количеству разных фокстротов был в Детском Селе Леонид Дидерихс. Он окончил консерваторию, но увлечение джазовой музыкой привело его в джаз-оркестр Утесова. Леонид Утесов очень ценил талантливого пианиста, многие записи песен оркестра Утесова были в обработке Л. Дидерихса. Андрей Дидерихс долгие годы играл в том же джаз-оркестре на саксофоне.

Игнатий Альбертович Гляссер умер в 1925 г. и похоронен на Казанском кладбище. Школе было присвоено имя И.А. Гляссера, а Ольга Федоровна Гляссер-Мякишева работала директором школы до 1931 г.

Хозяйкой дома (точнее, арендатором) осталась Берта Леонидовна Дидерихс, жена (а потом вдова) Андрея Андреевича Дидерихса (старшего), умершего в Москве в 1923 г. Борьбу за дом Берта Леонидовна вела одна. Во всем доме проживало 16 человек. Квартплата с жильцов бралась по усмотрению арендатора, т. е. Берты Леонидовны, а не по обязательному постановлению горсовета, отсюда постоянная нехватка средств на ремонт. Одну из комнат арендовал Л.Р. Коган, профессор Ленинградского Коммунистического института. Аренду дома Берте Леонидовне в 1929 г. не продлили, и она уехала в Ленинград на Владимирский (тогда Нахимсона) пр., д. 8. Там жили родственники мужа, в том числе врач-хирург Екатерина Андреевна, архитектор Роман (Роберт) Андреевич.

Квартиры в доме № 6 становятся коммунальными. Информация о жителях дома в 1930-е гг. пока не найдена, может, потому, что город был областного подчинения, а судьба областного архива оказалась сложной, даже трагической. Часть материалов потеряна.

Война. Город оккупирован немцами. В соседнем доме № 4 располагалась испанская дивизия. Возможно, и дом № 6 был в их распоряжении, но подтверждения этому нет.

К 1945 г. 90% жилого фонда Пушкина было разрушено. Жилплощадь, пригодную для проживания, в основном дают гражданам, восстанавливающим город. Дом № 6 казался годным для жилья, но целыми были только внешние стены — наверное, из-за очень крепкого фундамента.

Восстановление дома началось с 1950 г. По планам властей Ленинграда дом предполагалось восстановить под дачи сотрудников Смольного. В доме были оборудованы 8 квартир со всеми удобствами, т. е. были поставлены котлы, построены ваннные комнаты. Котлы топились дровами. К окончанию восстановления дома в 1954 г. планы Смольного изменились и часть квартир дали рабочим, восстанавливавшим дом.

Одну из квартир получили семья Степана Васильевича и Анны Мефодьевны Козловых с дочкой Валей и сыном Леонидом (с 1945 г. они жили во дворе усадьбы Кочубея). Другую квартиру получила семья Ивана Павловича Шумилова. Отопление в комнатах было печное, на кухнях плиты. Веранда в восточной части дома была застеклена. «Прямоугольное в плане здание с выступами на северном, южном и восточном фасадах расположено в центре сада. Несмотря на ветхость деревянного резного декора, его фасады сохранили целостность архитектурного облика. Металлическая ограда по Павловскому шоссе декорирована деталями с использованием элементов морской символики — в виде рулевого колеса и якоря». Небольшой, но глубокий пруд на участке использовался только для полива огородов. В стеклянных парниках выращивали огурцы, на грядках клубнику, овощи. В саду росли и плодоносили яблони.

Выросли потомки Козловых, четыре поколения. Дом еще долго жил полнокровной жизнью. Так, в 1980-е гг. здесь было много молодежи примерно одного возраста, а у них много приятелей. Большой сад около дома гостеприимно принимал всех друзей и гостей семей Толлер, Садовниковых, Даниловых, Сухоруковых. Здесь праздновались дни рождения, игрались свадьбы. Расселение дома началось в 2010 г. и было приурочено к 300-летию города Пушкина. Всем были предоставлены квартиры в других районах города. Окончательное переселение закончилось в ноябре 2012 г. Последние жители хотели, чтобы как можно дольше не на-

чалось разрушение дома. Дом заколотили (условно). Кто хотел, свободно в него проникал, особенно с восточной стороны, там только тонкие реечки были приколочены к окнам. И случилась беда — в ночь с 1 на 2 июня 2013 г. дом загорелся в трех местах сразу. Пожарные 18 часов тушили пожар, проливали водой здание.

Я проследила за судьбой этого дома за длительный период 1874–2013 гг. Судьба дома интересная, ведь в нем работала детская музыкальная школа, первая в городе. Сейчас трудно себе представить город без музыкальной школы. Я ничего не знала про этот дом, поэтому для себя считаю небольшим открытием то, что я узнала его историю.

Я знаю, что в нашем городе активно работают члены СПб ГО ВООПИиК. Они отстояли дом А. Н. Толстого, в котором будет музей. Надеюсь, что в городе сохранятся деревянные дома, пусть и в небольшом количестве. Всегда с теплым чувством проходишь мимо дома-дачи Китаевой, дома-музея П. П. Чистякова, дома № 27 по Московскому шоссе. Восстановят дом Канобио, дом Монигетти. Появятся новые музеи, город только выиграет, сохранив красивые деревянные дома.

Жаль, что на Казанском кладбище нашего города не сохранились памятники И. А. Ростовцеву, И. А. Гляссеру. Фотографий памятников не нашлось. В 1960-е гг. была распространена практика использования чужих надгробий с разрешения властей города.

Выражаю благодарность моим взрослым помощникам, которые много поработали в архивах Санкт-Петербурга. Благодарю моего руководителя Ангелину Григорьевну Груздеву за большую помощь в написании настоящей работы.

Источники и литература

Архив КГИОП. № 445. (План части Царского Села и Отдельного парка. 1855 г.)

Архив кладбищ по Санкт-Петербургу.

Баранова Л. Музыкальная жизнь в Детском Селе // Царскосельская газета. 2000. № 106. С. 4.

Воспоминания И. Р. Даниловой. Интервью.

Воспоминания А. Р. Садовниковой. Интервью.

Митенёв А. Музыка в Детском Селе // Царскосельский альманах. СПб., 2010. С. 208–216.

Панов В. А. Царскосельский некрополь. Казанское кладбище. СПб., 2005.

РГА. Ф. 132. Оп. 8. Д. 64; Оп. 11. Д. 20; Ф. 4958. Оп. 1. Д. 61.

РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 486; Оп. 10. Д. 853, 875.

Семёнова Г. В. Отдельный парк // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: исследования и материалы. Вып. 4 / науч. ред. Б. М. Кириков. СПб., 1997. С. 111–131.

ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Т. 1. Д. 10097; Ф. 361. Оп. 1. Д. 960; Ф. 536. Оп. 9. Д. 11367; Ф. 1402. Оп. 2. Д. 7.

ИМЕНИЕ С. П. БОТКИНА «КУЛТИЛЛА» —
КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО «РУССКОЙ ФИНЛЯНДИИ»

В НАЧАЛЕ 1880-х гг. профессор С. П. Боткин приобрел в Финляндии имение, которое стало не только местом семейного летнего отдыха, но и научной лабораторией, где «поседевший, но вечно неутомимый наблюдатель и работник Боткин, пользуясь летним отдыхом на даче, проводит целые часы над микроскопом»*. Имение становится местом встреч С. П. Боткина с коллегами, деятелями культуры. После смерти отца хозяевами имения были его сыновья, деятельность которых тесно связана с военной медициной: профессор, руководитель клиники и почетный лейб-медик С. С. Боткин; приват-доцент лейб-медик Е. С. Боткин; доктор медицины, фрегат-капитан А. С. Боткин. А. С. Боткин — судовой врач, старший врач и одновременно заведующий естественно-историческими исследованиями гидрографических экспедиций военно-морского ведомства. Последняя хозяйка имения, Мария Сергеевна Боткина, была сестрой милосердия во время землетрясения на Сицилии в 1908 г.**

Имение С. П. Боткина находилось в деревне Кирстинья, в 12 верстах от станции Мустамяки***, мыза Кунтилла, в настоящее время — поселок Тарасово, пансионат «Дубки». Постановлением СМ РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. «дом, в котором в 1880-х годах жил врач-терапевт Боткин Сергей Петрович» признан объектом культурного наследия федерального значения. Вновь выявленным объектом культурного наследия признана «усадебная Кунтилла: парк, плотина», состоящая на учете на основании акта регистрации вновь выявленных объектов города Выборга и Выборгского

* Белоголовый Н. А. Сергей Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность. М., 2011. С. 62.

** Муромцева-Бунина В. Н. Книга «Жизнь Бунина» // Vuzlib. Экономико-правовая библиотека. URL: http://www.history.vuzlib.org/book_0007_page_22.html (дата обращения: 25.10.2012).

*** ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8. Л. 1–6.

района, представляющих историко-культурную ценность, № 5-9 от 16.10.1991 г.

Существует несколько вариантов написания русифицированно-го названия мызы, где находилось имение. На сайте Карельского союза Финляндии в разделе о деревне Кирстиняля (Kirstinälä) опубликована карта 1899 г. и сведения о местности*. На карте и в приложении к ней местность, занимаемая имением, обозначена Кунттила № 1 и Кунттила № 2 (Kunttila № 1 и Kunttila № 2). В письме брату, М. П. Боткину, от 25.06.1882 г. С. П. Боткин указывает адрес «мыза Култила, Мустамяки», а его жена, Екатерина Алексеевна, в приписке указывает: «наша мыза Культила» — и ставит ударение «Культила»**. М. Е. Салтыков-Щедрин в письме называл имение «Культивла»***. Название «Култилла» указывает С. П. Боткин в деле о разрешении на постройку домово́й церкви в имении^{4*}. Данный документ является официальным, написан С. П. Боткиным разборчивым почерком, поэтому я использую этот русифицированный вариант наименования мызы в качестве названия имения С. П. Боткина.

Имение было приобретено до 1882 г., так как 6 сентября 1882 г. С. П. Боткин указал, что постройка домово́й церкви в имении приближается к завершению^{5*}. Письмо С. П. Боткина М. П. Боткину из Култилле датируется 25.06.1882 г. В предыдущем письме от 07.07.1881 г. указано место написания — Гатчино^{6*}. Предполагаю, что летний сезон 1881 г. семья Боткиных проводила еще в Гатчино (в настоящее время — Гатчина), а 1882 г. — в Култилле.

Значительный вклад в русскую культуру внес брат С. П. Боткина, Михаил Петрович Боткин (1839–1914), академик исторической

* Kyläkartat ja asukkaat (A-K). Kirstinälä Kirstinälän asukkaat. Карта Кирстиняля // Официальный сайт Карельского союза Финляндии Karjalan Liitto «Ebookbrowse». URL: <http://www.karjalanliitto.fi/index.phtml?s=1398> (дата обращения: 30.10.2012).

** Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Личный фонд рукописного отдела. Архив М. П. Боткина. Ф. 365. Оп. 1. Д. 13/1. Л. 54–55.

*** Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 20. Письма (1884–1889). М., 1977. С. 358.

^{4*} ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8. Л. 1–6.

^{5*} Там же.

^{6*} Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Личный фонд рукописного отдела. Архив М. П. Боткина. Ф. 365. Оп. 1. Д. 135. Л. 4–13, 46–47.

и портретной живописи, коллекционер, общественный деятель, предприниматель, который проживал летом в имении со своей многочисленной семьей. Последней хозяйкой имения была дочь врача, художница Мария Сергеевна Боткина (Андреевская) (1875–1960), проживавшая в имении до 1943 г. На православном кладбище Хельсинки в районе Лапинлахти удалось найти ее могилу. Подробные сведения о жизни М. С. Боткиной не обнаружены, хотя ее имя упоминается в переписке И. А. Бунина, М. Горького. Авторами ее живописных и скульптурного портретов были В. Серов, французский живописец О. Редон, скульптор П. Трубецкой.

Писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, поселившийся в 1886 г. неподалеку от имения, на Красной мызе, в письмах указывал, что «почти каждый день между 12 и 2 часами езжу к Боткину»^{*}; писал об усадьбе: «Сейчас воротился от Боткиных, которые живут, как принцы Орлеанские, и имеют в своем шато 42 комнаты. <...> По воскресеньям у них толпы гостей и такой шум, что я бывать не решаюсь»^{**}. Менее известно письмо писателя, в котором он сообщал: «О Боткиных знаю одно: что они по субботам служат в своей церкви всенощные, а по воскресеньям — обедни, для чего приезжает к ним из Выборга поп. Совершенно по-старинному...»^{***}

В имении бывал художник И. Н. Крамской. Предлагается уточнение места написания им портретов С. П. Боткина и С. С. Боткина. Некоторые источники указывают, что портрет С. П. Боткина был написан в имении, однако картина экспонировалась уже на передвижной выставке 1881 г. Судя по датировке писем врача, в 1881 г. он проживал летом в Гатчине. Думаю, что портрет С. П. Боткина был написан в Гатчине, а в Култилле в 1882 г. был написан портрет его сына, С. С. Боткина. Сведения о получении С. С. Боткиным диплома врача к моменту написания портрета ошибочны. С. С. Боткин закончил Вторую Санкт-Петербургскую гимназию в 1879 г., получил диплом кандидата по естественному разряду физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета в 1883 г.^{4*}, после

^{*} Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. С. 257.

^{**} Там же. С. 252.

^{***} Там же. С. 61.

^{4*} ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20558. Л. 2.

чего поступил в Военно-медицинскую академию. В связи с этим принятое название работы И. Н. Крамского 1882 г. «Портрет врача С. С. Боткина» мне представляется неточным.

При совмещении спутниковой карты и карты 1899 г.* удалось определить местонахождение утраченных сооружений. В таблице к карте 1899 г. содержится информация о расположении домов финского населения, обозначены границы имений Боткиных и Бородулиных.

Наиболее ценные сведения об имении содержатся в воспоминаниях Ээро Лемпияйнена (Eero Lempiäinen), с которым мне удалось вступить в переписку. Уроженец Кирстиньяля 1929 г., Э. Лемпияйнен является крестником М. С. Боткиной, сыном работавшей в имении местной жительницы, которая стала «собеседницей и задушевым другом» М. С. Боткиной. Э. Лемпияйнен — автор воспоминаний «Имение Боткина»** и «Мария Сергеевна Боткина»***, плана имения, который он нарисовал в 1939 г. По воспоминаниям автора, в имении перед войной находились: церковь и покрытая крышей колокольня; дом священника; гумно с листовным загоном для овец; дом прислуги; теплица с двухметровой кирпичной стеной; три колодца; пасека; картофельный и домашний погреб с крышей; дом М. С. Боткиной и управляющего имением; домашняя коптильня; мастерская художника; изба рабочих; большая собачья конура; баня; сенной сарай с бетонным бассейном; кухня-пекарня с амбаром; конюшня с хлевом и бетонированным бассейном для навоза; молочная с ледником и индюшатником; конюшня; помещение для слуг; большой летний двухэтажный дом на 32 комнаты, с большой остекленной верандой и внутренним двором; двухэтажный летний дом; дом садовника. Э. Лемпияйнен вспоминает о сельскохозяйственной

* Kyläkartat ja asukkaat (A-K). Kirstinälä Kirstinälän asukkaat. Карта Кирстиньяля // Официальный сайт Карельского союза Финляндии Karjalan Liitto «Ebookbrowse». URL: <http://www.karjalanliitto.fi/index.phtml?s=1398> (дата обращения: 30.09.2012).

** Eero Lempiäinen muistelot. Botkinin alue. (Воспоминания Ээро Лемпияйнена. Имение Боткина) // Сайт Kakko.eu/lempiain.htm. URL: <http://www.kakko.eu/botkin.htm> (дата обращения: 20.09.2012).

*** Eero Lempiäinen muistelot. Maria Sergejevna Botkin. (Воспоминания Ээро Лемпияйнена. Мария Сергеевна Боткина) // Сайт Kakko.eu/lempiain.htm. URL: <http://www.kakko.eu/lemp-4.htm#top> (дата обращения: 20.09.2012).

Летний дом С. П. Боткина

деятельности; быте имения; приготовлении пищи; промыслах и работе в имении коренного финского населения; уважении финнов по отношению к Боткиным; оказании врачебной помощи населению; религиозных праздниках.

Удалось подтвердить назначение дома, остатки фундамента которого (географические координаты: 60°15'432" N, 29°18'696" E) были обнаружены мною в парке. В соответствии с планом имения здесь располагался большой двухэтажный летний деревянный дом на 32 комнаты, разобранный в 1936 или 1937 г. Внешний вид дома воспроизведен на фотографии архива Военно-медицинского музея*. Единственная сохранившаяся до настоящего времени постройка имения — двухэтажный деревянный дом (географические координаты: 60°15'408" N, 29°18'673" E) — был одним из двух летних деревянных домов.

Загадкой стал вопрос о местонахождении несохранившейся домово́й церкви во имя Святых Первоверховных апостолов

* Сергей Петрович Боткин. К 180-летию со дня рождения / под ред. Б. В. Гайдара. СПб., 2012. С. 121.

Петра и Павла. Существует заявление С. П. Боткина в Духовную консисторию о разрешении на сооружение в имении домового храма*. В номере еженедельной газеты «Неделя строителя» за 10 июля 1883 г. найдена статья, подтверждающая строительство храма по проекту архитектора управления домами Министерства путей сообщения П. С. Купинского, а также написание образов для церкви академиком М. П. Боткиным**.

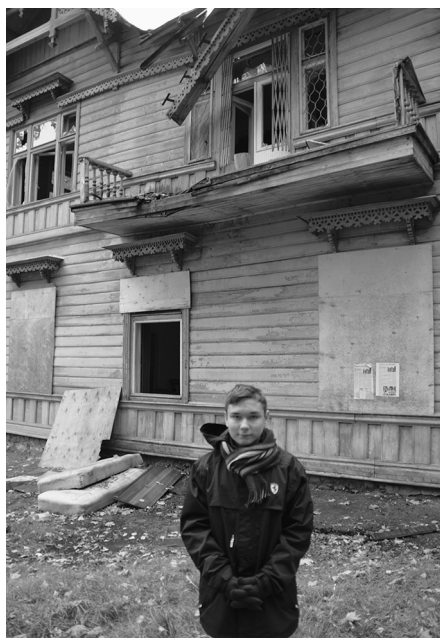
Церковь обозначена на карте деревни Кирстиняля 1899 г., топографической карте Генштаба Красной армии и плане Э. Лемпийайнена 1939 г. Храм располагался на принадлежащей С. П. Боткину земле за пределами земельного участка, занимаемого пансионатом. Храм был построен у перекрестка, рядом с дорогой к Средне-Выборгскому шоссе. В настоящее время здесь расположено одноэтажное здание для содержания скота. С учетом указанного на картах местонахождения церкви, расположения естественных ориентиров, рельефа местности, наличия большого количества валунов в фундаменте сельскохозяйственного объекта предполагаю, что остатки фундамента домового церкви необходимо искать в южной части здания для содержания скота (географические координаты 60°15'406" N, 29°19'122" E), на расстоянии около 30 метров к югу от перекрестка.

В 2012 г. с целью изучения и описания уцелевших зеленых насаждений объекта выполнен осмотр имения С. П. Боткина, выявлено не менее 300 крупных деревьев (дубы, липы, лиственницы), составлен план аллей. Документация об имении направлена в Комитет по культуре и ТУ Росимущества Ленинградской области, в мае 2012 г. дом изъят у пользователя.

Современное состояние объекта культурного наследия федерального значения — дома С. П. Боткина — угрожает его гибелью. Зимой 2010 г. обрушился балкон; вода с кровли течет по стене; конструкции дома быстро разрушаются и гниют; объект вскрыт; охранная табличка на доме отсутствует. В письме руководителя ТУ Росимущества в Ленинградской области В. В. Корелина от 21.03.2012 г. сообщается, что «договоры аренды на объект не заключены, объект не включен в план приватиза-

* ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 74. Д. 8. Л. 1–6.

** Неделя строителя. Прибавление к журналу «Зодчий». 10.07.1883. С. 208.

Автор статьи
у дома Боткиных

ции». Вице-губернатор Ленинградской области А. В. Кузнецов в письме от 10.09.2013 г. в адрес представительства президента РФ в СЗФО сообщил: «Комитетом по культуре подготовлено обращение в адрес Росимущества о необходимости принятия мер по определению пользователя объекта и проведения работ по сохранению». Председатель Комитета по культуре Ленинградской области В. Б. Богущ в письме от 13.12.2012 г. сообщил: «Идея создания музея в доме С. П. Боткина послужит возрождению усадьбы как культурного центра...» Озабоченность состоянием дома высказал председатель Комитета Государственной думы РФ по науке и наукоемким технологиям академик В. А. Черешнев, который посетил усадьбу в июле 2013 г. Департамент контроля, надзора и лицензирования в сфере объектов культурного наследия Министерства культуры дал поручение Управлению Минкультуры РФ по СЗФО провести проверку по фактам ненадлежащего исполнения обязанностей по государственной охране объекта. Вопрос о необходимости принятия неотложных мер по спасению объекта поставлен автором настоящей статьи в ходе личного приема в октябре 2013 г. в администрации президента РФ.

С учетом статуса и состояния объекта считаю необходимым не допустить разрушения памятника федерального значения, передать его государственному учреждению здравоохранения или культуры, например Военно-медицинской академии.

ПОИСК ПЕРВИЧНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ
Н. И. ПУТИЛОВА, ВЛАДЕЛЬЦА
ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА

Николай Иванович Путилов был не просто владельцем разных заводов, в том числе Путиловского, основателем Обуховского завода, председателем правления АО «Путиловские заводы». Военный моряк, инженер, ученый, автор проекта и строитель жизненно важного для Петербурга и для флота России Морского канала, он был из категории тех людей, кто сейчас незаслуженно забыт или остался в тени в истории Петербурга.

Авторитет Н. И. Путилова был так высок в рабочей среде, что, когда в 1880 г. он умер, разорившись на постройке Морского канала (за свой счет, без помощи государства), рабочие многое простили своему бывшему хозяину (к этому сроку он перестал быть владельцем Путиловского завода). Рабочие за свои деньги наняли два лучших в городе церковных хора для отпевания Н. И. Путилова в Николо-Богоявленском Морском соборе.

Гроб капитана 1-го ранга, действительного статского советника Николая Ивановича Путилова рабочие несли к месту погребения через весь город, 20 км. Как завещал сам Путилов, а Александр II разрешил, его прах похоронили во временной деревянной часовне на Гладком острове, на бровке тогда еще не достроенного, но уже подведенного к заводу по Екатерингофке Морского канала с видом через реку на Путиловский завод и Морской канал, его любимое детище. В 1884 г. в часовне похоронили и жену Н. И. Путилова — Екатерину Ивановну.

Морской канал достроили в 1885 г. Вместо деревянной часовни по проекту Ф. С. Харламова встала белокаменная. И потом долго, до 1907 г., на планах Санкт-Петербурга в устье реки Екатерингофки был знак — «Могила Путилова». И только когда на Петергофском шоссе, напротив Путиловского завода, по проекту В. А. Косякова в 1905–1906 гг. на деньги рабочих была построена вместо деревянной уже кирпичная церковь в честь

Николая Чудотворца и мученицы царицы Александры, было решено и получено высочайшее разрешение перезахоронить прах Н. И. Путилова и его жены в Путиловской церкви в приделе (пещерный храм), освященном во имя великомученика Георгия Победоносца и устроенного по проекту П. И. Народова. Произошло это 11 ноября 1907 г.

Часовню на Гладком острове после перезахоронения Путилова снесли, но память о ней жива до сих пор у тех, кто работает в ОАО «Петролеспорт» (ОАО «Петролеспорт» входит в систему Большого порта Санкт-Петербурга).

В начале 2011 г. возникла идея найти на Гладком острове место первичного захоронения Путилова. Отправной точкой для поиска стала фотография из фондов Музея истории и техники Кировского завода. На снимке изображена часовня на берегу. Правее и ниже от нее хорошо виден деревянный мост. На мосту и около часовни много прилично одетых людей. Очевидно, что это место очень почитаемо. Сведений о других часовнях и захоронениях на Гладком острове не обнаружено. В отделе картографии Российской национальной библиотеки был найден план Санкт-Петербурга 1904 г., на котором в устье реки Екатерингофки на Гладком острове обозначена могила Путилова. Около нее мост через реку, как раз в том месте, где на другом берегу напротив могилы Путилова обозначен Путиловский рельсовый завод. Эти два документа и послужили достаточным основанием для исследования.

В Санкт-Петербургском городском отделении ВООПИиК была организована рабочая поисковая группа в составе Л. П. Дивинской, Н. Е. Захаровой и З. Н. Ключкиной. Конечно, за 130 лет после смерти Н. И. Путилова береговая линия реки Екатерингофки и Гладкого острова изменилась, но администрация «Петролеспорта» предоставила нам план-схему современной территории Гладкого острова. По понятным причинам планы территории Кировского завода не могут быть в широком использовании, но определить место Путиловского рельсового завода на территории современного Кировского завода помогла директор заводского музея Э. Н. Корейченко. Место исследования — Гладкий остров — территория Большого порта, то есть

объект строгого режима с пограничным контролем. Очень трудно было получить разрешительные документы. И все-таки нам удалось убедить должностные лица в целесообразности и необходимости нашего проекта. Было много хлопот, особенно когда неоднократно пришлось переделывать нужные документы. Наконец в апреле 2011 г. допуск в порт и разрешение на фотофиксацию были получены. В апреле еще кое-где на острове по берегу реки лежал снег, поэтому мы не сразу нашли нужное место. Но уже вскоре мы смогли найти остатки креплений устоев деревянного моста на острове. Две пары креплений этих устоев соответствовали ширине пешеходного моста через р. Екатеринбургку от острова к другому берегу. Важной была находка в этом же месте большого гвоздя ручнойковки. В музее завода этот гвоздь определили как мостовой. Также просматривалась ровная площадка в береговом откосе острова, мощенная обработанным камнем. В дополнение мы провели наложение и совмещение планов территорий.

Площадка, как на фотографии, находилась правее и чуть выше креплений устоев моста. Это соответствует плану 1904 г. Была проведена фотофиксация находок и места предполагаемого расположения моста и часовни.

Таким образом, несмотря на изменившийся ландшафт Путиловского и Кировского завода и Гладкого острова, можно с уверенностью сказать, что место изначального захоронения Николая Ивановича Путилова было определено достаточно точно.

Материалы исследования, находки и подробный отчет были переданы в Музей истории и техники Кировского завода.

В настоящее время руководством порта проводится расширение рабочей площадки на Гладком острове, и вновь посетить место исследования вряд ли будет возможно.

Источники и литература

«План города Санкт-Петербурга с показаниями улиц, набережных, площадей и проч. с присвоенными наименованиями, а также всех городских имуществ, вод и отмелей в устье Невы». Составлен в 1904 г. по

распоряжению С.-Петербургской Городской Управы согласно постановлению Городской Думы // Отд. картографии РНБ.

План-схема территории ОАО «Петролеспорта». 2010.

Путиловский приход. 2006. № 1 (1). (Спец. вып. газеты «Средняя Рогатка».)

Усанов Б. П. Николай Иванович Путилов — ученый, инженер, предприниматель. СПб., 2000.

Чванов В. В. Вместе с Россией. Исторические очерки. Кировский завод. СПб., 2001.

О ГРАЖДАНСКОМ ИНЖЕНЕРЕ А. Ф. СЫСОЕВЕ
(1876 — ПОСЛЕ 1928)

СРЕДИ зодчих, участвовавших в формировании облика Петербурга, остается немало имен, неизвестных широкой аудитории. В их числе — гражданский инженер Александр Федорович Сысоев, которому посвящена только справочная статья*. В поле моего зрения архитектор попал при изучении творчества другого петербургского мастера — С. Г. Гингера**, с которым А. Ф. Сысоев одно время сотрудничал.

А. Ф. Сысоев родился 23 ноября 1876 г.*** в православной семье Федора Ефремовича Сысоева, служившего в Петербурге, в Министерстве народного просвещения, и жившего на Большой Московской ул., 13^{4*}. Матерью А. Ф. Сысоева, вероятно, была Мавра Григорьевна^{5*}. Закончив Второе реальное училище, А. Ф. Сысоев в 1895 г. поступил в Институт гражданских инженеров и 3 июня 1900 г. получил диплом. Вероятно, первый его собственный петербургский адрес — наб. Обводного канала, 62^{6*}.

* Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 290.

** Чепель А. И. Инженер-архитектор С. Г. Гингер // Невский архив: историко-краеведческий сборник. Вып. 10 / науч. ред. В. В. Антонов. СПб., 2012. С. 110–131.

*** Основные сведения о А. Ф. Сысоеве и его родных приводятся на основании следующих материалов: РГИА. Ф. 587. Оп. 17. Д. 2044; Ф. 1293. Оп. 132. 1900 г. Д. 105; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 28481; Ф. 53. Оп. 1. Д. 2890; Ф. 184. Оп. 3. Д. 3401; Ф. 506. Оп. 1. Д. 382; Ф. 513. Оп. 164. Д. 1854; ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 18. Д. 12510, 12511.

^{4*} Здесь и далее указаны современные петербургские адреса.

^{5*} Она прямо названа матерью Владимира (р. 1871 г.), старшего брата архитектора. Сведениями о том, кто был матерью другого брата — Федора (1875–1930; патологоанатом, профессор) и самого А. Ф. Сысоева, к настоящему времени я не обладаю.

^{6*} Другие его петербургские адреса: Измайловский пр., 21 (1903 г., 1908–1910 гг.); Вознесенский пр., 38 (1906 г.); Бронницкая ул., 22 (1907 г.); Кронверкский пр., 59 (1911–1912 гг.); Мончегорская ул., 10а (1913–1914 гг.); ул. Некрасова, 36 (1915 г.); Литейный пр., 50 (1916 г.).

В 1900–1903 гг. архитектор служил в Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел, одновременно работая в частных компаниях и занимаясь строительной практикой. Летом 1900 г. он был помощником инженера С. А. Баранкеева на его петербургских постройках, осенью занимался оценкой зданий цементного завода «Ассерин» близ железнодорожной станции Сонда.

В конце ноября 1900 г. А. Ф. Сысоев приступил к самостоятельной работе в Петербурге, спроектировав для Н. П. Хохловой компактный трехэтажный каменный особняк и служебные постройки (Таврическая ул., 45 — Таврический пер., 1–3), но проект остался на бумаге*. В 1901 г. он стал работать «по оценкам и ликвидациям имуществ» в страховом обществе «Россия»; в 1902 г. был принят архитектором в Петербургский историко-филологический институт, а в начале 1903 г. — в Императорское человеколюбивое общество. Продолжая работать по частным заказам, он составил в марте 1901 г. проект незначительных сооружений во владении С. П. Иванова (Дегтярный пер., 14), а в мае 1903 г. построил на этом участке прачечную и конюшню на 56 лошадей**.

С апреля 1901 г. по июль 1902 г. А. Ф. Сысоев работал во владениях А. И. Белугиной (Старо-Петергофский пр., 45), построив по собственному проекту два каменных четырехэтажных лицевого дома***. Эти первые его крупные петербургские постройки сохранились: надстроенные с улицы двумя этажами, они послужили конструктивной основой дома, возведенного в 1930-е гг.^{4*} При перестройках изменился лишь декор, перебивка проемов не производилась, а со стороны двора этажность и облик зданий остались неизменными. Также сохранились перестроенные им в 1902–1903 гг. каменные пятиэтажные дворовые флигели во владении М. М. Корзинина (Малый пр. В. О., 12)^{5*}.

Архитектор упоминал, что в 1902 г. выстроил две дачи — в Поповке и Сестрорецке, а также четырехэтажный дом «г. Лелянову по Забалканскому пр.». Сведений о дачах обнаружить

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9203. Л. 44–49.

** Там же. Д. 8998. Л. 27–32.

*** Там же. Д. 5706. Л. 15–28; Оп. 147. Д. 113. Л. 1–19; Ф. 515. Оп. 4. Д. 5894. Л. 29.

^{4*} Горбатенко С. Б. Петергофская дорога: историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2001. С. 56.

^{5*} ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2148. Л. 47–54; Ф. 515. Оп. 4. Д. 3199.

не удалось, а дом С. А. Леяновой (Московский пр., 117) был построен в 1902 г., но автором проекта выступил М. Ф. Ланге, самолично руководивший и возведением здания*. Можно предположить, что А. Ф. Сысоев работал на этой постройке производителем работ.

В конце октября 1903 г. А. Ф. Сысоев оставил все петербургские службы и уехал в Томск, где был выбран местным самоуправлением на пост городского архитектора, и проработал в этой должности до марта 1905 г. Его адрес в Томске — Никитинская ул., 57. Уже из Томска он в январе 1904 г. писал руководству Петербургского историко-филологического института, рекомендуя на оставленное им место своего заместителя В. С. Карповича, а также винил: «Грешен перед вами, что, уезжая из Петербурга, не сообщил вам о своем намерении устроиться в Томске. Уезжая, я боялся, что Сибирь мне уж очень не понравится, но, оказалось, жить можно и здесь. Не сообщил же я вам раньше именно вследствие этой боязни, думая — не уживусь — сейчас же обратно. Здесь я занял место городского архитектора с окладом в 1500 р. + 2% с городских построек; рассчитываю заработать хорошо, тем более что под моим наблюдением идет постройка зданий томского водопровода. Строить начали только при мне, без меня же сделали теплое помещение над предполагавшейся постройкой. Городских работ с весны будет более чем достаточно»**. За время работы в Томске под наблюдением А. Ф. Сысоева были окончены два каменных двухэтажных торговых корпуса, а также выстроены сооружения для водопровода: «водоподъемное здание с машинным, котельным, фильтровым отделением и бассейном чистой воды, водонапорная башня и 15 каменных водоразборных будок, каменные колодцы для пожарных кранов и задвижек»***. Как городской архитектор А. Ф. Сысоев участвовал во всех комиссиях по водопроводу и благоустройству Томска, а как только была пущена вода, он вернулся в Петербург^{4*}.

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5447. Л. 1–1 об.; Оп. 148. Д. 145. Л. 1–13 об.

** Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2890. Л. 3–3 об.

*** Там же. Ф. 513. Оп. 164. Д. 1854. Л. 24 об.

^{4*} О томском периоде см. также: Залесов В. Г. Архитекторы Томска (XIX — начало XX века). Томск, 2004. С. 72–74, 126. Отметим, что здесь о А. Ф. Сысоеве содержатся очень скудные сведения: «О его деятельности известно нам лишь то, что он в 1904–1905 гг. вел наблюдение за строительством доходного дома И. М. Некрасова», и ничего не говорится о других работах.

В российской столице в 1906–1907 гг. А. Ф. Сысоев заведовал железобетонными работами в АО «Адгезион», контора которого располагалась на Садовой ул., 49*. Архитектор утверждал, что произвел расчеты и соорудил по ним все железобетонные перекрытия склада «Безопасность» и дома Цейтлина (Московский пр., 91–93). Дом и склады в находившемся по этому адресу совместном владении Н. С. Цейтлина и А. Мейера были построены в 1906–1907 гг. по проекту и под наблюдением М. Ю. Капелинского**, и вскоре оснащенные железобетонными перекрытиями «образцовые» склады были готовы принять на хранение имущество горожан***. Можно предположить, что именно опыт работы с железобетонными конструкциями способствовал участию А. Ф. Сысоева в проектировании в 1910 г. железобетонного Спортинг-паласа на Каменноостровском пр., 42^{4*}.

В июне 1907 г. А. Ф. Сысоев приступил к работе в техническом отделении Петербургской городской управы помощником делопроизводителя; в октябре 1910 г. был назначен городским архитектором по отделу частновладельческого строительства, но по-прежнему продолжал проектировать и строить. В 1910–1913 гг. он подавал на утверждение чертежи различных незначительных построек, предназначенных в основном для Петербургской стороны^{5*}. В марте 1910 г. был утвержден составленный А. Ф. Сысоевым проект шестиэтажного дома для В. А. Рунова (ул. Ленина, 12 — Малая Пушкарская ул., 36), а в январе 1911 г. здание было построено, причем работами руководил сам автор проекта^{6*}. Оформление фасадов предлагалось в духе нарождавшегося

* Строительный адрес-календарь и справочные цены на 1906 год / сост. М. Ф. Гейслер. СПб., 1906. С. 118.

** ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5438. Л. 35–38; Оп. 151. Д. 87. Л. 14 об.

*** Весь Петербург. 1910. С. 1451. Реклама.

4* Чепель А. И. Указ. соч. С. 125.

5* Среди этих построек: двухэтажное строение во владениях А. Ю. Кейбеля (Большая Зеленина ул., 34); одноэтажный флигель на участке М. М. Налимова и П. М. Пяткина (угол Чкаловского и Левашовского пр., на месте дома по Левашовскому пр., 2); двухэтажная пристройка к даче О. Н. Гордеенко на Каменном острове (у пересечения 1-й Березовой и Западной аллеи); сарай для Шаплыгиных (Лахтинская ул., 25). См.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7724; 7487; 8002; 8906.

6* Там же. Д. 8100. Л. 26–35; Оп. 137; Д. 660. Л. 8 об.

неоклассицизма. Композиция на уровне мансарды завершалась ступенчатыми треугольными полуфронтами и невысокими аттиками. Кладка из грубооколотого булыжника местами прорывалась с нижних этажей на верхние, создавая впечатление характерного для модерна беспокойного движения. Перекрывающие некоторые окна открытые металлические балки с четко прорисованными заклепками также возвращали к модерну. В ходе строительства в первоначальный вариант были внесены изменения. Полуфронтон превратился в щипцы сложной, близкой к барочной формы. Появились завершенные балконами прямоугольные эркеры, а также сильно вынесенный угловой, в плане близкий к овалу. Угловая часть должна была завершаться высокой кровлей, что придало бы эркеру мотив башни и зданию в целом — более сложный силуэт, но в итоге и угловой эркер по примеру остальных его «собратьев» оснастили балконом. Все изменения были согласованы с городской управой в мае 1911 г.

В марте 1913 г. А. Ф. Сысоев приступил к строительству дома для П. Л. Ларионова (ул. Шкапина, 4). Композиция шестиэтажного здания симметрична: слабо выступающим боковым ризалитам вторят два эркера центральной части. В скромной отделке фасада сочетаются светлая отделочная плитка, штукатурка и лепные вставки.

Возможно, совмещение службы в городской управе со строительной практикой подорвало здоровье А. Ф. Сысоева: весь апрель и первую декаду мая 1911 г. он провел на нервном отделении в клиническом институте великой княгини Елены Павловны, а в марте 1912 г. боролся с воспалением легких, справку о чем выписал его брат, ассистент того же института, доктор Ф. Ф. Сысоев.

В конце 1912 г. А. Ф. Сысоев оказался в центре острого конфликта, приведшего в январе 1913 г. к его увольнению из городской управы. Ему было поручено дать заключение относительно раздела имущества М. Н. Лихарева на Каменном острове*. Дважды архитектор представлял недостаточно обстоятельные заключения, результатом чего стал вызов в городскую управу «для личных объяснений», но он «игнорировал требование явки в течение

* Участок на Западной аллее, поблизости от наб. Малой Невки; точное расположение определить не удалось.

месяца», объясняя, что вызовы в управу совпадали с вызовами в суд и другими делами: «Нежелания явиться по делам службы у меня не было и нет. Я не предполагал, что посещение суда менее обязательно, чем посещение» управы. Суть дела заключалась в том, что, по заключениям А. Ф. Сысоева, для раздела имущества необходимо было сломать часть только что построенного двухэтажного деревянного дома, а при экспертизе, проведенной старшим архитектором, выяснилось, что слому подлежали лишь ветхие одноэтажные службы. Помимо этого замечено было, что в заключениях А. Ф. Сысоева, «данных по многим другим делам о постройках... за последнее время обнаружены весьма серьезные проблемы и недосмотры». Архитектору было предложено подать в отставку, а результатом отказа стало его увольнение со службы 28 января 1913 г. «за неподчинение неоднократным требованиям старшего архитектора и члена городской управы явиться по поводу допущенных им неправильностей» *.

В мае 1913 г. А. Ф. Сысоев обращался в городскую управу Кронштадта с прошением о предоставлении «ныне вакантной должности городского архитектора». Был сделан запрос о причинах оставления прежнего места службы, и, вероятно, назначение не состоялось.

С января 1914 г. по июль 1915 г. А. Ф. Сысоев работал чертежником-инженером в отделе зернохранилища Государственного банка, одновременно принимая заказы (сначала на Большой Пушкарской ул., 28, затем Лиговском пр., 91) на выполнение строительных подрядов с применением асфальта, бетона и железобетона по постройке доходных домов, дач, особняков; капитальной перестройке зданий; отделке магазинов «с художественными фасадами»; всевозможному ремонту, установке центрального отопления, прокладке водопровода и канализации **.

А. Ф. Сысоев указывал, что на советской службе он состоял «с начала революции». Где конкретно он работал сразу после 1917 г., выяснить не удалось; в 1918 г. архитектор был наказан «за незна-

* ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 164. Д. 1854. Л. 44.

** Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 22. Реклама; Весь Петроград. 1915. С. 640. Реклама. В личном деле архитектор упоминал, что в 1914 г. он работал также в Выборгском инженерном управлении.

ние точного количества работ на каждой из 16-ти работ»*. В 1919 г. он состоял инженером по береговым сооружениям в Невском Райводе; в 1921 г. — помощником заведующего подготовительной секции отдела коммунального хозяйства Петроградского исполкома; в 1922 г. был участковым архитектором Василеостровского района Петрограда; в 1923 г. — инженером в трудовой артели «Пробуждение»; в 1924 г. — техником технической части управления Ленинградского торгового порта; в 1925–1926 гг. заведовал работавшей в Ленинграде бригадой, занимавшейся от Госплана нормированием строительных производств; в 1926–1927 гг. был инженером технического отдела Кровельного треста в Ленинграде, оставив это место по окончании постройки котельной. В 1927 г. он работал инженером в бюро инвентаризации в отделе коммунального хозяйства Ленисполкома. Далее следы А. Ф. Сысоева теряются. Последний обнаруженный документ — заявление о переводе на оклад районного инженера в бюро инвентаризации, поданное 7 сентября 1927 г. Последнее зафиксированное место жительства — здание Русского музея, Инженерная ул., 4. Последний раз А. Ф. Сысоев упомянут в адресном справочнике «Весь Ленинград» в 1929 г.

Что нам известно о личности А. Ф. Сысоева? Обнаружить какую-либо его фотографию не удалось. Известно, что он знал иностранные языки: в 1927 г. писал в анкете: «знаю немецкий и французский, прежде свободно читал книги, теперь — слабее в виду отсутствия практики». Среди своих изобретений упоминал выработку норм на производство водопроводных работ, частично напечатанных в журнале «Зодчий», но обнаружить этих публикаций не удалось. По крайней мере, до 1927 г. А. Ф. Сысоев был холост. К сожалению, дальнейший путь А. Ф. Сысоева проследить пока не удалось.

* ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 18. Д. 12510. Л. 4 об.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ОХРАНЕ НАСЛЕДИЯ. ВОЗМОЖНОСТЬ. НЕОБХОДИМОСТЬ. ОБЯЗАННОСТЬ?

ДАННОЕ исследование представляет собой обобщение личного опыта автора и наблюдений над общественной градозащитной активностью в течение последних семи лет в Санкт-Петербурге. Несмотря на то, что многие из приведенных положений могут быть восприняты как «общее место» или «нечто само собой разумеющееся», заявленная тема представляется крайне актуальной, поскольку роль общественности в градозащитном движении до сих пор не нашла полного понимания со стороны экспертного сообщества, чиновников и, наконец, самой общественности. В задачи исследования входят анализ юридических оснований для участия общественности в охране наследия, обзор форм участия общественности в этой деятельности и, наконец, обоснование незаменимости общественности в деле спасения памятников. Объектом исследования является градозащитная деятельность в Санкт-Петербурге.

Однако прежде чем приступить к анализу значения общественности в охране наследия, необходимо прояснить, что именно имеется в виду под «общественностью», а также уточнить, какие еще категории лиц занимаются охраной наследия.

В настоящий момент, на наш взгляд, можно выделить четыре группы людей, чья профессиональная деятельность напрямую связана с охраной наследия. К ним относятся, во-первых, чиновники, по долгу службы занимающиеся этой деятельностью,— в случае Санкт-Петербурга идет речь главным образом о сотрудниках КГИОП и Министерства культуры. Еще одна группа людей, для которых вопросы охраны наследия становятся профессиональным долгом,— это экспертное сообщество. Речь идет не только о лицензированных специалистах, имеющих право проводить экспертизы памятников, но о широком круге искусствоведов, археологов, историков, архитекторов, краеведов и других ученых, для которых памятники и исторические здания в большей или меньшей степени являются объектом исследования.

В отдельную группу можно выделить реставраторов как людей, обеспечивающих физическую сохранность объектов культурного наследия. Кроме того, вопросами охраны наследия занимаются многие политики, причем градозащитная* тематика может становиться инструментом как для повышения политического рейтинга и продвижения по политической карьерной лестнице (например, для победы на выборах в муниципальные депутаты, депутаты Законодательного собрания и т. д.)**, так и для удержания завоеванных позиций. Остается добавить, что жесткого разграничения между этими группами нет, один и тот же человек может одновременно относиться к нескольким упомянутым группам.

Соответственно, под «общественностью» мы будем понимать и тех, кто более или менее активно занимается вопросами сохранения архитектурного наследия, хотя это не является сферой его профессиональной деятельности. К сожалению, представители общественности до сих пор сталкиваются с недооценкой важности своей деятельности. С одной стороны, профессиональные сообщества (эксперты, чиновники, реставраторы) зачастую не готовы взаимодействовать с общественностью, которую они считают «безграмотной» (менее осведомленной, чем профессионалы). С другой стороны, представители общественности встречаются с неприятием (вплоть до отторжения) своей деятельности со стороны обывателей, которые, ссылаясь на наличие профессионалов, приходят, в сущности, к такому же выводу о невозможности, недопустимости участия дилетантов в охране наследия.

При этом на законодательном уровне охрана культурного наследия подразумевает участие всего населения страны. Статья

* Термин «градозащита» возник в 2000-х гг., точное значение его не определено, однако он крайне удобен в использовании. В рамках данного исследования термин «градозащита» используется в узком значении слова для обозначения деятельности, направленной на сохранение памятников истории и культуры, а также исторических зданий, скверов и иных объектов.

** Автор статьи не вкладывает негативного смысла в данное утверждение и не имеет в виду, что политики занимаются градозащитными вопросами исключительно в целях пиара. Более того, автор от души приветствует тех политиков, которые сделали охрану наследия одним из своих политических кредо.

44 Конституции РФ не только гарантирует каждому гражданину «доступ к культурным ценностям»*, но и указывает, что «каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»**. Конечно, в современной политической ситуации в России многие относятся к этому документу весьма скептически; однако в данном случае представляется принципиальным декларирование того, что доступ к наследию и его охрана являются неотъемлемой частью гражданского сознания. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия» конкретизирует права граждан, в частности сообщает, что им гарантируются «сохранность объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации в соответствии с настоящим Федеральным законом», «право на доступ к объектам культурного наследия», наконец, «право на беспрепятственное получение информации об объекте культурного наследия <...> в пределах данных, содержащихся в едином государственном реестре объектов культурного наследия»***. Последнее положение, кстати, ставит под сомнение законность действий чиновников, благодаря которым получение информации об объекте культурного наследия связано со значительными организационными трудностями. Впрочем, стремление максимально ограничить (или, по крайней мере, затруднить) доступ к информации о том или ином памятнике или о том, что происходит на объекте культурного наследия, весьма характерно для многих из тех, кто профессионально занимается данной темой. Отчасти это может объясняться тем, что речь идет о защите интеллектуальной собственности (например, когда в одном архиве хранятся и паспорта объектов, и историко-культурные экспертизы). Тем не менее недостаток информации в сфере охраны наследия имеет весьма пагубные последствия, в том числе для самих памятников: утрачивая семантическое наполнение в сознании большинства горожан, здания утрачивают в значительной

* Конституция Российской Федерации. Ст. 44, п. 2.

** Там же. П. 3.

*** Федеральный закон об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ (в ред. от 23.07.2013). Статья 7, п. 1, 2, 3.

степени и свою функцию памятника, то есть маркера определенного исторического события или эпохи.

На уровне законодательства постулируется и право общественных объединений «...оказывать содействие федеральному органу исполнительной власти, специально уполномоченному в области государственной охраны объектов культурного наследия, в сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия»*. На деле, к сожалению, общественные объединения зачастую вынуждены не помогать, а противодействовать соответствующим органам исполнительной власти, хотя в последнее время ситуация постепенно меняется к лучшему.

Заканчивая юридический обзор, остается добавить, что в Уголовном Кодексе Российской Федерации действия, связанные с повреждением или разрушением памятников, относятся к главе 25 — «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Таким образом, анализ основных законов, регулирующих охрану наследия, демонстрирует видение градозащитной деятельности как одного из базовых прав, более того — обязанностей граждан России; и существует определенная законодательная база для реализации этих прав и обязанностей.

В реальности, к сожалению, ситуация совершенно иная. Чаще всего экспертное сообщество, профессионально занимающееся охраной памятников, в лучшем случае предполагает пассивный интерес со стороны граждан к культурному наследию (посещение музеев, выставок, экскурсий, чтение профильной литературы и т. д.). Граждане предстают своего рода «потребителями» результатов деятельности экспертов, чиновников, реставраторов.

Тем не менее всплески градозащитной активности в Санкт-Петербурге, проявляющиеся в XX–XXI вв. практически в каждом поколении (1910 г.— Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины; в 1965 г.— ВООПИиК; в 1985 г.— Группа спасения памятников; в 2006 г.— движение «Живой город»), свидетельствуют о том, что жители города не довольствуются отведенной им пассивной ролью и не удовлетворены

* Федеральный закон об объектах культурного наследия... Ст. 8.

результатами работы экспертов и государственных служащих, отвечающих за сохранение наследия. По всей видимости, в этом недовольстве также можно видеть причину ответной неприязни со стороны специалистов.

Общественное участие в охране наследия может принимать самые разнообразные формы. К сожалению, законы, вменяя гражданам в обязанность сохранять памятники, практически не предусматривают вариантов того, как это можно делать (в данной работе мы не рассматриваем ситуацию, когда сохранением памятника занимается инвестор, даже самый добросовестный). Поэтому обозначим направления деятельности, которые может выбрать для себя общественность.

1. Участие в общественных слушаниях. Результаты слушаний всего лишь принимаются к сведению и не являются основанием для принятия решения о возможности строительства (которое зачастую напрямую или косвенно связано с угрозой повреждения или утраты памятников и исторических зданий). Тем не менее активная и грамотная позиция жителей на общественных слушаниях в определенных случаях позволяет предотвратить или уменьшить ущерб, наносимый новым строительством. К сожалению, автору неизвестны случаи, когда по итогам слушаний инвестору отказывали в реализации проекта на основании нарушения законов, связанных с охраной наследия. Но в подавляющем большинстве случаев, если инвестор игнорирует необходимость охраны наследия, он нарушает и другие законы и нормы, что при своевременной реакции горожан может стать причиной отказа в выдаче разрешения на строительство.

2. Переписка с государственными структурами. Это очень трудоемкая и зачастую бесполезная работа, но периодически она дает результаты. Во-первых, именно общественность имеет возможность раньше всего заметить те или иные процессы, и вовремя озвученная информация может побудить ведомства отреагировать на угрозу. Кроме того, чиновники после получения письменного обращения обязаны на него отреагировать. Причем бездействие чиновников может быть связано не со злым умыслом, а с тем, что их действия (например, проведение внеочередной проверки) могут быть предприняты только как реакция на обращения граждан. Известны случаи, когда представители комитетов

неофициально обращались к активистам общественных организаций с просьбой прислать им письмо по той или иной проблеме, чтобы они могли начать действовать.

3. Инициирование проведения историко-культурной экспертизы для придания тому или иному ценному зданию статуса объекта культурного наследия. Здесь общественное участие может выражаться как в финансировании проведения экспертизы, так и в помощи экспертам в сборе информации об объекте.

4. Обращение в суд. На сегодняшний день это очень трудоемкий и часто неэффективный способ борьбы. Во-первых, в России практически отсутствует опыт судебных разбирательств по вопросам сохранения памятников и защите прав на культурное наследие. Во-вторых, даже при принятии судом решения в пользу истца, отстаивающего интересы охраны наследия, такие решения зачастую игнорируются. Тем не менее накопление опыта судебных процессов, связанных с соблюдением прав граждан на доступ к культурному наследию, представляется крайне важным, поскольку становление судебной практики позволит в перспективе обеспечить лучшее соблюдение законов.

5. Проведение просветительской работы. В Санкт-Петербурге регулярно проходит множество различных мероприятий, посвященных истории и архитектуре города. Помимо туристических фирм и профильных организаций большую роль здесь играют общественные организации и отдельные энтузиасты. В числе подобных мероприятий можно назвать проведение выставок, экскурсий, конференций. Подобный информационный обмен позволяет жителям с большим вниманием относиться к архитектурному облику города, а значит, повышает значимость исторических зданий и памятников. С этой точки зрения «Тихоновские чтения», например, представляют существенным вкладом в сохранение архитектурного и культурного наследия Санкт-Петербурга.

6. Участие в совещаниях при правительстве города. Разумеется, данная форма деятельности носит довольно специфический характер и не может рассматриваться как доступная для широкого круга. К тому же участие представителей общественных организаций в заседаниях советов при губернаторе города не дает гарантии того, что вопросы, связанные с сохранением наследия, будут

решены положительно. Тем не менее подобная работа должна проводиться, во-первых, потому, что по отдельным вопросам удастся достичь результата, а во-вторых, в глазах значительной части населения сам факт приглашения представителей общественности на соответствующие заседания укрепляет осознание важности работы, ведущейся градозащитниками.

7. Проведение публичных акций, то есть митингов, пикетов (в том числе одиночных), демонстраций, флешмобов и т. д.* Основными задачами проведения массовых мероприятий и публичных акций можно назвать, во-первых, информирование граждан о той или иной проблеме как непосредственно в ходе акции, так и благодаря освещению мероприятия в СМИ; во-вторых, демонстрация своей позиции представителям власти и инвесторам, которые осознают существующие репутационные риски, связанные с нанесением ущерба объектам культурного наследия; наконец, это возможность вовлечения новых сторонников в градозащитную деятельность. Публичные акции чаще организуются градозащитными общественными объединениями, но могут проводиться и представителями общественности, не являющимися членами той или иной организации.

8. Так называемые «акции прямого действия», когда жители города вынуждены физически блокировать строительную технику, разрушать незаконно возведенные заборы и т. д. Безусловно, это вынужденная мера, которая может применяться только в исключительных случаях. Но в ситуации прямой угрозы уничтожения ценного здания у представителей общественности может просто не оставаться иного выбора.

Итак, как мы видим, формы общественного участия в сохранении наследия достаточно разнообразны и предусматривают возможность активных действий как в составе общественной организации, так и самостоятельно. Можно предположить, что со временем будут выявляться и иные формы общественного участия в охране наследия**.

* Сюда же следует отнести и сбор подписей, поскольку цели и методы в этом случае аналогичны проведению массового мероприятия.

** Например, в Европе в сохранении наследия значительную роль играют фонды, собирающие деньги на реставрацию и поддержание памятников, и существенная доля собираемых средств приходится на частные

Несмотря на то, что уровень компетентности представителей общественности заведомо ниже, чем у экспертов и у большинства чиновников, общественное участие абсолютно незаменимо в деле охраны наследия в связи с тем, что представители общественности обладают рядом преимуществ. Вот лишь некоторые из них.

В отличие от чиновников, представители общественности свободны в выборе объекта, за сохранение которого они собираются выступать. Они могут пытаться спасти здание, которое формально не является памятником или даже историческим зданием, не находится на территории зон охраны и т. д. Требования общественности могут выходить за рамки, предписанные законом. Это важно не только для сохранности конкретного объекта, но и как основа для последующей корректировки законодательства. Действия градозащитников не ограничены рамками должностных полномочий, а значит, их подход к проблеме может быть более комплексным, хотя, безусловно, эта комплексность достигается за счет меньшего погружения в детали. В отличие от экспертов, которые при проведении экспертизы вынуждены отвечать лишь на поставленные вопросы, активисты от общественности могут привлекать любые дополнительные данные для отстаивания своей позиции.

Представители общественности не связаны соображениями профессиональной этики, которые зачастую не позволяют, например, экспертам критиковать других экспертов, архитекторам — своих коллег-архитекторов и т. д.

Общественность имеет возможность высказывать не только научные либо юридические, но и эмоциональные оценки происходящего. А ведь в ситуации, когда речь идет о произведениях искусства, именно эмоциональный отклик определяет ценность того или иного объекта. С этой точки зрения реакция общественности становится своего рода индикатором правильности стратегии сохранения наследия, проводимой официальными лицами и экспертным сообществом.

пожертвования. Появление подобных фондов в России в сочетании с законодательной поддержкой жертвователей (например, в виде налоговых льгот) могло бы существенно улучшить ситуацию со спасением разрушающихся памятников, а также повысить долю общественного участия в деле сохранения наследия.

Наконец, активисты градозащитных объединений представляют собой своего рода кадровый резерв — как для политиков (есть множество примеров, когда градозащитник впоследствии становился муниципальным депутатом или депутатом Законодательного собрания), так и для чиновников и даже для экспертов.

Итак, мы видим, что активное участие представителей широкой общественности в деле сохранения наследия является не просто возможным, но и оправданным, более того, можно утверждать, что это — необходимый компонент деятельности по охране памятников истории и культуры. Остается только добавить, что, помимо очевидной пользы для наследия, подобная общественная активность является еще одним шагом к построению в России гражданского общества.

НУЖНЫ ЛИ ПЕТЕРБУРГУ ВИСЯЧИЕ МОСТЫ?

В СОВРЕМЕННОМ мостостроении одной из самых перспективных конструкций признается новейшая разновидность висячих мостов — вантовые мосты, с помощью которых «решаются задачи, которые просто невыполнимы при других технологиях. Можно строить гигантские пролеты. То есть мост „в один прыжок“ может преодолеть реку или даже морской пролив» *. В начале XXI в. вантовые мосты появляются во многих уголках мира, в том числе и в Петербурге, где в 2004 г. через Неву был перекинут Большой Обуховский (вантовый) мост. На невиских берегах построены и строятся и другие вантовые переправы, предназначенные не только для потребностей пешеходов и транспорта, но для прокладки инженерных коммуникаций **; обсуждается возможность постройки крупных вантовых мостов в ближайшем будущем ***.

Все петербургские вантовые мосты, построенные до настоящего времени, расположены вдали от городского центра и никак не нарушают визуальной целостности главной невиской акватории — «Акватории Петра Великого» ^{4*}, но всё же появление этих мостов вызвало неподдельное беспокойство градозащитников и широкой общественности. В чем же дело? Очевидная перспективность таких переправ с технической и экономической точек зрения диктует их экспансию в центральную часть города. Здесь и заключается неразрешимое противоречие. Любой висячий мост не-

* Бруштейн И. Через реку в один прыжок // Санкт-Петербургские ведомости. 2008. 3 марта. № 38.

** Трефилов Ю. Ванты над Малой Невкой // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 25 мая. № 92; По вантовому мосту без оглядки // Там же. 2013. 5 июня. № 103; Что за ванты у залива? // Там же. 2013. 18 июня. № 111.

*** Березкин Л. Право на переправу // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 27 марта. № 55.

^{4*} См.: Кириков Б. М. «Акватория Петра Великого» — главная площадь Петербурга // Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда: материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2002 г. СПб., 2003. С. 124–130.

пременно требует установки высоких пилонов, которые активно вторглись бы в панорамы невских берегов.

В 2006 г. в прессе отмечалось: «Сейчас многие коренные петербуржцы встревожены перспективой возведения циклопических сооружений в дельте Невы» и признавалось, что Большой Обуховский мост — «пример бережного отношения к великому наследию предшественников», но только лишь потому, что он расположен «вдали от исторического центра»; далее петербуржцам задавался пугающий вопрос: «А представляете, если бы он (Большой Обуховский мост. — А. С., А. Ч.) торчал рядом с Троицким мостом!»*. «Петербург ожидает вантовое нашествие», — предупреждала пресса горожан в 2007 г.**

В свете современных баталий вокруг возможного появления в Петербурге новых висячих мостов интересно проследить их историю, которая насчитывает уже почти два века. Как наши предки относились к таким переправам, принимали их или нет? Видели ли в них угрозу облику города?

Висячие мосты Петербурга ведут свою историю от небольшого пешеходного цепного мостика, сооруженного в 1823 г. в парке Екатерингоф. Вскоре после постройки этой переправы горожанин делился необычными впечатлениями: «Я приближаюсь к чудесному мостику, устроенному только для пешеходов через канал, идущий к дворцу. Без всякой арки, не поддерживаемый ничем снизу, он висит на одних цепях, обделанных с легкостью из чугуна, прикрепленных к четырем столбам. Мост дрожит под ногами при ходьбе и цепи звенят»***. Как видим, поначалу петербуржцы воспринимали мосты такой конструкции настороженно. Восхищение «чудесным» мостиком смешивалось с некоторой опаской, вызываемой отсутствием привычных основательных мостовых опор.

Цепное мостостроение стало быстро набирать обороты, и вскоре через реки и каналы Петербурга были переброшены еще

* Капранова В. Уместная высота // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 4 декабря. № 226.

** Ратников Д. Струны на островах // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 23 ноября. № 221.

*** Цит. по: Кормильцева О. М., Сорокин П. Е., Кищук А. А. Екатерингоф. СПб., 2004. С. 38.

несколько мостов, подвешенных на цепях, — как пешеходных, так и транспортных. 6 ноября 1824 г. петербургский чиновник описывал свои впечатления от только что открытого Цепного (Пантелеймоновского) моста: «Вчера и я с женою ездил через новый висячий мост, что на Фонтанке у Летнего сада. Подлинно прекрасно»*. Если чиновник выразил восхищение художественным совершенством новой переправы, то капитан Брюн, создавший модель этого цепного моста, в 1828 г. в своем рапорте выказал неподдельный интерес к висячим мостовым конструкциям с технической точки зрения: «Построенные в здешней столице цепные мосты, представляя весьма любопытный предмет как по новости введения сего рода сооружений в России, так и по различным опытам и наблюдениям, которые при сем были делаемы относительно систем цепных мостов, пробы железа и, наконец, влияния на оные северного климата, — побудило меня сделать модель одного из сих мостов... составленную с математической точностью, сходную во всех частях с мостом, существующим в натуре»**.

Опробовав висячие конструкции на малых реках и каналах Петербурга, стали всерьез задумываться о наведении цепного моста через Неву, но слабой стороной предложенных проектов с эстетической точки зрения было применение слишком высоких береговых опор, никак не гармонизировавших с тогдашней малоэтажной петербургской застройкой. Высоких устоев было не избежать, и тогда решили разместить их в середине русла Невы. С. В. Кербедз, автор одного из подобных проектов с гигантской опорой в виде вырастающей из Невы арки, подошел к проектированию неевского цепного моста очень основательно. Путешествуя по Европе в 1837–1838 гг., он стремился общаться «с опытнейшими в этом деле иностранными инженерами, осматривал все сколько-нибудь замечательные подобного рода сооружения в чужих краях и тщательно изучал в них всё, что могло быть применено с пользой к решению этого вопроса»***, но его усилия оказались тщетными: в правительственных кругах предложенную С. В. Кербедзом

* Цит. по: Иванов А. Цепной мост отстоять не удалось // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. 16 сентября. № 174.

** ЦГИА СПб. Ф. 381. Оп. 13. Д. 236. Л. 2–2 об.

*** Там же. Д. 1423. Л. 1 об.–2 об.

Львиный мост. Деталь. Фотография авторов. 2013 г.

систему с колоссальной аркой посередине русла Невы посчитали ненадежной*.

К середине XIX в. попытки навести цепной мост через Неву прекратились, и возрождение идеи висячего мостостроения в Петербурге приходится на уже на конец XIX в. В 1892 г. проводился конкурс проектов моста на Петербургскую сторону — Троицкого. В одном из проектов под девизом «Ум истиною просвещается, сердце любовью согревается» был представлен мост с применением висячих конструкций. Правда, он не предполагал перекрыть одним пролетом всё русло Невы. Мост должен был состоять из 14 пологих арок, над которыми возвышались бы устои с закрепленными в них цепями**. Эта задумка осталась на бумаге, Троицкий мост был сооружен на основе иных конструктивных идей. Вероятно, возобладало мнение, высказанное авторами другого участвовавшего в конкурсе проекта: «С эстетической точки зрения вряд ли кто найдет уместным украше-

* Бунин М. С. Мосты Ленинграда. Очерки истории и архитектуры мостов Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1986. С. 110–116.

** ЦГИА СПб. Ф. 874. Оп. 1. Д. 309. Л. 1–2.

Почтамтский мост. Фотография авторов. 2013 г.

нием города высоко возвышающиеся на большом пространстве крупные железные сооружения»*. Сходное мнение вскоре высказал искусствовед В. Я. Курбатов: «Ясно, что для низменных берегов Невы нужен возможно низкий, по крайней мере у берега, мост»**. Поскольку висячие мосты непременно требовали высоких устоев, переправа такой конструкции через Неву и в этот раз перекинута не была.

Предотвратить появление высоких пилонов в центральной невской акватории в конце XIX — начале XX в. удалось, но угроза нависла над изящными малыми цепными мостами Петербурга. После обрушения в 1905 г. Египетского моста во избежание очередной трагедии был разобран и другой транспортный цепной мост — Пантелеймоновский***. Многие горожане

* Там же. Д. 308. Л. 1–1 об.

** Курбатов В. Я. О красоте петербургских мостов // Зодчий. 1909. № 35. С. 351.

*** Есть сведения, что разборка Пантелеймоновского моста подготавливалась задолго до обрушения Египетского моста. См.: Фокин М. М. Городское путешествие: Фонтанка. СПб., 2008. С. 23–25.

с горечью восприняли эти утраты. В. Я. Курбатов, оценивая Пантелеймоновский мост как «в высшей степени изящный... один из красивейших, если не самый красивый висятый мост в мире», а Египетский мост как «более громоздкий», с отчаянием отмечал, что «петербуржцы совершенно не заметили красоты этого легкого сооружения и совершенно незаметно превратили этот (Пантелеймоновский. — А. С., А. Ч.) мост в кучу мусора»*. Архитектор И. А. Фомин по случаю разборки этого моста писал: «Петербургские мосты все за самым ничтожным исключением можно было сохранить. Возьмем для примера Пантелеймоновский (Цепной) мост. Уширив несколько и заменив попорченные части новыми, можно было бы сохранить этот очаровательный мост, который так шел к Летнему саду и рисовался здесь таким красивым силуэтом, но эта перестройка обошлась бы слишком дорого. Но, если исходить из этого соображения, то Эрмитаж, например, если бы оказалось слишком дорого содержать какую-нибудь часть его художественных сокровищ, мог бы их выкинуть? Городское управление в данном случае обязано иметь средства на поддержание в должном виде тех сооружений, которые представляют художественную ценность»**. В наши дни поднятая И. А. Фоминим проблема решена. Старинные цепные мосты в исторической части Петербурга взяты под государственную охрану***.

Возвращаясь в начало XXI в., отметим, что горожане не зря опасались «вантового нашествия» в центр Петербурга. В 2012 г. разгорелась дискуссия о переправе через Неву в районе Смольного. Возникла дилемма: безопасный для городских панорам подземный туннель обошелся бы казне в 10 раз дороже вантовой переправы, но «еще не остывшие от баталий на Охтинском мысу градозащитники... встретили проект мостовой переправы в штыки», потому что они «с ужасом осознали, что опоры моста, который может появиться в том же районе, будут представлять такую же угрозу „небесной линии Петербурга“, как и несостояв-

* Там же. С. 350.

** Цит. по: Иванов А. Указ. соч.

*** Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: справочник / отв. ред. Б. М. Кириков. СПб., 2000. С. 775, 779.

шийся небоскреб», и что «новый мост — убийство красивейших панорам Петербурга», потому что эта «громадина будет мешать восприятию видов города»*.

Таким образом, идея висячего мостостроения, зародившаяся в Петербурге почти два века назад, вовсе не забыта. Экономически выгодные, переправы этой конструкции по-прежнему востребованы на берегах Невы, хотя возможность их появления в центре города вызывает ожесточенные дискуссии. Камнем преткновения является неизбежность применения высоких береговых устоев, и на это противоречие между техническим совершенством и эстетической агрессивностью висячих переправ обратили внимание еще на заре петербургского висячего мостостроения. Вероятно, именно эта проблема надолго затормозила наведение висячих мостов через Неву. Время покажет, есть ли большое будущее у вантовых мостов в Петербурге.

* Юрьев А. Орловская дилемма Петербурга // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. 2 октября. № 188.

К БИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОГО ИНЖЕНЕРА
Л. М. ХАРЛАМОВА (1872–1960?)

Жизнь и творческая деятельность видного петербургского архитектора Л. М. Харламова до 1917 г. изучены подробно*. Новые сведения о Леониде Михайловиче, его жене Евгении Николаевне и брате Василии Михайловиче Харламовых обнаружены в архиве Управления ФСБ СПб и получены автором настоящей статьи 26.06.2006 г.

Выяснилось, что по уголовному делу П-81781 проходила Евгения Николаевна Харламова, родившаяся в 1878 г. в Петербурге, бывшая дворянка, проживавшая в 1929 г. в Ленинграде на Большой Московской ул., д. 18, кв. 4. В 1919 г. она была арестована Петрочека, где содержалась три месяца в качестве заложницы за мужа, эмигрировавшего за границу. Была отправлена по этапу в Москву и затем освобождена решением ВЧК.

По другому уголовному делу, П-73670, проходил Василий Михайлович Харламов, родившийся в 1870 г. в Петербурге, по профессии конструктор-архитектор, обучался в Академии художеств, на момент ареста пенсионер, проживал по адресу: Ленинград, Предтеченская ул. (ныне ул. Черняховского), д. 69, кв. 4. Был арестован 8 марта 1935 г. постановлением особого совещания при НКВД СССР от 9 марта 1935 г. и как социально опасный элемент вместе с женой, Л. Д. Харламовой, был лишен права проживания в 15 населенных пунктах. Проживал в г. Саратове.

К архивной справке был приложен допрос Василия Михайловича Харламова, где он сообщал, что его брат Леонид Михайлович ушел с армией Юденича в октябре 1919 г. в Эстонию, оставив жену с 4 детьми на Большой Московской ул., д. 18. О себе Василий Михайлович сказал следователю, что в 1914 г. он был призван в 9-ю армию, которая охраняла Зимний дворец, и работал там делопроизводителем по кадрам. «Когда пришли во

* Осокина Н. Н. Доходный дом М. В. Харламова // Портрет петербургского дома. СПб., 2009. С. 346–360.

дворец красноармейцы, — говорит В. М. Харламов, — то мы сдали оружие и нас распустили по домам. Я стал работать в советских учреждениях до пенсионного возраста, сейчас моя жена находится в больнице, у нее рак желудка».

В результате дальнейших поисков выяснилось, что домовладение по Большой Московской ул., д. 18, принадлежало с 1914 г. архитектору Николаю Всеволодовичу Дмитриеву*, который 23 июня 1917 г. сообщал, что живет в Петрограде на Сергиевской ул. (ул. Чайковского), д. 34**. В архиве обнаружена доверенность с совершенно неожиданным текстом: «Любезный зять, Леонид Михайлович! Прошу Вас принять на себя труд ходатайствовать в Правление Городского кредитного общества Петрограда о выдаче дополнительной ссуды под залог моего имущества по ул. Б. Московская, д. 18, предоставляя Вам право подавать прошения, заявления... и заменяя меня везде, где участие мое окажется необходимым... Я Вам верю... Доверенность эта принадлежит гражданскому инженеру Леониду Михайловичу Харламову, данная Николаем Всеволодовичем Дмитриевым, живущим по Б. Московской ул., д. 18»***. И далее: «Отчет по настоящей доверенности от Леонида Михайловича Харламова получил 15 декабря 1917 года», и подпись Н. В. Дмитриева 4*.

Таким образом, приведенные документы доказывают родство архитекторов Н. В. Дмитриева и Л. М. Харламова. Из них узнаем, что жена Леонида Михайловича Харламова Евгения Николаевна Харламова была дочерью Николая Всеволодовича Дмитриева и до ареста в 1919 г. жила в Гатчине. После полугодового пребывания в тюрьме она воссоединилась с дочерьми на Б. Московской ул., д. 18.

У Леонида Михайловича была забота и по другому имуществу — на Тележной ул., д. 29. Это домовладение Л. М. Харламов приобрел в феврале 1914 г. с обременением, т. е. с долгом от прежнего хозяина 5*.

Во время Первой мировой войны домовладения в Петрограде становились убыточными, и Л. М. Харламов решил продать

* ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2881.

** Там же. Л. 72.

*** Там же. Л. 90–90 об.

4* Там же. Л. 91.

5* Там же. Д. 9201. Л. 31–32.

имущество по ул. Тележной, д. 29, но осуществить это намерение в военное время было затруднительно. Наконец в конце февраля 1917 г. домовладение по Тележной ул., д. 29, по купчей крепости от 20 февраля 1917 г. перешло от гражданского инженера Леонида Михайловича Харламова к вологодскому крестьянину М. Ф. Мухину.

Наставшее революционное время заставило Леонида Михайловича Харламова «метаться» между Гатчиной, где на Люцевской ул. (ныне ул. Чкалова), д. 2, жила его жена Евгения Николаевна с четырьмя несовершеннолетними детьми, и Эртелевым пер. (ныне ул. Чехова), д. 6, в Петрограде. В городе было неспокойно, росли проблемы со снабжением горожан продовольствием и топливом, которые Леонид Михайлович должен был изыскивать сразу для трех семей. На Сергиевской ул., д. 34, жили престарелые свекор со свекровью, на Предтеченской ул. (ныне ул. Черняховского), д. 69, — семья престарелых родителей Л. М. Харламова. Старики страдали не только от холода и жизни впроголодь, но и от ночных обысков, в результате отец архитектора, Михаил Васильевич Харламов, умер 25 декабря 1918 г. в возрасте 81 года. Очень плох был свекор. Родные и близкие Л. М. Харламова были объявлены «лишенцами», т. е. людьми без права голоса и без возможности получить работу и, соответственно, карточки на продукты питания. Леониду Михайловичу надо было ездить на работу в Дворцовое управление в Гатчине, где с переменным успехом шли сражения между красными и белыми, армия Н. Н. Юденича то наступала, то отступала под ударами Красной армии, и 20 октября 1919 г. войска Юденича покинули Гатчину, и с ними, согласно справке УФСБ СПб, ушел и архитектор Л. М. Харламов.

Мне удалось разыскать партийные документы сына Л. М. Харламова — Владимира Леонидовича Харламова (1905 г., Гатчина — 1981 г., Киев), работавшего в советское время на строительстве крупных заводов. В его партийной карточке члена ВКП(б) о родителях сообщались лишь очень краткие сведения: мать — домохозяйка, отец в эмиграции. Документальных свидетельств о том, как сложилась судьба Л. М. Харламова после 1919 г., до настоящего времени обнаружить не удалось.

ЖУРНАЛИСТ МИЛОСТЬЮ БОЖИЕЙ

К 85-летию со дня рождения
Вадима Михайловича Тареева

ЖУРНАЛИСТИКУ иногда называют одним из жанров литературы. Это совершенно неправильно. Во-первых, с литературой она имеет не так уж много общего: основа литературы — авторский замысел, зачастую — вымысел, даже и основанный на реальных событиях. А журналистская работа заключается прежде всего в обработке и передаче фактов; чем меньше фантазии, тем лучше, тем точнее.

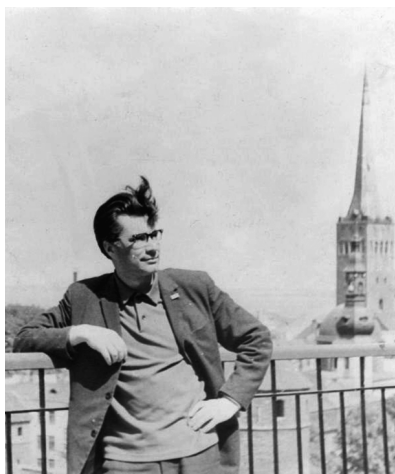
Среди журналистов находятся не просто честные и бескомпромиссные люди, а порой — рыцари без страха и упрека, свято преданные и своему ремеслу, и своим читателям, профессионалы с огромным даром слова и убеждения, способные, подобно самым талантливым писателям и поэтам, зажечь сердца и вдохновить.

Один из таких журналистов еще, казалось бы, недавно жил в Петербурге. Этому городу, его описанию, воспеванию, его сохранению он посвятил свою жизнь и свое сердце.

Я говорю о выдающемся мастере журналистского ремесла Вадиме Михайловиче Тарееве, самой заметной и яркой фигуре в редакции замечательного журнала, который большинство из нас помнят под названием «Ленинградская панорама» (сначала он носил название «Строительство и архитектура Ленинграда»). Кстати, многие из тех, кто читал и любил этот действительно интересный журнал, и по сей день думают, что Тареев был в нем главным редактором. Между тем он сам, когда его так называли, обязательно поправлял: «Нет, я был заведующим отделом архитектуры и строительства!»

Чужих лавров Вадим Михайлович никогда не хотел. Хватало и своих.

Его любовь к нашему великому городу всегда была искренней и преданной.

Всегда рядом с архитектурой

Хотя нельзя сказать, что здесь прошла вся его жизнь. В юности судьба не раз бросала его из конца в конец огромной страны. Сначала Тареев путешествовал с родителями — его отец был врачом и часто получал назначения в разные города и поселки. Побывал даже в знаменитой казачьей станице Вёшенская и повидал Шолохова, но после всегда честно опровергал слухи о своем близком с ним знакомстве.

Потом, во время учебы на отделении журналистики филологического факультета, проходил практику в одной из рабочих газет Ярославля и в Челябинске.

И всё же Петербург прошел через всю его судьбу и, что называется, сформировал его характер, хотя сам он, возможно, понял это, лишь став зрелым человеком и мастером.

Вадим Михайлович был еще мальчиком, когда умерла его мама, и он перебрался жить к ее сестре, поселившись в одной из больших питерских коммуналок. Здесь и настигло его жестокое, невыносимо страшное даже для взрослого испытание — блокада.

Тареев умел с удивительным спокойствием рассказывать об этих мучительных месяцах, не пытаясь нагнетать жуть, — петербуржцы и так от мала до велика знают, что пришлось тогда пережить городу и горожанам, а остальным всё равно трудно представить себе всё это... Особенно душевное состояние людей, которые от постоянного напряжения, от лишавшего сил голода, от непрерывной угрозы смерти словно бы отупели, перестали испытывать страх, утратили почти все эмоции.

Тем более удивительно одно из детских воспоминаний будущего знаменитого журналиста: он рассказывал, что, когда однажды нечем стало топить спасительную печь — «буржуйку», ему пришлось рвать страницы из томиков Жюль Верна. «Рвал с ярост-

В. М. Тареев с детства
любил театр

Сцена из спектакля „Ревизор“ в исполнении самодеятельного театрального коллектива Ленинградского Государственного университета имени А. А. Жданова. В роли Хлестакова — студент И. О. Горбачев, зрителя училищ — студент В. М. Тареев.

ным отчаянием — первое личное ощущение трагедии»*. Вот так! Кругом — ледяной мрак и ужас, вой сирены, рев бомбардировщиков, голод, смерть. А для замерзающего мальчишки личная трагедия — утрата книг любимого писателя! Так впервые проявилась одна из основных черт этой яркой натуры: искусство, прекрасное стали для него дороже повседневных нужд, а в той ситуации — практически дороже жизни.

Кстати, его путь в искусстве мог сложиться совсем по-другому. С детства мальчик полюбил театр, везде, где случалось ему жить, старался ходить на спектакли, а по окончании школы даже рискнул прийти на прослушивание в Театральный институт. Оттуда его, правда, «завернули», по его же словам, вежливо предложив отсрочку. Тогда он, став студентом филфака университета, записался в хор и в драматический коллектив, участвовал во многих спектаклях. Многим казалось, что талантливый студент вполне может сменить ремесло и стать актером.

Но от судьбы не уйдешь. И учеба, и практика, и последующая работа в газете показались слишком интересны. Ведь эта работа

* Из интервью И. В. Рудневой «Взгляд с высоты» // Ленинградский журналист Вадим Тареев. СПб., 2007. С. 12.

была крепко связана с жизнью, с происходящими кругом событиями, с нуждами, бедами и потребностями людей. И потом, журналистика давала Тарееву возможность реализовать одну из главных своих потребностей — быть честным.

А ведь он работал в основном в то время, когда от любого творчества, вплоть до кукольных спектаклей (что уж говорить о прессе!), требовалось быть идеологизированным, отражающим «курс партии»... Вадим Михайлович никогда не бросал камня в своих коллег, вынужденных следовать этим самым «курсом». Лишь с грустной усмешкой вспоминал письма, которые каждый факультет обязан был в виде отчета о своей работе по окончании семестра отсылать «отцу народов». А еще демонстрации на Дворцовой, когда все дружно шли под портретами вождей и стройно выкрикивали «Ура!», а потом, с облегчением добравшись до Миллионной (тогда она носила имя Халтурина), принимались уже искренне петь, шутить, смеяться.

После практики Тареев вернулся в Ленинград, который осознал родным городом и полюбил. Устроился в пионерскую газету «Ленинские искры». Честно старался быть со всеми дружелюбным, но, по собственным словам, «не мог сдержаться, когда видел несправедливость». Такой корреспондент, разумеется, вскоре стал «неудобным сотрудником». И в конце концов Тареева уволили по статье «За профнепригодность». Вот так! Не умеешь врать, не терпишь несправедливости — значит, профнепригоден... Этого Тареев уже не стерпел — обратился в суд, и так как придраться было не к чему — его профессионализм сомнений не вызывал, то строптивного журналиста на работе восстановили.

Увлекался и занимался наукой, философией, даже на философский факультет хотел было поступить.

Но... зная любовь Вадима Михайловича к Питеру, кто-то из знакомых дал неожиданный совет: пойти работать в редакцию журнала «Строительство и архитектура Ленинграда». Так и определилась окончательно журналистская судьба Тареева: он посвятил себя изучению, описанию и сохранению великого города.

Сейчас любят говорить, что, мол, нынче на наше архитектурное наследие всем наплевать, а раньше... Давайте уж не лицемерить! Законов о сохранении и использовании памятников архитектуры и впрямь издавали много, только исполняли их зачастую «сикось-

накось», исправно рапортуя о реставрационных и ремонтных работах и продолжая гробить архитектуру. К этому относятся и систематическое нарушение дренажной системы памятников, приводящее к разрушению их фундаментов; и использование синтетической штукатурки, из-за которой стены перестают «дышать» и осыпаются от сырости; и напластования многослойного асфальта, лишаящего дыхания уже саму землю... Теперь только сообразили: прежде чем класть новый асфальт, нижние слои надо снимать! И то не везде и не всегда это исполняют.

Это, что называется, бытовые проблемы архитектуры. Что говорить о духовных! Издевательское, вандалское отношение к церковной архитектуре, ее намеренное уродование и уничтожение вообще не лезло ни в какие рамки.

Одной из немногих организаций, поднимавших в то время голос в защиту городской архитектуры, в том числе и храмов, было ЛГО ВООПИиК, в работе которого принимали участие многие видные архитекторы, художники, искусствоведы. Все они читали «Ленинградскую панораму», потому что именно этот журнал поднимал и объективно освещал проблемы городских памятников и всего культурного наследия Северной столицы. Многие из этих людей сами печатались в «Панораме». И до сих пор с теплотой и благодарностью вспоминают редактора Тареева. Прежде всего, за то, что ему удалось расширить сферу деятельности журнала, сделать его не узкоспециализированным, интересным только для специалистов в области архитектуры и искусства, но увлекательным, зовущим к изучению и, главное, сохранению удивительной красоты и гармонии, которую оставили нам в наследство великие строители Петербурга и его окрестностей.

Тареева волновало и современное строительство, искусство сочетать новые здания со старыми ансамблями, искусство реставрировать и ремонтировать дома, не нанося им непоправимого урона. Он и сам обладал блестящим даром слова и, когда писал свои статьи, делал их интересными для самого широкого круга читателей. А главное, Вадим Михайлович был удивительно одаренным редактором. Все, кому доводилось приносить свои статьи в редакцию «Панорамы» и работать с Тареевым, вспоминали потом, как умело он редактировал каждую работу, сохраняя вместе с тем и авторский стиль, и авторскую индивидуальность. Иные

В. М. Тареев был не только талантливым журналистом, но и блестящим оратором

влюбленные в свои творения авторы, правда, сетовали порой, что, мол, принесешь Тарееву статью, а он всё перепишет. На такие упреки Вадим Михайлович всегда отвечал с возмущением: «Что значит „всё перепишет“? Тогда надо зачеркнуть фамилию автора и поставить свою. До такой наглости я, конечно, никогда не опускался»*. Удивительно, правда? Без преувеличения выдающийся мастер, специалист своего дела называет наглостью вмешательство редактора в авторский замысел! Если бы все редакторы так тщательно, можно сказать, любовно подходили к редактированию, вряд ли мы слышали бы столько недовольных замечаний в адрес редакций.

Большинство авторов отмечали и необычайную чуткость, мягкость Вадима Михайловича в отношениях с авторами. Он обязательно согласовывал с каждым из них свои правки, всегда выслушивал возражения и, если бывал не согласен, старался убедить, предлагал разные варианты исправления, никогда не давил своим авторитетом.

И сделал то, чего до него никому не удавалось: создал журнал, интересный всем, исполненный того же петербургского духа, что

* Из интервью И. В. Рудневой «Взгляд с высоты»... С. 22.

и сам наш город, который Тареев так беззаветно любил. Как отмечал известный художник и искусствовед В. Г. Исаченко, «это был наш, родной журнал. Авторы гордились участием в нем (в журнале.— И. И.) и тем, что редактор — „сам Тареев“*. Точнее сказать трудно. Как бесконечно трудно передать свою преданность городу тысячам и тысячам людей, искренне полюбивших «Ленинградскую панораму» и с ее помощью ставших искренними патриотами своей «малой родины».

Тареева часто видели на собраниях и заседаниях в Союзе архитекторов, где обсуждались злободневные вопросы строительства, реставрации, сохранения памятников, он общался со многими людьми, так или иначе задействованными в городских структурах, ответственными за эти, зачастую большие вопросы. И нынешнее движение за сохранение культурного наследия во многом выросло из той огромной и бережной работы, которую проделывали неутомимая «Панорама» и ее талантливый и постоянно увлеченный редактор.

Трудно поверить, что уже несколько лет Вадима Михайловича среди нас нет. Это не традиционная банальная фраза. Его дело, его работа не просто продолжают жить здесь и сейчас. Основная тема его жизни развивается, находит всё новых и новых последователей, как если бы он по-прежнему трудился в своей редакции, привлекая в нее неравнодушных, талантливых, знающих людей.

Он был многогранен и неистощим. Писал стихи, продолжал любить театр. Но петербургская тема оставалась для него основной и главной. Ей он посвятил свой большой, настоящий талант. И стал тем Журналистом, который среди других, увы, немногих, опровергает нынешнее нередко пренебрежительное отношение к этой профессии. К такому, как Тареев, подобной оценки никогда никто не применит, даже если вздумает высказаться кто-то из недоброжелателей.

Потому, что он — Журналист милостью Божией, и это доказано всей его жизнью.

* Исаченко В. Г. Наш дорогой человек // Ленинградский журналист Вадим Тареев. СПб., 2007. С. 26.

ИНЖЕНЕР-АРХИТЕКТОР С. Г. ГИНГЕР:
ДАТА РОЖДЕНИЯ УСТАНОВЛЕНА

В ПРОЦЕССЕ изучения биографии архитектора Сергея Григорьевича Гингера выяснилось, что указания на дату его рождения разнятся: 1869 или 1870 г.* Родственники также не приводят дату его рождения**. Мне удалось обнаружить копию паспортной книжки С. Г. Гингера — на сегодняшний день, пожалуй, единственный известный документ, в котором прямо указана точная дата рождения архитектора: 28 марта 1869 г.*** В паспортной книжке приведены также и другие неизвестные ранее биографические сведения об архитекторе, в частности — о семейной драме Гингеров.

С. Г. Гингер, получивший паспортную книжку в Управлении начальника Новороссийского округа 10 января 1900 г. на основании диплома Рижского политехнического училища от 9 июня 1895 г. за № 595, был женат на Александре (Алисе) Оттовне, урожденной Гинрихсен (род. 17 июня 1872 г.). О рождении у них двух сыновей — Григория (2 августа 1897 г.) и Владимира (26 июля 1899 г.), известно. В паспортной книжке есть еще одна запись. 27 февраля 1902 г. в семье Гингеров родился Анатолий, крещеный в православную веру 14 июня того же года в Териокской Казанской церкви Финляндской епархии. Вскоре семью постигло несчастье: младенец Анатолий скончался 21 ноября 1902 г. и был погребен на Митрофаньевском кладбище**.

* Чепель А. И. Инженер-архитектор С. Г. Гингер // Невский архив: историко-краеведческий сборник. Вып. 10 / науч. ред. В. В. Антонов. СПб., 2012. С. 111; Он же. Архитектор Гингер // Ленинградский мартиролог. 1937–1938 / отв. ред. А. Я. Разумов. СПб., 2012. С. 573.

** Гингер Н. Г., Мильчакова Л. Я. Наш дед Сергей Григорьевич Гингер // Ленинградский мартиролог. 1937–1938 / отв. ред. А. Я. Разумов. СПб., 2012. С. 570–573.

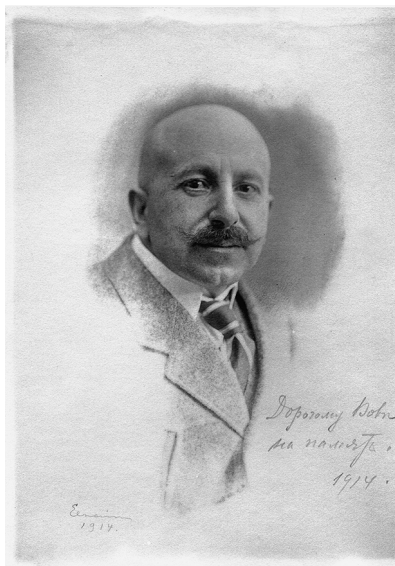
*** ЦГИА СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2414. Л. 2.

* Там же.

Дата гибели архитектора установлена точно: 9 ноября 1937 г.^{*}, но при этом справка УФСБ России по Томской области, указывающая эту последнюю трагическую дату биографии С. Г. Гингера, вновь ставит под сомнение дату его рождения, указывая в качестве таковой 21 марта 1869 г.^{**} Вероятно, всё же следует ориентироваться на бессрочную паспортную книжку, которая служила архитектору долгие годы в качестве официального документа. Таким образом, можно указать точные даты его жизни: 28 марта 1869 г. — 9 ноября 1937 г.

В заключение выскажем сомнения в тождественности петербургского архитектора

С. Г. Гингера и кишиневского архитектора Цалеля Григорьевича (Цалека Гершевича) Гингера. Известно, что человек, носивший имя Цалель (Цалик) Гингер, работал в Кишиневе в 1890-х — начале 1900-х гг. как архитектор, одновременно выступая в этом городе в качестве агента страхового общества «Россия»^{***}. Отчеты кишиневских агентов общества подтверждают, что Цалек Григорьевич Гингер, инженер, совместно с купцом Исааком Вольфовичем Гринфельдом служил агентом начиная приблизительно с 1890 г.; последний обнаруженный их отчет датирован 1908 годом^{4*}. Непонятно, каким образом человек, имевший на руках паспортную книжку на имя Сергея Григорьевича Гингера,

С. Г. Гингер. Фотография 1914 г. с дарственной надписью сыну.
ЦГАЛИ СПб.

* Гингер Сергей Григорьевич // Ленинградский мартиролог. 1937–1938 / отв. ред. А. Я. Разумов. СПб., 2012. С. 78.

** Архив УФСБ России по Томской области. Уголовное дело № П-2809.

*** Чепель А. И. Архитектор Гингер. С. 573.

^{4*} РГИА. Ф. 1136. Оп. 2. Д. 104. Л. 1 об.–4.

Дача О. О. Грузенберга. 1908 г. Арх. С. Г. Гингер. Сестрорецк, Лесная ул., 9.
Фотография 1910-х гг. ЦГАЛИ СПб.

перешедший в православие в 1898 г. (точно известно, что на момент перехода в православие он носил имя Сигизмунд, и именно Сигизмунд Гингер указан в официальном издании Рижского политехнического института; правда, дата рождения — на день позже, чем в паспортной книжке, 29 марта 1869 г.)*, продолжал в официальных отчетах именоваться Цалеком? Росчерков пера петербургского Гингера достаточно, а потому важным доказательством тождественности кишиневского Цалека и петербургского Сергея могли бы послужить какие-либо кишиневские автографы, но мне они неизвестны. Сохраним надежду, что дальнейшие поиски позволят решить эту загадку.

* Чепель А. И. Инженер-архитектор С. Г. Гингер. С. 11.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ *

Аксельрод Владимир Ильич — кандидат педагогических наук, методист сектора исторического краеведения и школьного музееведения отдела гуманитарных программ и детских социальных инициатив СПб городского Дворца творчества юных

Векшин Алексей Павлович — действительный член Русского географического общества

Гольцов Николай Николаевич — исследователь, член РОО «Институт Петербурга»

Журавская Алла Николаевна — методист научно-просветительского отдела Государственного комплекса «Дворец конгрессов»

Золотинкина Ирина Анатольевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного Русского музея

Измайлова Ирина Александровна — член Союза писателей РФ, историк архитектуры

Ильин Федор Ильич — выпускник Юношеского факультета Университета Петербурга, учащийся 10-го класса Второй Санкт-Петербургской гимназии

Капитонова Анна Игоревна — активист движения «Живой город»

Кириков Борис Михайлович — кандидат искусствоведения, директор СПб филиала НИИТИАГ РААСН, член Совета СПб ГО ВООПИиК

Клюквина Зоя Николаевна — член совета Клуба знатоков СПб ГО ВООПИиК

Князькина Альбина Вячеславовна — краевед, экскурсовод, председатель Совета РОО «Институт Петербурга»

Корейгенко Эльвира Николаевна — директор музея истории и техники ОАО «Кировский завод»

* Данные приводятся на время проведения конференции.

Коренцевит Виктор Абрамович — старший научный сотрудник ООО «Паллада»

Логунова Марина Олеговна — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник ГМИ СПб, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств

Марголис Александр Давидович — кандидат исторических наук, председатель Совета НИЦ «Мемориал», председатель СПб ГО ВООПИиК

Минутина-Лобанова Юлия Леонидовна — координатор движения «Живой город»

Миганович Христина-Аньджа — учащаяся 11-го класса ГБОУ Гимназия № 190, выпускница Юношеского факультета Университета Петербурга

Москалюк Анастасия Мстиславовна — практикующий архитектор, аспирант факультета градостроительства и архитектуры Израильского Технологического института Технион, г. Хайфа

Нестерук Елена Валериевна — исследователь, экскурсовод, член Совета РОО «Институт Петербурга»

Николаева Тамара Ивановна — искусствовед, заслуженный работник культуры РФ

Образцова Марина Валентиновна — аттестованный эксперт Министерства культуры РФ по культурным ценностям

Осокина Надежда Николаевна — исследователь-генеалог

Руднева Ирина Владимировна — аттестованный эксперт Министерства культуры РФ по культурным ценностям

Савицкая Анастасия Александровна — студентка Среднетехнического факультета СПбГМТУ

Сакович Ольга Игоревна — учащаяся ГБОУ Лицей № 408 Пушкинского района

Сапрыкина Людмила Юрьевна — краевед, экскурсовод, член Совета РОО «Институт Петербурга»

Стариков Юрий Владимирович — старший таксидермист Зоологического института РАН, член ЛОСХ секции реставрации, член Ассоциации естественно-исторических музеев России, член Творческого союза музейных работников СПб и ЛО

Тихонов Игорь Львович — кандидат исторических наук, заведующий Музеем истории СПбГУ, доцент кафедры археологии исторического факультета СПбГУ

Чепель Александр Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СПбГМТУ, член Совета РОО «Институт Петербурга»

Черненко Валентин Андреевич — внештатный научный сотрудник ГМИ СПб

Чигигина Алина Сергеевна — студентка Среднетехнического факультета СПбГМТУ

Штиглиц Маргарита Сергеевна — доктор искусствоведения, профессор СПбГХПА им. А. Л. Штиглица, член Президиума Совета СПб ГО ВООПИиК

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
ВИНИТИ РАН — Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук
ГлавАПУ — Главное архитектурно-планировочное управление
ГМИ СПб. — Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГРМ — Государственный Русский музей
ЗИН РАН — Зоологический институт Российской академии наук
ЛВХПУ им. В. И. Мухиной — Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной
ЛенЗНИИЭП — Ленинградский зональный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий
ЛОСА — Ленинградская организация Союза архитекторов
МАО — Московское архитектурное общество
ОР ГРМ — Отдел рукописей Государственного Русского музея
РГА — Российский государственный архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская национальная библиотека
РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей
ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАКФФД СПб. — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ВТОРЫЕ ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ответственный редактор *А. И. Чепель*
Корректоры *Ю. А. Смирнова, С. К. Бабинская*
Макет и серийное оформление обложки *С. А. Булазевой*
Верстка и подготовка иллюстраций *Л. А. Козловой*

ООО «Издательский дом „Коло“»
197198, Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 1/79, оф. 206
<http://www.kolohouse.ru>

Подписано в печать 08.04.16. Формат 60×90 в 1/16.
Гарнитура Майола. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 19. Тираж 300. Зак. 1310.

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. а